

У Р А Л Ь С К И Й

ISSN 0134-241X

снеговик

7•98

В. В. Тряцин

Камень Печка

Редакция:
Герман ИВАНОВ
(главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Анна КОСТРИКОВА
(художественный редактор),
Леонид ШУНЯЕВ

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

УЧРЕДИТЕЛИ –
СОЮЗ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ,
ТРУДОВОЙ
КОЛЛЕКТИВ
ЖУРНАЛА

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Кир БУЛЫЧЁВ
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЁБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная вёрстка:
Анна КОСТРИКОВА,
Эдуард КИСЕЛЁВ

Адрес редакции:
620142, Екатеринбург,
ул. Декабристов, 67
Телефон редакции:
(3432) 224-501

Рукописи принимаются
перепечатанными
на машинке через 2 интервала,
60 знаков в строке,
28-30 строк на странице.
Материалы на дискетах
рассматриваются в первую очередь.
Рукописи не рецензируются
и не возвращаются.

По вопросам подписки
и доставки обращаться
в районные отделения
«Росвязьинформа».

Бракованные экземпляры
отправлять
в ИПП «Уральский рабочий».

Рег. № 441 от 13.12.90
Подписано к печати 09.07.98
Формат 84x108/16.
Бумага газетная.
Печать офсетная.
Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 18,6.
Усл. кр.-отт. 8,4.
Тираж 2200.
Заказ № 199.
Все претензии по ошибкам в тексте
предъявлять
редакции журнала «Уральский следопыт»
Отпечатано с готовых оригинал-макетов
на ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

Фото на 1-4 стр. обложки
Павла Горбунова.
В. Трясцин. «Весна. Ледоход»

© «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ», 1998г.

В номере: 7 '98

Чусовая Виктора Трясцина
Юний ГОРБУНОВ ----- 2

Пушкиниана Флорентия Павленкова
Георгий ВОРОНЦОВ ----- 3

Краеведческая копилка ----- 5

Старые журналы ----- 7

Рассекающий пенные гребни
Владислав КРАПИВИН ----- 11

ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»

Пессимистические комедии
Александр ЧУМАНОВ ----- 29

Пять яблок
Андрей ПОПКОВ ----- 47

Заочный КЛФ ----- 53

Рассекающий пенные гребни (продолжение)
Владислав КРАПИВИН ----- 55

«Есть родина у нас»
Юлия МАТАФОНОВА ----- 73

«Усмирял человеколюбивою ласковостию»
Юрий КЛЮШНИКОВ ----- 76

Закон Черкуна
Павел КАРАВДИН ----- 78

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
В 1935 ГОДУ.

ВОЗОБНОВЛЕН
В 1958 ГОДУ.

Юний ГОРБУНОВ

ЧУСОВАЯ ВИКТОРА ТРЯСЦИНА

В мастерскую екатеринбургского художника Виктора Трясцина, как в Каму, впадает река Чусовая. Здесь шумливые перекаты и спокойная гладь ее вод. Причудливая архитектура скалистых берегов, таинственных и прекрасных в своей первозданности. Ее небо. Ее дали. Ее родники. Ее клады. Чусовая летом, осенью, зимой и весной. Чусовая распахнутым полднем и просыпающаяся на рассвете с пеньем птиц. Чусовая грустным вечером и в объятиях ночи... Чусовая на всем ее протяжении. Сколько плавано по ней, сколько хожено, сколько ночевано в палатках и шалашах!

Здесь мы видим и Чусовую, какой ее нет уже на самом деле. Ее исчезнувшие деревни, харьюзовые омутки, не задетые топором берега... Здесь в тесной комнате с заляпанным красками полом живет Чусовая времен Виктора Трясцина, его художнической манеры, идущей от Константина Коровина, Валентина Серова и екатеринбуржца Леонарда Туржанского. Здесь была и небыль Чусовой. Какая она есть и какой ее видит только он, художник.

Виктор Вениаминович — свердловчанин. В молодости учился в военно-медицинском училище, захватил войну, правда, на русско-китайской границе, на озере Ханка. Потом, вернувшись, закончил Свердловское художественное училище Хожателева. Как художник, рос и мужал в атмосфере Свердловска 50-70-х годов, но шел всегда одиноко. Трудно и долго добивался признания, мастерской в 37 квадратов, редких персональных выставок, семейного лада... Но при этом не изменил своей первой творческой привязанности — реке Чусовой.

Как рождаются полотна Виктора Трясцина?

...Сижу как-то у одного переката, рассказывает он, у села Волегово, пишу этюд. Остановился возле рыбака. В садке — улов. Стоит, молчит. Каждый свое делаем. Потом вдруг начал рассказывать свою жизнь. Из Волегово на фронт ушли 67 мужиков, а вернулись семеро. Сам он восемь дней воевал, а потом после ранения четыре года по госпиталям маялся...

Еще постоял рыбак. Посмотрел. Этюд ему понравился. Обещал приехать. Глянуть на картину...

Ничего этого нет на полотне Виктора Трясцина «Волеговские гребни». И все это там есть. В этом — притягательная тайна картины. Если бы пришел тот рыбак взглянуть на нее, он и узнал и не узнал бы давнего этюда.

Как у Трясцина рождаются полотна? На трех-четырёх, а то и шести пишется один и тот же чусовской пейзаж. Такая у художника манера — работать сразу несколько вариантов одной и той же картины. Чего на одном полотне не удалось, то на другом проявится. Да и расставаться со своими пейзажами насовсем он не любит. Его Чусовая, такая разная, всю жизнь обступает художника со всех сторон.

Работы Виктора Трясцина (нынче художнику исполнилось 75 лет) с кем-то другим спутать невозможно, пройти мимо них, не остановившись, нельзя. Как мимо тайны, которая живет в каждом его полотне и этюде. Так и хочется, поднявшись на цыпочки, или раздвинув прибрежные заросли, заглянуть ТУДА, куда тебя лукаво манит художник — крепыш-лесовичок с голубыми омутками глаз и копной волос с проседью.

*Фоторепродукции на 1-4 страницах обложки
Павла Горбунова и из архива художника.*

Георгий ВОРОНЦОВ

ПУШКИНИАНА

ФЛОРЕНТИЯ ПАВЛЕНКОВА

В январе 1887 года исполнилось 50 лет со дня гибели А.С. Пушкина и одновременно истек срок монопольного права наследников поэта на тиражирование его сочинений. Столичные издатели приготовили для публики подарок: А.С. Суворин — десять томов сочинений Пушкина, Ф.Ф. Павленков — восьмитомник.

Репортер «Русских ведомостей» так сообщал о начале торговли: «Еще до открытия стояла толпа... С минуты на минуту она увеличивалась. Магазин был битком набит, были давка и смятение». 15 и 14 тысяч тиража того и другого издания раскупались в считанные часы. В том же году оба издателя выпустили второе и третье издания, причем Павленков увеличил количество томов до десяти. Печальная для России дата обернулась праздником пушкинской музыки.

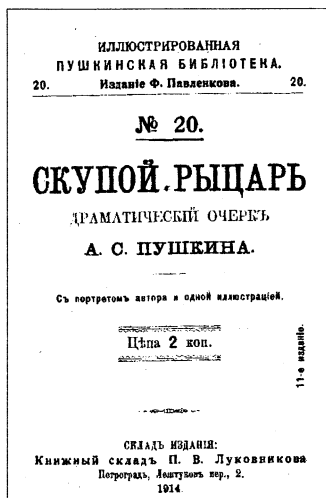
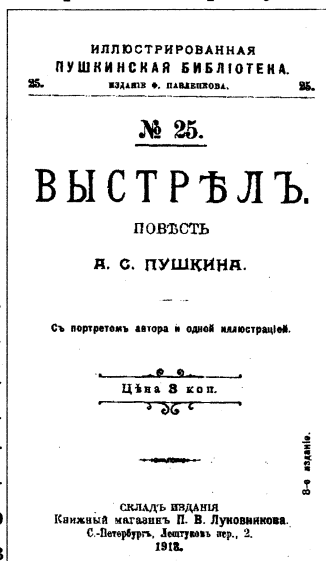
Суворин десятитомником тогда и ограничился, а пушкиниана Флорентия Павленкова в 1887-м только началась.

Это был в России предприниматель нового типа. Воспитанный на демократических реформах 60-х годов, он с первых

шагов поставил свое издательское дело в прямую зависимость от народных нужд, прежде всего от нужд просветительских. На взгляд Павленкова, человека образованного, храм русской литературы стоит на трех столпах: Пушкине, Лермонтове и Гоголе. Насытить российский рынок произведениями этих трех писателей он поставил своей задачей.

Вслед за 10-томником, рассчитанным на интеллигентного читателя, появляется «полное» собрание сочинений Пушкина в одном томе. В нем нашли место все известные к тому времени произведения Пушкина, дополненные к тому же пятьюстами письмами поэта, биографией и 160-ю гравированными рисунками.

Журнал «Русская мысль» в обзоре пушкинианы 1887 года так писал о павленковском однотомнике: «Мы поставили издание на первом месте в числе дешевых изданий сочинений А.С. Пушкина потому, что считаем очень удобным иметь полное их собрание в одном томе... Для учителей, особенно для учителей сельских и низших школ, ничего не может быть лучше».

Моментально распродав десять тысяч экземпляров однотомника и дополнительно к нему 5100 — отпечатанных на бумаге лучшего качества, Павленков тотчас выпускает новое издание.

Но и на этом он не остановился. В 1888-м приступил к печатанию массовым тиражом дешевой «Иллюстрированной пушкинской библиотеки». В магазинах обеих столиц и провинции появились 40 карманного формата книжечек. В 34 из них были напечатаны отдельно все крупные произведения Пушкина, а в шести собраны вместе поэмы, сказки, баллады и легенды, драматические произведения, «Повести Белкина» и письма поэта. Стоили книжечки баснословно дешево:

отдельные произведения — от двух до двадцати копеек, сборники — от десяти до двадцати пяти. Вся иллюстрированная пушкиниана Павленкова можно было купить за 2 рубля 74 копейки.

Тиражи павленковского Пушкина были миллионными. Каждая его книжечка выходила по 10-13 раз.

Примеру Павленкова последовали другие русские издатели. Общедоступная пушкиниана стала стремительно завоевывать книжный рынок, внедряться в народные библиотеки-читальни. Точкой, поставленной в ней, можно считать биографию поэта, изданную в знаменитой павленковской серии «Жизнь замечательных людей».

Леонид ОСИНЦЕВ

ШАДРИНСКАЯ ПРИСТАНЬ

Водный транспорт нетрадиционен для Шадринска. Был у города всякий: и гужевой, и автомобильный, и железнодорожный, и воздушный, так как в прежние времена в Шадринске продолжительное время находилась авиаэскадрилья Гражданского Флота. Не было только водного. И вот он появился в сороковых годах.

Правда, сведений о речном флоте мало, хотя еще живы люди работавшие судоводителями, мотористами, матросами, и в госархив обращалось несколько речников для подтверждения трудового стажа.

Сведения о судоходстве на Исети встречаются и в документах далекого прошлого. Так, отцы-настоятели Далматовского Успенского монастыря еще во времена оны снаряжали веснами небольшие караваны судов с хлебными, соляными и прочими припасами. Вместительные дощаники отправлялись по Исети и шли до Тобольска, к Дому Софийскому. По указу преосвященного митрополита Тобольского и Сибирского в домовые его архиерейские житницы водой и санным путем везли солод яшный, хмель, пшеницу чистую, горох, крупу гречишную, муку пшеничную, масло коровье, масло конопляное, крупу просяную, щучину, язей, линей, соль.

В 1736 году промеморией из Шадринской воеводской канцелярии были отданы Далматовс-

кому монастырю под расписку три дощаника для перевозки провизии в Тобольск. В 1745-м крестьяне Аншуковой (Анчуговой) деревни перевезли рожь из Шадринска до Мехонской слободы на дощаниках, чтобы сплавлять водой.

В восьмидесятые годы прошлого столетия, когда кончалось время санного пути через реку, для шадринского земства наступала хлопотливая пора. Плотину через реку, как обычно, носило — вот тут земство и налаживало переправу через Исеть.

Перевозили на шести больших и четырех малых лодках. На большие — паромы — грузили подводки, на малые — людей. На пароме обычно работало семь гребцов, на лодке — три. Таким образом, в весенний разлив и, видимо, до лета на переправе трудилась целая корабельная команда — 54 гребца. Особенно жарко бывало в базарные дни. Вода шла быстрая, берег от берега — за километр. Исеть тогда напоминала скорей всего Неву или Енисей.

На каждом берегу находилась пристань и съезд к ней, а также сарай, в котором хранились запасные весла, веревки для крепления подвод и смола. В ночное время смотрители пристаней зажигали фонари, чтобы речники не сбивались с курса.

Когда же плотина и мосты через реку восстанавливались,

гребцы бросали весла до будущей весны.

Особый интерес шадринцев к судоходству наблюдался в девяностых годах прошлого века. В 1891 году был даже подготовлен доклад об изменении русла Исети в отношении судоходства на ней, потом создали комиссию по измерению этого русла от Шадринска до Ялуторовска. Изучался вопрос о судоходстве от села Мехонского до реки Туры, о пропуске судов с грузами в Исеть из Тобола.

Один из героев романа «Хлеб» Д.Н. Мамина-Сибиряка заводил на Исети пароходное дело и даже перевозил на барках хлеб пароходом. Он гонял их от ялуторовского Городища до Заполья (Шадринска).

Старожилы рассказывали, что один купец частенько курсировал между Шадринском и селом Мыльниковым на своем пароходике с трубой, которая густо дымила. Писатель и путешественник К.Д. Носилов имел на Исети сначала моторную лодку «Ялмал», а потом и яхту «Салетта», названную так в честь речки на полуострове Ямал. В период революции он ее продал купцу Юкляевских, и она потом долго ржавела на купеческом дворе.

В 1915 году К.Д. Носилов писал в местной газете «Исеть», что в недалеком будущем река будет судоходной, а Шадринск — портовым городом, так как тогда разрабатывался проект

трансуральского водного пути, который бы соединял по рекам Чусовой и Исети Обский речной бассейн с Волжско-Камским.

Устройство в Шадринске гавани намечалось вблизи казенного винного склада, ныне ликеро-водочный завод, «где вполне возможно устроить причальную линию в 300 сажен и создать водную площадку для передвижения судов и их зимовки».

Проект не был осуществлен из-за войны и революции, а потом о нем и вообще забыли.

В те времена на Исети лесов было погуще, потому она и была полноводней. Даже в жаркое время года ширина реки у Шадринска превышала шестьсот метров, а глубина в самых мелких местах — около полутора метров. (Сведения 1823 года).

В советское время на Исеть, как на потенциально судоходную реку, обратили профессиональное внимание специалисты Нижне-Иртышского речного пароходства, которое находилось в Омске. Во время Великой Отечественной войны в Шадринске уже работала пристань. Правда, дела ее были не блестящи, но это наверное не зависело от ее географического положения.

Так, в начале марта 1944 года начальника пристани вызывали на заседание гориспол-

кома. Он сделал доклад о подготовке флота к навигации, из которого выяснилось, что пристанское хозяйство приведено в полный упадок, а план перевозки грузов за 1943 год выполнен всего лишь на 10 процентов. Самоходные и несамоходные суда были выведены из строя.

К пристани были приписаны 3 мотокатера, работавшие на жидком топливе — керосине и два газохода на твердом топливе — деревянной чурке. В то время на чурке работала также часть тракторов и грузовых машин. Топились эти печки-самовары — источники энергии, в которых горели небольшие деревянные кубики-чурки. Несамоходный флот пристани состоял из барж-паузок, три из них грузоподъемностью по 110 тонн, две — по 50 и четыре — по 32 тонны. Таким образом, в местной флотилии было 14 судов.

Но дело в том, что у Шадринской пристани не было доброго, рачительного хозяина, поэтому из зимнего ремонта на начало марта не вышло ни одно судно. Личный состав местного пароходства укомплектован не был, а пристанское хозяйство в целом к навигации не подготовилось, над планом перевозки грузов никто не работал, фондов на горючее пристань не получала. Да и оборудо-

дована она была в неудачном месте.

Конечно, горисполком как-то пытался повлиять на пристанские дела. Начальника предупредили, что в случае невыполнения плана он будет привлечен к уголовной ответственности. Его обязали закончить ремонт судов к 1 июня. Решили также просить Шатровский райисполком потребовать от начальника тамошнего Баржестроя закончить ремонт шадринских барж и заняться выпуском новых.

В шестидесятых годах по Исети еще курсировал беленький, чистенький катерок, от Спасо-Преображенского собора и, кажется, до села Красномыльского, как напоминание о том, что Шадринск когда-то был «портовым» городом.

В 1972 году группа шадринцев на яхте «Фея», построенной в нашем городе, ходила маршрутом путешественника и писателя Константина Дмитриевича Носилова. Следопыты шли по Оби, Обской губе, Карскому и Баренцеву морям через пролив Югорский Шар, омывающий обрывистые берега острова Вайгач, закончив свое плавание в Нарьян Маре. Об экспедиции сообщала газета «Ленинградская правда», а руководил ею инженер телефонного завода И.В. Кубяк.

г. Шадринск

Поправка.

Когда очерк о Максиме Походяшине был уже в печати (см. «УС» № 4-6, 1998 г.), мы получили письмо от автора. Георгий Иванович просил внести в одну из глав очерка следующую поправку: «Недавно в руки одного из екатеринбургских краеведов попали итоги переписи населения Верхотурья в 1721 году, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов. В них содержится опросный лист, заполненный в семье Походяшиных. В нем сказано: «...во дворе Петр Михайлов сын Походяшин сказал себе 21 год, у него брат Максим 12 лет, крепостной дворовый человек Осип Иванов 19 лет, племянник Иван 1 год, а больше того мужеска полу детей и дворовых за ним никого нет...»

Значит, Максим Походяшин родился не в 1729 году, а в 1709-м, и жил он в семье старшего брата. В 40-е годы, имея за плечами более 30 лет, Максим Походяшин вполне мог иметь несколько винокуренных заводов».

Георгий ВОРОНОВ

Рубрику ведет Юний ГОРБУНОВ

На этот раз мы с вами откроем номер петербургского исторического журнала «Русская старина» за 1914 год.

Вообще не много встретишь в нашей коллекции изданий, так щедро нашпигованных исторической информацией, поданной главным образом в форме доверительных записок, воспоминаний, переписи.

Кто только не предлагает «Русской старине» своих мемуарных услуг! В нашем номере это и известнейший столичный юрист и сенатор А. Ф. Кони, и экономист П. Н. Исаков в генеральском звании и чине действительного статского советника, и одна из первых русских женщин-философов М. В. Безобразовых — отпрыск двух породнившихся славных фамилий Соловьевых и Безобразовых, и ныне совсем забытая писательница с громкой княжеской фамилией Волконская, которая напечатала в «Русской старине» проникновенные мемуары о Балакиреве, своем учителе музыки... А есть среди авторов и такие воспоминатели, коих и следа не осталось даже в самых густонаселенных биографических справочниках.

Обилие мемуаров, бытовых подробностей сообщает «Русской старине» этакое домашне-интимный характер и ставит ее наособицу в ряду других исторических журналов.

Мы, наверное, еще не раз обратимся за исторической нетленкой к «Русской старине», детищу знаменитого историка М. И. Семецкого, ежемесячнику, который в течение почти 50 лет грел российскую историческую науку.

А сейчас остановим наше внимание на заметках, озаглавленных «Елена Ивановна Шидьянская, капитан амазонской роты», (1914, №1), воспроизводящих характерный эпизод из времен Екатерины II. Эти сведения собрал из разных источников печатных и семейных и доставил журналу внук самой

капитанши — И. С. Чех, что несомненно придает им оттенок первородства. Так например, он еще застал в живых некоего С. И. Генкеля, который помнил старуху Шидьянскую, и некоторые эпизоды из истории амазонской роты слышал от нее самой.

РУССКАЯ
СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

1914.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ ГЛАВНОЕ АДМИРАЛТЕЙСТВО 1753г.

КАПИТАН АМАЗОНСКОЙ РОТЫ

Мысль о составлении из гречанок амазонской роты произошла следующим образом: Государыня Екатерина II, вознамерясь обозреть вновь присоединенный к России Крым, имела разговор с светлейшим князем Потемкиным, который между прочим выхвалял храбрость греков и даже жен их. Государыня, смеясь храбрости женщин, спросила: чем он может доказать выхваляемую их храбрость? Потемкин обещался Государыне уверить ее в сем на месте — в Крыму. Дав такое обещание, он прислал из Петербурга повеление премьер-майору Балаклавского греческого полка Чапони — непременно устроить амазонскую роту из вооруженных женщин.

Предписание это было получено в марте 1787 года, а Императрицу ожидали в мае того же года.

Премьер-майор Чапони был в большом затруднении исполнить такое повеление, но, посоветовавшись с капитаном Сарандовым, решился предложить всем военным дамам участвовать в амазонской роте. Так как Сарандов был старшим ротным капитаном, то Чапони предложил его девятнадцатилетней супруге, Елене Ивановне*, быть ротным капитаном амазонской роты.

Составлена была рота из благородных жен и дочерей балаклавских греков в числе 100 особ.

Наряд амазонок состоял из юбок малинового бархата, отороченных золотым галуном и такою же бахромой; курточек или спенсеров зеленого бархата, также обшитых золотым галуном; головной убор состо-

* По словам С. И. Генкеля, Елена Ивановна была родом из Константинополя. Отец ее служил придворным врачом у турецкого султана. Во время бунта янычар все ее семейство было перебито. Случайно она уцелела. Один из ее родственников в мешке вынес 4-7-летнюю девочку и отправил ее в Евпаторию к родственникам. — Авт.

ял в белых тюрбанах с золотыми блестками и страусовым пером. Все амазонки были вооружены ружьями при трех патронах пороку.

Встретить Императрицу положено было близ Балаклавы у деревни Кадыкиой, и рота под начальством Елены Ивановны была построена в конце аллеи, уставленной апельсиновыми, лимонными и лавровыми деревьями, простиравшейся на четыре версты в длину и усеянной лаврами.

Прежде приехал верхом римский (австрийский) император Иосиф II осмотреть Балаклавскую бухту и развалины древней крепости.

Увидев амазонок, он подъехал к командиру роты, Елене Ивановне, и поцеловал ее в губы, что произвело сильное волнение в роте. Но командир успокоил своих подчиненных словами:

— Смирно! Чего испугались? Ведь вы видите, что император не отнял у меня губ и не оставил мне своих.

Слово «император» подействовало на амазонок, которые не знали, кто был подъехавший.

Осмотрев бухту и крепость, венценосный путешественник возвратился к Императрице и уже приехал во второй раз к Кадыкиою с Ее Величеством и князем Потемкиным в ее карете.

Подъехавши к устроенной аллее, Государыня остановилась. Тут встретил ее Балаклавского полка протоиерей Ананий с крестом, хлебом и солью, ожидавший Ее Величество в нарочно приготовленной палатке.

Потемкин, вышедший из кареты, просил позволения у Государыни стрелять амазонской роте, встретившей ее. Она запретила.

Не выходя из кареты, Императрица подозвала через переводчика Гаврено начальника их, Елену Ивановну, к себе, подала ей руку, поцеловала в лоб и, потрепав по плечу, изволила сказать:

— Поздравляю вас, ама-

Костюм амазонки в 1787 году

зонский капитан! Ваша рота исправна. Я ею очень довольна.

Потемкин искренно радовался одобрению Государыни.

Не выходя из кареты, Государыня поехала в Инкерман. В день царя Константина** и матери его Елены Государыня была в Бахчисарае, где слушала литургию в своей походной церкви и прожила во дворце два дня. Амазонский капитан, Елена Ивановна, имела счастье видеть Государыню и в Бахчисарае.

Государыня узнала ее, подала опять руку и потрепала по плечу.

Из Акмечети*** Государыня прислала ей Монаршее благоволение и бриллиантовый перстень**** в 1800 рублей, а прочим дамам, составлявшим амазонскую роту, награждения 10000 рублей.

Вслед за тем рота была распущена.

Через непродолжительное время Елена Ивановна овдовела и, будучи бездетной, вышла замуж за вдовца Гавриила Шидянского. Прожив с ним около 12 лет, она в 1803 году опять овдовела, оставшись теперь с двумя малолетними дочерьми и сыном.

Дворянской опекой она была назначена опекуницей над имуществом своих детей и падчериц, заключавшемся в 10000 десятин земли с соляными озерами.

С большим и для того времени имением она не сумела справиться. Землю с озерами, находившимися в 200 верстах от Симферополя, в 1837 году, за неплатеж акцизного сбора за соль, достигшего 63

437 рублей, отбирают в казну, и она, лишенная средств существования, поселяется у своей замужней дочери Анны Гавриловны.

Но несчастья не перестают преследовать бедную старуху, в 1847 году умирает ее зять, у которого она поселилась, и крайняя лишь нужда, вследствие потери зрения, заставляет ее обратиться за помощью чрез посредство князя М. С. Воронцова.

В сентябре месяце 1848 года бывший наместник кавказский, князь М. С. Воронцов, сообщил министру императорского двора князю Волконскому, что он получил письмо из Симферополя от вдовы титулярного советника Елены Ивановны Шидянской, в котором она объясняет, «что, командуя еще в царствование императрицы Екатерины II ротой амазонок и имев счастье представить роту Ее Величеству, была осыпана ее милостями, что, достигнув теперь 90 лет, лишась зрения, она хотя с того времени и не беспокоила царствовавших августейших монархов просьбами об оказании ей пособия, но, находясь в крайней бедности, просит об исходатайствовании ей от щедрот Его Императорского Величества единовременного пособия».

Князь Воронцов, имея в виду засвидетельствование таврического предводителя дворянства, что все сие

вышеупомянутое справедливо и что, по старости и крайне бедному положению Шидянской, она заслуживает благодетельного внимания Государя Императора, просил князя Волконского повергнуть все эти обстоятельства на благоусмотрение Его Величества.

По Высочайшему повелению

было препровождено к князю Воронцову 29 сентября 1848 года 300 рублей серебром из Кабинета Его Величества для Шидянской и притом приказано прислать сведения, когда была составлена рота амазонок, где, из какого звания.

Встреча Екатерины II ротой амазонок в 1787 году (со старинной литографии)

** Римский император Константин I Великий, основатель Константинополя. День его памяти — 21 мая. — Ред.

*** Ныне Симферополь. — Ред.

**** По словам одного из потомков капитанши, перстень, пожалованный ей Екатериной II, был украден. Все розыски, предпринимаемые тогда, не дали результатов. — Авт.

Получив в ноябре 1848 года Высочайше пожалованные ей 300 рублей, она, согласно письму таврического губернатора В. И. Пестеля от 24 ноября за № 12470, описывает вышеупомянутую историю возникновения амазонской роты, заканчивая свое письмо так:

«Вот те сведения, которые сочла я обязанностью сообщить вашему превосходительству.

Воссылая теплые мольбы о благоденствии Августейшего Милосердного Монарха Великого Правнука Великой Екатерины и великодушных сановников Его князя Михаила Семеновича Воронцова, вашего превосходительства и г. Предводителя дворянства тайного советника А. Н. Казначеева, как единственных виновников той священной радости, которая, подобно благотворному солнцу, еще раз блеснула для меня, 95-летней старухи, на закате дней моих, счастьем считаю именоваться вашего превосходитель-

Е. И. Шидянская

ства милостивого государя покорнейшею слугою».

Е. Шидянская.
28 ноября 1848 года,
Симферополь.

В декабре месяце 1848 года князь Воронцов доставил сведения, сообщенные самой Шидянской.

Это была последняя царская награда для бывшего капитана амазонской роты. Вскоре она умерла.

В Симферополе, на старом кладбище, среди полуразрушенных памятников, одиноко стоит простой из обыкновенного песчаника, в форме георгиевского, крест с надписью:

**1849 года
сентября
4-го скончалась капитан
Амазонской роты Елена
Шидянская на 95 году
своей
жизни.**

ПРОЗА

Владислав КРАПИВИН

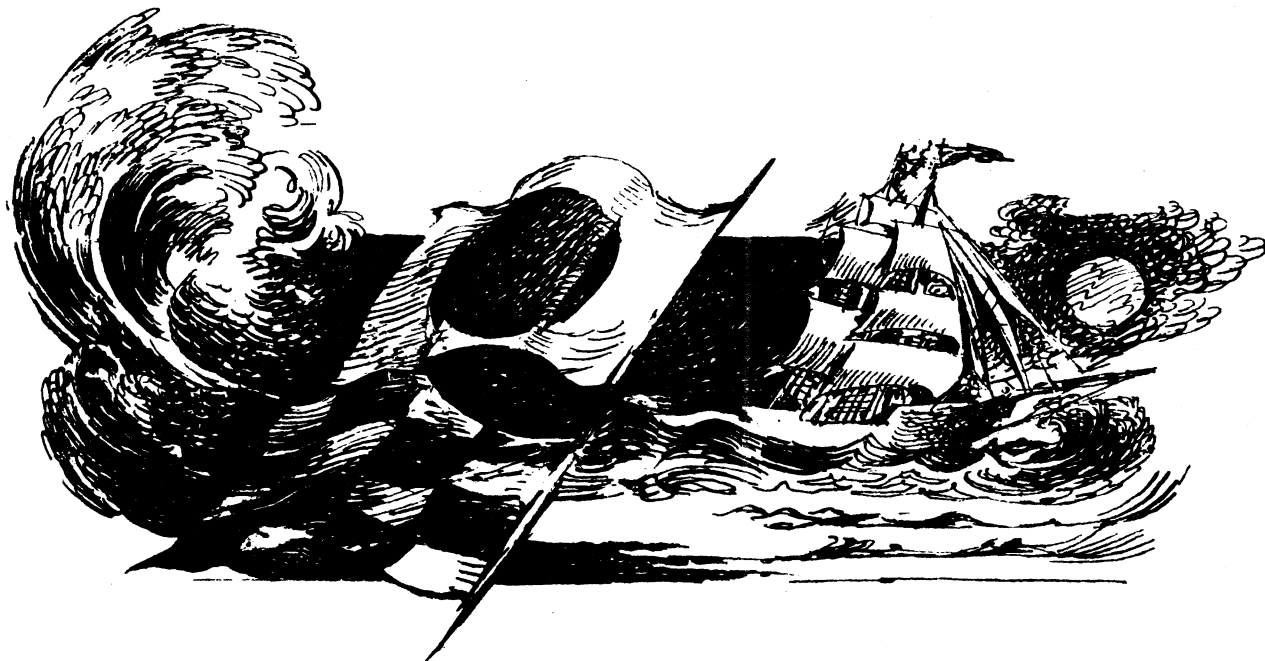
РАССЕКАЮЩИЙ МЕЖИМЕ ТРЕБИ

Приморская повесть

Рисунки Евгении СТЕРЛИГОВОЙ

*«Выпрямляйся, барабанщик!..
Выпрямляйся, пока не поздно».*

А. Гайдар.
«Судьба барабанщика».

I. СОЛНЦЕ В ДЫМУ

1.

Перед расстрелом мальчик слушал ночных кузнечиков.

Кузнечики трещали на старом бастионе. И по всей округе трещали. А мальчику казалось, что в небе стрекочут лучистые звезды.

Часовой выпустил мальчика из каземата и разрешил подняться на площадку низкой оборонительной башни.

— Только ты это, смотри, без глупостей. Не пробуй удрать.

Мальчик лишь вздохнул. Бежать надо было вместе с Витькой и другими пленными. А теперь что? Посты усилили, нынче их не обойти. Да если бы и удалось вновь оказаться на берегу бухты, куда деваться потом? Пловец он никакой, а ширина бухты — не меньше четверти лье...

— Не бойся, Мишо, я просто полежу наверху...

— Вот и ладно. А то, если сбежишь, мне точно не быть живым... А тебе чего бояться? Попугают утром, пальнут поперх головы, да и гуляй на здоровье. Ну, разве что еще выдерут, чтобы в другой раз не дурил, но это дело не смертельное...

Пожилой добрый Мишо жалел и утешал мальчишку. Но мальчик знал, что солдат врет. Приказ о расстреле отдал сам командующий, а он никогда не отступает от своих слов. Тем и знаменит...

Площадка была засыпана землей и поросла кустиками упругой травы. Мальчик лег на спину. Жесткие метелки защекотали затылок и уши. Трава пахла сладковато-и полужнакомо. А еще пахло нагретыми за день камнями и морем. А гарью и трупами не пахло совсем. За несколько спокойных, почти мирных дней этот военный запах поулегся, растаял, уступил дыханию природы. К тому же, здешний приморский бастион никогда не был в линии активной обороны. Даже при самых жестоких боях его обстреливали редко и ни разу не штурмовали. Здесь был у противника пересыльный лазарет и склады.

Стрекот кузнечиков (или звезд?) был сильным, но не утомительным. Даже ласковым.

Стоял сентябрь — время для здешних мест совсем еще летнее. Ждали равноденственных бурь, но пока над Полуостровом завис недвижный прогретый воздух. И сейчас пласты этого воздуха невидимо, но ощутимо шевелились над мальчиком. А сквозь них смотрели тысячи звезд.

Звезды были разные — яркие и еле заметные. Очень далекие и очень близкие. Некоторые — будто в пяти футах от лица. А в самой высокой дали светились облачка звездной пыли.

Иногда медленный текучий воздух шевелил гроздь звезд. Но, качнувшись, они снова делались неподвижными. Только со стрекотом раскидывали в черноте голубые и белые лучи...

Над деревней Пуль-Нуар, где мальчик жил до войны, тоже бывали яркие звезды. И мальчик любил смотреть на них из чердачного окна, из своего ветхого жилища-голубятни. Но такого несговорчиво-черного неба он не помнил. Там, если приглядеться, можно было все-таки разглядеть в небесной тьме еще более темную колокольню, что возвышалась над церковью Святого Антуана. В арочном проеме колокольни угадывался большой колокол.

Про колокол говорили, что раньше он висел на маяке. И что в первую полночь полнолуния, если встать против церковных дверей, можно услышать, как из колокола доносится эхо голосов. Это будто бы голоса тех, кто сгинул в чужих краях — ушел на войну или на заработки и никогда уже не вернется.

Деревенский кюре отец Бастиан убеждал прихожан, что это пустые суеверия. Он был молодой, увлекался науками, любил рассказывать мальчишкам про электричество и не раз говорил в проповедях, что истинная вера не имеет ничего общего с предрассудками. Пожилые мужчины и тетушки слушали отца Бастиана с почтением, но потом покачивали головами. И многие женщины по-прежнему ходили в темную полночь к церкви. И запрокинув лица, прислушивались со страхом.

Но ради мальчика ходить к церкви никто не станет. И даже если эхо прозвучит в колоколе, никто не услышит, не загорюет...

Мальчику стало жаль себя. Но не так уж

сильно, не до слез. Потому что стрекочущие звезды успокаивали его. Словно говорили: «Не горюй, скоро будешь среди нас». Может, и правда?..

Да и какой смысл жалеть, если все равно ничего не изменишь? Что сделано, то сделано. И случись такая история снова, он поступил бы так же.

Дядюшка Жак — старый капрал Жак Бовэ — не раз повторял: «Если сделал в жизни, что задумано было, то и помирать не страшно».

Ну нет, все-таки страшно... Только сейчас этот страх был где-то в отдалении, позади усталости, позади покоя, который вместе с теплым воздухом, с кузнечиками и звездами подарила мальчику ночь.

Просто душа его устала ужасаться и мучиться. Днем-то он пережил и перечувствовал столько, что хватило бы на целую жизнь до старости. И острый ужас, когда узнал о приговоре; и отчаяние, и надежду; и тоскливое понимание, что надежда — напрасна. И... пробившуюся сквозь страх злую гордость: «А все-таки я сделал э т о! И вам их не поймай!»

Но теперь не было и гордости. Просто желание лежать так долго-долго. И чтобы звезды не смолкали...

В конце концов (он чуть-чуть усмехнулся про себя) есть во всем этом и что-то хорошее. Не придется страдать от качки при обратном плавании. Ох какое это мучение, когда корабль с борта на борт переключивают тяжелые валы, а человека выворачивает наружу, как мешок из-под гнилой капусты. Тогда кажется, что это, конечно же страшнее, смерти!..

2.

А ведь хотел быть моряком! Потому и сбежал в Порт-Руа, когда услышал от отца Бастиана, что военная эскадра скоро двинется к чужим берегам.

Корабли высадят многочисленный десант, и грозные батальоны, взяв штурмом приморскую крепость, прославят свою страну и любимого императора. И смоят сорокалетнюю горечь поражений четырнадцатого года! Так было написано в газетах, которые на диковинной двухколесной дрезине привозил

отцу Бастиану верткий и длинноногий почтальон месье Додó.

Отец Бастиан пересказывал прихожанам статьи, но при этом поджимал губы и сердито тискал худой бритый подбородок. И однажды прямо высказался, что ему, служителю Христа, негоже одобрять смертоубийственные планы. Даже если они во славу отчизны.

Пожилые обитатели Пуль-Нуар также этих планов не одобряли. Но молодежь и мальчишки смотрели на такое дело иначе. Недаром в ходу опять был старый гимн: «К оружию, граждане, пришло время славы!» Слова эти и мелодия волновали кровь. Нескольким парней — под причитания матерей и невест — подались в волонтеры.

Подался и мальчик.

Только сухопутным героем быть он не хотел. Ему виделась в мечтах палуба, на которой он ловко подносит снаряды к раскаленному от боя карронадам. От залпов летят в воздух остатки бастионов на вражеском берегу... А потом война кончается и фрегат уходит в плавание к дальним архипелагам. Как в книжках про капитанов Ла Перуза и де Бугенвиля, которые давал почитать отец Бастиан...

Мальчик не боялся, что будут о нем печалиться и станут искать. Отца с матерью давно не было на свете, старшая сестра вышла замуж за ученика аптекаря в ближнем городке, а мальчишку приютили дальние родственники.

Нет, его не обижали и даже отпускали в деревенскую школу. Все было по справедливости. В доме дядюшки Пьера и его супруги тетушки Жозефины он получал ту же порцию луковой похлебки и колотушек, что и родная их многочисленная ребятня. Но и только... И понимал он, что месье Пьер и мадам Жозефина тайком вздохнут с облегчением, когда поймут, что одним едоком стало меньше. Тем более, что пользы от мальчишки ждать не приходилось. Он, чуть выпадет свободная минута — носом в книжку. А от ученых книжников много ли проку в деревенском хозяйстве? Только огарки церковных свечек зря жег на своем чердаке. Сколько было говорено: «Не смей, а то дом спалишь», а он все свое...

В Порт-Руа среди суеты, многолюдья и погрузочной сутолоки попасть на корабль оказалось нетрудно. Труднее было таиться там до выхода в море. Ну, а дальше — то, чего он и ожидал. Сначала — крепкие руки, выдернувшие его из-за бухты толстого каната. Подзатыльник. Краснолицый, с растопыренными бакенбардами офицер в позументах (то ли сам капитан, то ли один из его лейтенантов). «Всыпать паршивцу две дюжины линьков и выкинуть его на корм селедкам!» И, конечно, не сделали ни того, ни другого. Вступился оказавшийся рядом командир десантного батальона капитан д'Эпиннэ. Усатый весельчак. Сказал, что такого тощего, проголодавшегося и еле живого от страха сорванца никакие рыбы есть не станут. Надо его умыть, подкормить, а там будет видно («И сейчас же перестань реветь!»).

Затем командир батальона препоручил найденыша заботам седого и грузного капрала Бовэ. Тот отвел мальчишку на нижнюю палубу, к солдатам.

Конечно, brave пехотинцы Первого батальона Второго Колониального полка были рады мальчишке: у многих дома остались такие же. И пошел веселый разговор, что «теперь, боевые товарищи, противнику лучше сразу поднять белый флаг, поскольку с нами такая непобедимая воинская сила...»

Мальчику пообещали, что для начала его сделают барабанщиком, а затем он обязательно дослужится до офицера и вернется домой, увешанный наградами, как цыганская красавица украшениями из серебряных монет. И от невест не будет отбоя...

По правде говоря, его это не очень устраивало. Конечно, стать героическим барабанщиком (а потом и офицером!) армии его императорского величества — дело заманчивое, но морская служба казалась привлекательней. Однако мальчик решил, что дальше будет видно, а пока все идет не так уж плохо.

Но оказалось, что плохо. Ой, до чего же плохо!...

Первая же качка свалила мальчишку с ног.

Правда, не только его. Полегли и многие солдаты, такие рослые, такие здоровые. И страдали не меньше мальчика. Но ему от этого было не легче!

Мир сделался отвратительно жидким, тошнотворным, и все вокруг виделось как через грязное бутылочное стекло. И самое невыносимое, что этому не было конца...

Конечно, случались передышки. Море делалось спокойным, тяжкая слабость отступала, появлялись силы, чтобы выбраться на верхнюю палубу, глотнуть свежести. Но вскоре задувало крепче прежнего, и все начиналось опять.

Капрала Бовэ морская болезнь не брала. Но, глядя на мальчишку, он страдал не меньше его. Сажал иногда себе на колени и раскачивал как бы навстречу размахам палубы. Порой от этого становилось легче... И к концу плавания измученный мальчик знал, что самый хороший человек на свете — дядюшка Жак...

О морской службе думать уже не приходилось. Истрадавшийся мальчик вместе с батальоном Второго Колониального полка сошел на чужой берег. Никто не стрелял, берег казался необитаемым. Громоздились пористые глыбы песчаника. Батальон построился, взяли в шеренгу и мальчика. Он был уже в солдатской одежде, с пустым ранцем за плечами. Только ружья не дали, сказали, что барабанщику не положено. Правда и барабана пока не было, обещали дать позже. Но все-таки обещали! Потому что ему ничего другого и не оставалось, как стать барабанщиком. Ну и ладно! Это тоже путь славы...

Путь этот оказался непрост. Когда мальчик напоминал о барабане, ему говорили, что не все сразу. Надо, мол, заслужить. Хорошо, конечно, маршировать под полковым знаменем впереди атакующей колонны, но сперва надо постинуть все трудности солдатских будней.

Уже после мальчик понял, что его просто не хотели посылать под пули.

Полк ходил в атаки на бастионы противника, отбивал в траншеях вылазки противника, терял солдат в частых перестрелках. А мальчишку оставляли то при полковой кухне, то в тыловом блиндаже оружейной команды, где он чистил амуницию и отмерял в бумажные фунтики пороховые заряды для длинных ружей системы де Вилье.

А в бой его все не брали, хотя у него теперь был длинный пистолет, из которого

он без промаха с десяти шагов попадал в трофейную егерскую фуражку.

И в тот отчаянный штурм бастиона под названием «Конская голова», не взяли тоже. Штурм, как и прежние, кончился неудачей, а во время отступления был убит капитан д'Эпиннэ. Некоторые солдаты плакали. Мальчик тоже. Но это не помешало ему захватить барабан взрослого барабанщика Анри, которого ранили и отправили в лазарет на берегу Тростниковой бухты.

— Теперь-то я уж точно пойду в бой! Я хочу отомстить за капитана! Я умею играть «Марш-атаку»!

— Ладно, ладно, — успокоил его дядюшка Жак. — Только не сейчас. Наш полк отводят в резерв.

В сырых и тесных блиндажах резервного лагеря было скучно. Солдаты радовались безопасности и отдыху, а мальчик отдыхать не хотел. Он хотел воевать. И отпросился к артиллеристам, чья дальнобойная батарея стояла на склоне горы Эдуарда, напротив левого фланга оборонительной линии противника.

У артиллеристов было не в пример веселее. Правда, сперва мальчик вздрагивал от оглушительного лая чугунных гаубиц, но скоро привык. Он ловко ввинчивал в шаровидные снаряды запальные трубки, подносил к орудиям холщовые картузы с пороховыми зарядами, вместе с солдатами хватался за длинные рукояти ершей, которыми чистили гаубичные стволы.

К запальным отверстиям стволов были пристроены пистолетные замки, чтобы стрелять, дергая шнурок. И мальчику не раз давали дернуть. Трудно было разглядеть, куда именно падал е г о снаряд. Но, поскольку над далеким бастионом противника вырастал дым и порой взлетало пламя, ясно было, что стрельба ведется удачно. И, значит, был и е г о вклад в победу, которую несомненно одержит армия императора и ее славные союзники, войска королевы Виктории.

С победой, однако, что-то не ладилось. Наоборот, контратаки противника делались все чаще, а стрельба все активней. Перед бруствером батареи, а то и среди орудий теперь то и дело оглушительно лопались бомбы. Только успевай прыгать в укрытие.

Один раз мальчик не успел. Горячая волна бросила его лицом в гравий, чугунный осколок распорол рукав синей суконной курточки выше локтя.

Мальчик не очень испугался. Только оглох на время. Когда гул в ушах ослабел и боль в разбитых губах прошла, он сам — крупными стежками — зашил прореху на рукаве. И похвастался этим «шрамом» перед дядюшкой Жаком, когда тот пришел на батарею проведать мальчишку.

Капрал Бовэ почему-то не обрадовался героическому рассказу мальчика. Он сказал, что, согласно уставу императорской армии, каждый солдат обязан находиться в своем подразделении, а не болтаться, где ему вздумается. Иначе это будет не армия, а табор бродячих комедиантов. Он взял мальчика за руку и увел в свой пехотный блиндаж.

— А мой барабан никуда не девался?

— Никуда. Будешь играть на нем побудку и отбой...

Но барабанить в резервном лагере мальчику пришлось недолго.

3.

Стояла уже поздняя осень, и наступили такие холода, что грязь и сырая глина окаменели. Кое-где их присыпал колючий сухой снежок. Море вдаль было сизым от стужи. На барабанный сигнал подъема хмурые солдаты вылезали из блиндажей все неохотнее. Дисциплина падала. Зачем подыматься, если все равно никаких дел? Когда в караул или на работу — это понятно. А просто так чего торчать на холоде?

Да и сам барабанщик выбирался утром из-под шинели без всякого желания...

Противник не думал сдаваться. Но и не наступал. Стрельба с двух сторон делалась все реже. Стало ясно, что активных боев не будет до весны. А зимовка предстояла безрадостная. Не хватало провианта. Все чаще санитарные повозки увозили солдат в тыловые лазареты. Не раненых, а больных. Непривычная стужа донимала всех, от холода распухали пальцы.

Счастливицами считали тех, кому удалось отпроситься в отпуск на день-два и побывать в тыловом лагере.

Точнее говоря, это был не лагерь, а настоящий городок. Его выстроили саперы и прибывшие с войсками вольнонаемные каменщики и плотники. Здесь стояли дома с квартирами для начальства и конторами всяких военных ведомств. Была двухэтажная гостиница и рестораны для офицеров. Был даже настоящий театр с просторным залом, с крытой наружной галереей, с деревянными колоннами и гипсовыми масками на фронтоне.

Городок назывался Тростевиль. Он стоял на берегу Тростниковой бухты, куда вошла часть союзной эскадры. Ядра сюда не долетали, стрельба слышалась глухо. Только зимнее солнце над Тростевилем постоянно было в красновато-серой дымке — война есть война. И все-таки казалось, что здесь кусочек мирной родины.

Среди театральной обслуги у капрала Бовэ нашелся приятель-земляк, пожилой холостяк дядюшка Давид — гримёр и парикмахер.

Незадолго до Рождества капрал сказал мальчику:

— Вот что, герой, нечего тебе здесь киснуть и мерзнуть. Отправись к Давиду, проживешь у него до тепла. Не бойся, без тебя война не кончится.

— А как же устав? Я же должен быть в своем полку!

— Ох ты писарь-буквоед! Командир оформит тебе отпуск...

У дядюшки Давида было хорошо. Тепло, не голодно. Можно было до полудня валяться на мягком матрасе и разглядывать картинки в старых журналах с рисунками мод и причесок. Можно было, разиня рот от любопытства, гулять по улочкам Тростевилля и глазеть на пеструю тыловую жизнь.

А каждый вечер — театр! Шумные представления с музыкой, огнями, танцами! С полетом разноцветных платьев и лент, с пестрыми холстами декораций и звоном жестяных рыцарских лат... Правда, смотрел спектакли мальчик не из зала, а из-за кулис, но все равно было здорово! И так не похоже на стылую жизнь резервного лагеря! Сплошная сказка!

Мальчик почти не улавливал содержания сумбурных опереток, но их радостный вихрь

захватывал его, как чудесное сновидение.

А потом дядюшка Давид сказал, что есть возможность принять участие в спектакле. Как настоящему актеру! Заболела девица, игравшая мальчишку-пажа, и нужна срочная замена.

— Я же не умею... — прошептал мальчик, млея от испуга и радостного желания.

— А чего там уметь! Надо только ходить за дамой и держать ее шлейф. Главное, веди себя по-придворному, а не как сорванец на деревенской улице. Ты же читал книжки про королей, рыцарей и пажей...

И жутко было, и заманчиво...

Мальчик и раньше ощущал некоторую причастность к театральному миру. Потому что помогал служителям ставить декорации и подметать сцену (за что получал несколько медяков). Но сейчас — совсем другое дело. Как если бы читатель сказки превратился в ее героя...

Вначале пахнувшие сладкой пудрой костюмерши обрядили хихикающего от неловкости мальчика в тугую атлас и кружева. Шумный и пузатый месть Пеньюар — главный театральный командир — показал, как носить шлейф и кланяться. И у мальчика получалось. Весь спектакль он важно ступал за главной героиней оперетты, придерживая пальцами конец длинного невесомого шелка. И казалось, что все аплодисменты — не ей, а ему.

Героиню играла любимица публики мадемуазель Катрин. Когда упал занавес, она звонко поцеловала мальчика в щеку.

— Ты самый лучший мой паж! Никогда не расставайся со мной!

И с того раза он всегда носил ее шлейф.

Они сделались друзьями.

Скоро мадемуазель Катрин забрала мальчика к себе. Он не спорил. У дядюшки Давида жилось неплохо, но тот постоянно был навеселе и дома все время клевал носом, не поговоришь по-человечески. А с Катрин можно было болтать часами и о чем угодно. Правда, нередко к ней приходили офицеры с бутылками и цветами (и где они только брали цветы в такую стужу?), но и тогда Катрин не отпускала мальчика от себя.

— Это мой верный паж!

А еще она звала его «мон пети тамбурильо» — мой маленький барабанщик.

И обращалась с ним порой как с малышом.

Отобрала у него суконное обмундирование, из обрезка бархатной кулисы сшила костюмчик с откинутым на плечи брюссельским воротником. По утрам целовала в обе щеки и давала чашку горячего шоколада.

В глубине души мальчик понимал, что у бездетной и незамужней Катрин — мечта о своем сынишке. Была Катрин не так уж молода, как виделось поначалу. На сцене — юная красавица, а дома заметны морщинки под кремом и пудрой. Но все равно красивая. И добрая. Мальчик терпеливо сносил ее ласки (порой они были даже приятны). Только растопыривал локти и сердито сопел, если поцелуи и пахнувшие шелком и мазями объятия становились чересчур жаркими.

Лишь однажды он заспорил и заскандалил отчаянно — это когда Катрин вознамерилась самолично выкупать его в своей привезенной из Парижа ванне:

— Вы с ума сошли? Мне двенадцать лет! Я волонтер императорской армии!

— Ах, простите, мой генерал! Я забыла, что вы уже взрослый! Ну, тогда позволено мне будет хотя бы расчесать ваши волосы?

Волосы отросли чуть не до плеч, превратились в локоны. Катрин умоляла не стричь их...

При всей приятности той жизни в ней было и досадное — частые укоры совести: он тут живет как принц, а боевые товарищи мерзнут в блиндажах...

Конечно, никакой он был не принц. Костюм — из потертой театральной тряпицы, брюссельские кружева воротника — из остатков старого платья. И спал не на перинах, а на тесной походной койке за ширмой, в тесной комнатухе полубродячей опереточной певички. Но все-таки...

Хотя, с другой стороны, он в законном отпуске. К тому же, все равно скоро весна...

В конце февраля Катрин стала кашлять, и военный врач капитан Депардьё сказал, что ей пора возвращаться домой — здешний климат погубит ее.

— Поедем со мной, мой маленький! Будем жить у моей мамы, пойдешь в школу. Или запишем тебя в хороший пансион. Станешь ученым!..

— Я же барабанщик! Солдат!

— Ты волонтер. И даже не совсем настоящий — ты не подписывал контракт. Имеешь право закончить службу, когда захочешь!

Она не понимала. У него было одно право: вернуться в полк, к боевым друзьям, к капралу Бовэ и, если надо, умереть за императора!

Катрин присела перед мальчиком на корточки. В глазах — блестящие капли.

— Господи... а з а ч е м?

— Что зачем?

— Всё это... Вся эта война?

Барабанщик пожал плечами. Война была ради победы, ради славы. И раз она не окончена, его место здесь. Он знал это нерушимо.

Хотя расставаться с Катрин было очень жаль. Он... да, он даже заплакал, когда прощались у шлюпки — та должна была увезти пассажиров на стоявший в бухте пароход-фрегат «Версаль». Катрин тоже плакала. И последний раз прижала мальчика к себе. Он опять был в форме Второго Колониального полка.

В тот же день мальчик вернулся в резервный лагерь.

Был уже март и начинала зеленеть окрестная степь. Через Большую бухту дул теплый южный ветер, трепал мальчишкины локоны. Стричь волосы мальчик не стал, оставил их на память о Катрин. Полковой устав это не запрещал.

4.

Весной мальчик со своим барабаном дважды ходил в атаку. Правда, с врагом лицом к лицу не столкнулся ни разу, потому что полк двигался во втором эшелоне штурмующей дивизии. Но и здесь было опасно. Лопались бомбы, посвистывали пули. То там, то тут, взмахнув руками, падали вниз лицом солдаты. Но мальчик знал, что с ним такого не случится. Просто потому, что э т о г о н е м о ж е т б ы т ь. И вообще казалось, что все не по правде, а как бы снова на театральной сцене, только на громадной.

Обе атаки закончились неудачей. Пришлось отходить в надоевшие траншеи. Мало того, во втором бою осколком разворотило

у барабана бок. Мальчик не испугался и тогда, только очень разозлился. И с горячей досадой выпалил в сторону вражеских позиций из своего длинного пистолета.

А о барабане, по правде говоря, он не очень жалел. Тот был слишком тяжел, путался под ногами, а храбрую атакующую дробь все равно никто не слушал. В следующую атаку можно будет идти налегке. Звание барабанщика за мальчиком все равно сохранилось. И красные с желтыми галунами наплечники — тоже...

Первый общий штурм вражеских бастионов случился лишь в середине лета. Капрал Бовэ сердито сказал:

— Нечего тебе туда соваться, дело будет жаркое. Иди помогать лекарям, у них не хватает людей. Так приказал командир батальона.

Вот еще! Полковые барабанщики не обязаны подчиняться батальонным командирам. На то они и полковые. Так рассудил мальчик. И когда штурмовая колонна по сигналу боевых рожков выдвинулась из траншеи, он со своим тяжелым пистолетом наперевес — как с ружьем — оказался в шеренге между двух полужнакомых солдат.

— А ты куда?!

— Куда надо!

— Марш назад!

Но тут опять затрубили горнисты — и вперед, вперед!

— Да здравствует император!

Сперва быстрым шагом, потом бегом. Вверх по пологому склону — по сухой глине и сожженной траве. Медное солнце в рыжем дыму, синие дымки ружей, тяжелый топот, крики, запах горелого тряпья... Шеренги смешались, теперь каждый был сам по себе. Тот солдат, что рявкнул «марш назад!», вдруг согнулся, уткнул штык в землю, встал на колени, повалился набок... Все равно вперед!

— Да здравствует император!

Впереди тоже что-то кричали. Мальчик увидел совсем близко на склоне сложенный из мешков и длинных корзин бруствер. Туго ударял навстречу воздух. Черные орудия выплевывали желтый огонь. На стволах вздрагивали сплетенные из корабельных канатов циты.

— Да здравствует им... — Трах! Ударило над головой, свистнуло. Солдаты по сторонам падали непрерывно. И стало наконец страшно.

Главный страх был даже не в том, что вокруг то и дело валились люди. Что-то изменилось в о о б щ е. А, вот что! Люди бежали не только к бастиону. Бежали и от б а с т и о н а! Солдаты в незнакомых мундирах, в фуражках без козырьков, в белых перекрестьях ремней. Бойцы сталкивались, перемешивались, как-то неуклюже махали ружьями со штыками. И нарастал, нарастал крик:

— А-а-а!..

Мальчик остановился. Не было уже сил для бега. И не было понимания: что же дальше? Для чего он здесь, в этой адской сумятице? Глянул перед собой и увидел врага. Не просто одного из врагов, а с в о е г о.

Громадный дядька с растрепанной русой бородой, с измятым в крике лицом, в картузе с медным крестом приближался летящими шагами. Его ноги в высоких сморщенных сапогах будто не касались земли. Мальчик видел черную дыру открытого рта.

Надвигалась гибель. Та, которой раньше не могло быть.

Мальчик шагнул назад, оступился, упал на спину. Бородатый великан завис над ним, медленно (как во сне) поднял над плечом штык. Трехгранное железо было красным.

Мальчик шевельнул губами:

— Зачем? Не надо... — Это была неслышная, но отчаянная — на весь мир — мольба.

Штык остановился (с него упала красная бусина). По смятому лицу бородача словно провели ладонью. В синих глазах... что в них? Озадаченность? Жалость? Может, увидел, что враг — мальчишка? О чем подумал в тот миг?

Мальчик никогда не узнает об этом.

Он лежал, упираясь в землю растопыренными локтями, он не выпустил пистолет. Ствол смотрел в бородача. Мальчик нажал спуск.

Отдача вдавила локоть в рассыпчатый глинозем. Пуля рванула пряди бороды.

Наверно, она попала сквозь бороду в горло.

Бородач — громадный, как колокольня — запрокинулся. Рухнул. Штык воткнулся ря-

дом с ним, ружье тяжело качалось. Шум куда-то ушел, стало вокруг беззвучно. Мальчик толкнулся локтями и встал. Шагнул. Нагнулся над чужим солдатом, упершись пистолетом в землю. Бородач посмотрел на него без удивления и, кажется, без боли, спокойно так. Потом стал смотреть мимо, в небо. Синие глаза мутнели. Раны не было видно под бородой. Борода дернулась и опала, рот сомкнулся, в углу его лопнул розовый пузырек.

Это что? Это... всё?

Мальчик мельком вспомнил разговоры, что такие вот бородатые воины — не настоящие солдаты, а ополченцы, пришедшие на бастионы прямо с крестьянских полей...

«Зачем я его? Он же не хотел меня убить... Или хотел?.. Я нечаянно... Нет, я нарочно...»

«Ну, пусть меня бы он не убил. А других...»

Но эта мысль не успокоила. Ничего не доказала.

«Зачем?»

Шум боя опять ударил по ушам. Теперь все бежали в одном направлении — от бастиона к траншеям. Знакомый сержант по прозвищу Мельник на бегу схватил обомлевшего барабанщика под мышку и, не сбавляя скорости, донес до своих позиций.

Мальчик думал: будут ругать. Но его, как маленького, гладили по голове и называли героем. Многие видели, как он свалил ополченца.

— Он выпалил этому голиафу прямо в бороду! — вскрикивал Мельник и махал руками, как крыльями.

— Храбрец!

— Быть тебе маршалом!

Подожел лейтенант Бордо. Улыбнулся очень красными губами.

— Какой славный мальчик, прямо херувим. Жаль, если убьют.

На Бордо косились. Он был штабной, в атаку не ходил, а сейчас пришел составлять сводку для начальства.

В похвалах и восклицаниях мальчику чудилась какая-то ненатуральность. Даже виноватость. И он понял, отчего. Сердце упало, когда кто-то из солдат сказал:

— Ты это... вот что... иди туда, к палатке. Дядюшка твой там...

У дядюшки Жака бакенбарды были такие же русые, как борода у т о г о...

А глаза... Мальчик с пронзительной тоской вдруг понял, что не помнит: какого цвета глаза у дядюшки? И теперь никогда не узнает. Потому что веки капрала Бовэ были плотно сомкнуты.

Капрал лежал в ряду других солдат, которых удалось вынести при отступлении. Тех, кто был ранен и умер не сразу.

А сколько осталось там, на глинистом склоне...

Мальчик постоял на коленях у головы дядюшки Жака. Плакал или нет, он потом и сам не помнил. Если и были слезы, то неосознанные, сами по себе. А главное было — мысли. Вернее, растущее п о н и м а н и е. В мальчика входило осознание закона войны. Это был закон Равновесия Смерти.

Главное в войне — не победа. Она может придти к той или иной стороне по воле случая или военной удачи. Она ничего не решает. Потому что обеим сторонам война несет смерти. Много смертей. Если убивают солдата в синем мундире, то убивают солдата и в зеленом — на другой стороне... Наверно, число убитых в разных армиях не всегда одинаково, но это не изменяет общего беспощадного равновесия.

И когда мальчик выстрелил в бородача, он убил дядюшку Жака.

Основное дело на войне — не побеждать. А убивать и умирать.

Зачем?

5.

На следующий день было перемирие. Мальчик — усталый, с похолодевшей душой — вместе с сержантом Мельником ходил между траншеями и бастионом и через силу вглядывался в лица мертвых. Своих и т е х. Лица были похожие.

Он и раньше видел убитых, но старался не смотреть долго, защищал себя от страха и близости смерти. А сейчас он хотел п о н я т ь.

Убитые были похожи на живых, но в то же время уже не здешние, чуждые этой земле. Только если сохранялось на лице страдание, то еще земное. И в страдании — тот же вопрос: зачем?..

Трупы клали на носилки и растаскивали по разным сторонам.

Чужой усатый солдат в бескозырке с красным оклышем потрепал мальчика по спутанным волосам.

— Эх ты, кроха. Тоже служивый...

Мальчик не понял слов чужого языка. Он не шарахнулся, не уклонился. Только затвердел...

Капрала Бовэ вместе с другими убитыми похоронили на солдатском кладбище, на тыловом склоне горы Эдуарда.

И война продолжалась.

Сержант Мельник отвел мальчика к старым знакомым — к артиллеристам. Чтобы тот опять не сунулся в атаку. Мальчик не спорил. И участвовать в штурме бастионов больше не стремился. Не боялся, а просто не видел смысла.

Он, как и раньше, помогал чистить орудия и подносил заряды. На войне как на войне. Но его не оставляло смутное ощущение, что там, за дымящимися брустверами вражеских бастионов такой же мальчишка вертится среди оружейной прислуги: таскает картузы с порохом, налегает на длинную ручку баника...

Однажды линию батарей объезжал командующий — блестели аксельбанты, колыхались перья над треуголками. Артиллеристы стали во фронт. Командир батареи, раненный в руку доблестный лейтенант де Раш, представил командующему мальчика:

— Мой маршал, это самый юный участник недавнего штурма. В бою он свалил из пистолета противника-великана.

— Bravo, маленький герой! — Маршал сильно склонился с седла (с плеча свесился пышный эполет) и потрепал мальчишку по щеке. Тот стоял, вытянувшись в струнку и вскинув подбородок. Маршал щелкнул пальцами. Перевитый серебряными шнурами офицер соскочил с коня, навесил на потрепанную куртку барабанщика медаль на трехцветной ленточке. Желтую, тяжелую, с вензелем императора.

Горделивое чувство на миг согрело мальчика. А потом: «Интересно, т о м у м а л ь ч и к у тоже дали медаль?»

Говорят, бывают юные барабанщики, сы-

новья полков — весельчаки, чертенята, шутники и танцоры, которые радуют солдат своей неугомонностью. Общие любимцы. Мальчик был не такой. Неразговорчивый он был, и ему нравилось смотреть на бабочек, которые даже сквозь вихрь войны залетали на батарею.

Любили его? Он не знал. Если и да, то не за бойкий нрав, а просто за то, что малолеток... Он и не искал ничьей любви, а привязан был только к дядюшке Жаку, да еще, пожалуй, к Катрин...

Теперь мальчик отгородился от всех постоянным молчанием. И хотел, чтобы скорее все кончилось.

А что будет дальше?

Дядюшка Жак ворчливо говорил: «Рано тебе солдатскую похлебку хлебать. Кончим воевать и поедем ко мне в Сен-Мишель. У меня там дочь, а у нее двое пострелят вроде тебя, только поменьше. Будешь за старшего. А муж у нее маляр, он тебя обучит этому делу...»

«Нет, я хочу быть барабанщиком...»

Теперь-то он с радостью бы ждал отъезда в Сен-Мишель, да вон как все поломалось...

Можно, конечно, остаться в полку. Но... зачем?

Несколько неудачных штурмов образумили армию императора. Теперь больше воевали не штыками, а лопатами. По ночам Траншеи неумолимо приближались к бастионным брустверам, которые не смолкая громила доблестная дальнобойная артиллерия. У противника уже не было сил все время восстанавливать укрепления.

Наконец, когда от траншей до бастионов было всего полторы сотни футов, войска кинулись на яростный генеральный штурм.

В этот раз тоже не все удалось. Союзники на правом фланге — красномундирные батальоны ее величества — дружно отказались, не выдержав контратак. Но дивизия, в которую входил Второй Колониальный полк, в отчаянном броске взяла Главную высоту...

Мальчик не участвовал в штурме. На Высоту он попал, когда все уже было кончено. Его привело туда сумрачное любопытство. И смутное ожидание какого-то с о б ы т и я.

Оказалось, что бой здесь еще не совсем угас. Холм уже очистили от противника, но недалеко от вершины, в приземистой квадратной башне засел десяток защитников. Они надеялись, что высоту скоро снова отобьют, и метко палили из узких каменных амбразур. Полковой адъютант, махая платком, несколько раз подходил к амбразуре и предлагал «храбрым товарищам, которые до конца выполнили свой долг», сложить оружие. Адъютанта вежливо выслушивали, потом просили убраться и палили снова.

Наконец несколько отчаянных солдат, пригибаясь, побросали к башне вязанки хвороста и кинули в них факел. Взвился дым. Лишь тогда в амбразуру высунулся штык с белой тряпицей.

Хворост моментально раскидали.

Отошла кованая дверь, и появились закопченные, перевязанные защитники во флотских и пехотных мундирах. Впереди — молодой офицер без фуражки, с грязной повязкой на голове.

— Вы сдаетесь? — шагнул к ним адъютант.

— А вы сами не видите? — Флотский офицер сердито сунул ему в руки свою саблю.

— Могли бы сделать это и раньше, — хмуро, словно пряча виноватость, укорил его адъютант. — Столь бессмысленное сопротивление уже не геройство, а нарушение воинского этикета.

— А выкуривать противников, словно клопов, не нарушение воинского этикета? — огрызнулся моряк. И добавил тише: — Мы бы и не сдались, но с нами мальчик...

Мальчик был чуть повыше барабанщика. В бескозырке и рваном флотском мундире. Из-под околыша торчали белобрысые космы. Он смотрел устало, но без испуга. Вслед за остальными положил на землю штыком вперед длинное ружье, выпрямился, скрестил на груди руки. Встретился с барабанщиком глазами и... чуть улыбнулся.

Счастливым своей победой командир дивизии — такой же израненный и закопченный, как защитники башни, — подошел к пленным. Сказал, что восхищен их беспримерной храбростью и сегодня же снесется с командованием противника через парламентаря: попросит каждого храбреца представить

к награде. Затем приказал адъютанту отправить пленников в тыл и разместить с возможными удобствами.

...Бой по всей линии стихал. Война стихала... Противник добровольно оставил отбитые у войск ее величества бастионы. Удерживать их, когда потеряна основная высота, не было смысла.

Ночью войска противника без помех перешли на другую сторону Главной бухты по громадному наплавному мосту. Их пытались обстреливать, но без результата. А для преследования не было сил.

Уцелевшие жители города тоже уходили. Переpravлялись кто на чем.

Город горел. Иногда гремели взрывы. Посреди бухты пылал запаленный зажигательной ракетой фрегат.

6.

Защитников башни наутро отвели в длинное каменное здание флотских кипажей, уцелевшее в бомбардировках. От Второго Колониального полка назначили караульную команду — полсотни стрелков. Мальчик напросился с ними.

Рядовых матросов и солдат разместили в казарме, офицеров — в командирском крыле. Взяли с них слово, что не будут делать попыток к бегству и дождутся обмена пленными, и после этого разрешили гулять по территории казарм.

Оказалось, что пленный мальчишка — офицер. Он был всего на год старше барабанщика, и в начале войны его записали во флотские юнкера, но в условиях обороны время считалось не как в мирной жизни. Месяц — за год. И за два дня до штурма вышел приказ о присвоении юнкеру звания мичмана. Вот так! Жаль только, что не успел обзавестись офицерской формой...

Юный мичман служил порученцем у начальника третьей артиллерийской дистанции и накануне решительной битвы пришел на Главную высоту с пакетом. Здесь он заночевал. Поэтому и оказался в гуще боя. И, говорят, воевал не хуже других...

Но все это наш мальчик узнал позже.

А сначала он издали, со щемящим любопытством приглядывался к т о м у м а л ь ч и к у, когда они оба бродили по мощеному

ракушечными плитами двору. На плитах лежали десятифутовые якоря со сгнившими дубовыми штоками.

Несколько раз пленный мальчик встречался с барабанщиком взглядом и, кажется, улыбался снова. Без заискивания, без вызова. Просто у л ы б а л с я.

Наконец, словно подчиняясь натянувшейся между ними каучуковой нити, они сошлись у изъеденного ржавчиной громадного якоря.

И каждый стал смотреть на сапоги другого.

Потом пленный спросил:

— Вас как зовут? — На языке противника он говорил как на своем.

— Даниэль Дегар... Барабанщик. Только барабан разбито... А вы... кто?

— Мичман Астахов. Виктор...

— Викттр?

— Виктор. А можно Витя...

— Вить'а...

— Ну да. Или Витька... Если «Витька», тогда не «вы», а «ты».

Бабрабанщик Даниэль Дегар запустил руку в карман широких красных брюк. Вынул яблоко — их добывали в захваченных деревнях интендантские разъезды.

— Хочешь?

— Ага... гран мерси. — И растянул в улыбке широкие, в мелких трещинках губы. Лицо у него было круглое, курносое, а глаза серые.

Потом губы сжались, и мичман Астахов, то есть «Ви-ть-ка», с усилием разломил яблоко.

— Вот так лучше. Держи...

Они сели на плиту, привалились плечами к якорному штоку — Витька левым, Даниэль правым. Дым над городом во многих местах развеялся. Сильный дождь, котрый шел всю ночь, погасил пожары. Видны были круглые белые облака. Нигде не стреляли.

Потом они часами сидели рядом и говорили про всякое. И про свою прежнюю жизнь говорили. Витькин отец, морской офицер, умер перед войной. А его, Витьку, определили в юнкерскую роту. Мать с сестренками в самом начале обороны уехала в другой город, подальше от снарядов. Мальчишек-юнкеров, несмотря на их протесты, тоже

вывезли в тыл, но Витьку перед этим отпустили проводить мать, и он будто бы случайно отстал от своей роты. И примкнул к флотскому экипажу, который занял позиции на третьей артиллерийской дистанции. Ну и... воевал как все.

— И повезло. За всю оборону — ни одной царапины.

— И у меня... Только вот рукав, — мальчик шевельнул плечом с зашитым сукном.

Потом помолчал и сказал, что застрелил бородатого солдата. Все поведал, как было. Как испугался. И как убили капрала Бовэ.

Витька проследил за полетом желтой бабочки и сказал с виноватой ноткой:

— Что поделаешь, война...

— А зачем?

— Зачем война?

— Да.

— Ну... не знаю. Это ведь... вы пришли к нам с десантом. А нам что делать? — Он будто оправдывался. А оправдываться было не в чем!

Мальчик сморщил лоб.

— Я не про то. Я вообще... про всё целиком. Нынче одни с десантом, завтра другие, каждый считаёт, что он прав. И убивают всех одинаково... Зачем?

— Но ты вот тоже... пошел в барабанщики.

— Так получилось. Я вообще-то хотел в моряки...

— И я! Моряки ведь не только воюют! Они делают открытия!

— Я знаю. Я читал про капитанов Ла Перуза и де Бугенвиля...

— И я читал... А еще у меня вот... — Витька расстегнул потрепанный мундирчик, достал из-за брючного пояса плоскую книгу в оранжевом потертom переплете. — Это... мама подарила, когда мне двенадцать лет исполнилось. Я с ней нигде не расстаюсь. А там, в башне, она меня от раны спасла, от осколка. Видишь? — Верхний угол у корешка был прорублен, словно острым топриком.

— По... б... н... — поробовал Даниэль разобрать незнакомые буквы.

— Робинзон, — улыбнулся Витька и открыл титульный лист. — Издание книгопродавца Лоскутова, Санктпетербург, тысяча восемьсот пятьдесят третий год. Она тогда новенькая была... Я помню, в тот день как

раз после боя с турками вернулась наша эскадра... Смотри, тут картинок множество...

— Я знаю! — встрепнулся Даниэль, — Я помню! Мне давал «Робинзона» отец Бастиан. Картинки там были такие же!

Они полистали страницы, помолчали. Наконец Витька сказал:

— Когда вернусь из плена, пойду слушателем в морской корпус. У нас всех гардемарин перед выпуском посылают в кругосветное плавание. Ну, я, конечно, уже офицер, но все равно обязаны послать, раз я еще не был...

— Счастливый ты... — сказал мальчик.

— А ты... можешь ведь тоже стать моряком. Ну, пускай сперва матросом, а не офицером, а потом...

— Да не в том дело, кем... — И мальчик признался, как страдал во время плавания.

— Да-а... — посочувствовал Витька. — Из-за этого дела уходят на сушу даже выпускники морского корпуса. Те, кто не смог себя пересилить.

— Я точно не смогу...

— А... что будешь делать?. После войны.

— Не знаю. Наверно, вернусь в Пуль-Нуар. Отец Бастиан учил меня рисовать и говорил, что получается. Попрошу поучить еще, а потом буду ходить по разным городам, делать портреты для тех, кто пожелает... А еще у отца Бастиана есть ящик со стеклом, как у подозрной трубы. С его помощью можно делать портреты и картины на металлических пластинах. Я помогал обрабатывать эти пластины во всяких кислотах, готовил растворы. Научусь еще больше и тогда заведу себе такой же ящик...

«А еще можно разыскать Катрин», — подумал мальчик. Но почему-то застенялся и ничего не сказал.

А Витька вдруг оживился:

— Послушай! Не обязательно же путешествовать на кораблях! Сейчас все чаще стали строить воздушные шары. Скоро воздухоплавание будет таким же обыкновенным делом, как плавания по морям. Ты можешь брать с собой свой ящик, летать над всякими странами и делать картины природы. Для разных журналов и книг по географии!

Витька здорово придумал! У мальчика просто затеплело в душе от этого.

— А ты думаешь, на воздушном шаре не укачивает?

— Конечно нет! Ты там будто висишь в неподвижности, а под тобой плывут разные незнакомые страны. Я про это читал в журнале «Картины природы», который мы получали до войны.

Прошло двое суток после штурма и переправы.

Стрельбы и стычек почти не было. Обе стороны понимали, что продолжать войну нет смысла. И сил нет. Захватив Главную высоту и основную часть города на Левом берегу, союзные войска могли считать, что одержали победу. Но победа была скорее моральная, а не стратегическая. Дальше-то что? Бастионы и каменные форты Правого берега смотрели на противника тысячей могучих корабельных орудий. Атаковать берег было безумием.

Понимание своего бессилия выводило командующего из себя.

«Маршал Тюлюппэ ведет себя глупо», — острили у него за спиной адъютанты, поднаторевшие в языке противника.

«Тюлюппэ» или «Тюлюппэ» было прозвище маршала.

Однажды во время зимнего перемирия, когда солдаты двух армий сходились на ничейной земле и по-приятельски хлопали друг друга по плечам, какой-то пехотинец в серой шинели спросил другого — в синей:

— Слышь, а вашего главного генерала почему так смешно зовут? То есть что оно означает это фамилие? Такое заковыристое.

Разговорчивый противник, как ни странно, понял вопрос. Настоящая фамилия маршала в переводе означала «накидка» или «шуба».

— О да, очь-ень смешно! Да! Это будет как... такое пальто из мех... Ви понимать?

— А чего не понять-то? Значит, «Тулуп»!

— О да! Тюлюп! Тюлюппэ! — развеселился «синий» пехотинец.

Понеслось от солдата к солдату, дошло до офицеров. И приклеилось прозвище к маршалу. Вроде бы, непонятное, но ехидное. Впрочем, не совсем непонятное. Кое-кто из остряков заметил, что «тюлюппэ» похоже на «тюпильон», а это слово, как извест-

но, означает «клочок», «хохол» и даже «пучок сухих ненужных веток». Кругловатый, низкорослый, с похожей на широкую кисточку седой бородкой и петушиными замашками, маршал вполне соответствовал новому имени.

Ну и вот, этого маршала Тюлюпэ грызла досада. Потому что взятие города ничего не решило. Да и города-то не было, одни развалины. Догорало все, что могло гореть. В разных местах продолжали греметь взрывы. Взлетали на воздух редкие уцелевшие дома, оружейные склады, брустверы запасных позиций. Каждый взрыв приводил Тюлюпэ в ярость.

На четвертый день после взятия Высоты маршал отправил на Правый берег парламентаря. Барон де Люсс — изящный майор из штаба маршала — предстал перед командующим армии противника.

— Я имею честь передать вашему сиятельству заявление маршала, что он считает взрывы в сданном городе недопустимыми и расценивает их как вероломство. Это противоречит правилам, которые диктуют отношения между армиями цивилизованных стран.

Грузный, страдающий болями в прояснице князь заворочался в кресле.

— Помилуйте, барон, о каком сданном городе говорит его высокопревосходительство? Разве мы подписывали капитуляцию? Или вручили вам ключи? Брали обязательство сложить оружие? Из соображений стратегии я отдал приказ оставить прежнюю линию обороны и занять более выгодные позиции. И только. А минирование оставляемых объектов есть жестокая, но, увы, общепринятая практика оборонительных действий. А ля гер, ком а ля гер, барон... Впрочем, не желая лишней крови, я не приказывал закладывать фугасы затяжного действия. Полагаю, что нынешние взрывы есть следствие пожаров в местах с брошенными боеприпасами, все их вывезти мы не имели средств...

Майор де Люсс нетерпеливо наклонил голову:

— И тем не менее, князь, я уполномочен заявить, что, если взрывы будут продолжаться, маршал примет самые решительные меры.

Естественно, барон ждал вопроса: «Какие именно?» Но князь молча смотрел на него.

— Если взрывы не прекратятся, десять пленных, взятых при штурме Главной высоты будут расстреляны на виду у вашей армии, князь. Таково непреклонное решение маршала, ваше сиятельство.

Командующий тяжело поднялся.

— Это решение не делает чести его превосходительству. Уверен, что маршал не захочет жертвовать своей репутацией честного и храброго полководца и не станет выполнять обещание, данное, видимо, в минуту понятного раздражения. Что изменит в ходе войны гибель нескольких безоружных людей?.. Лейтенант Жильцов, проводите барона к шлюпке...

...А поздно вечером взлетела на воздух горжа и без того разрушенной береговой батареи Святого Гавриила...

7.

Пленные не понимали, что случилось. Да и караульные солдаты не понимали. И мальчик... До сих пор к пленным относились вполне по-человечески, даже по-приятельски, но вдруг прискакал лейтенант Бордо со странным приказом. Защитников башни — офицеров, матросов и солдат — заперли вместе в глухой комнате, которая раньше служила камерой гарнизонной гауптвахты. Затем выделили из караульной роты двенадцать конвойных и через весь город (который все еще дымился и местами горел) повели узников к бастиону «Каменный лев», что стоял у Главной бухты, ввиду укрепившегося на Правом берегу противника.

Конечно же, мальчик увязался следом. Он шел рядом с Витькой. Конвойные пару раз шуганули его, а потом перестали обращать внимание.

Витька не был сильно встревожен. Скорее наоборот, надеялся на хорошее:

— Наверно, будет обмен. Ваших привезут с того берега, а нас отправят к своим.

— Значит, скоро расстанемся, — печально сказал мальчик.

— Что поделаешь... Ты мне письмо напиши, когда война кончится. Хорошо? Я оставлю адрес...

— Ладно.

А на бастионе, на площадке, где выстроили пленных, лейтенант Бордо громко прочитал бумагу. О том, что завтра утром пленные будут расстреляны на виду у противника, поскольку он, противник нарушает международные нормы ведения войны. Таков приказ маршала.

Мальчик, обмякнув от навалившегося страха, смотрел на Витьку. Тот не заплакал, не дрогнул, только беспомощно округлил глаза и рот. Пленные молчали. Потом усатый унтер с плохо заросшим шрамом на лбу угрюмо выговорил:

— Ну и сука ваш маршал...

— Что есть это непонятное мне слово? — подозрительно сказал Бордо.

— То и есть, — отозвался старший из пленных, капитан-лейтенант Палей. — И ты тоже...

На приговоренных надвинулась хмурая шеренга со скрещенными ружьями, оттеснила пленников к двери каземата. Мальчика оттолкнули.

Караул был составлен наполовину из прежних солдат, а наполовину из стрелков морского десанта. Всего около тридцати человек. Те, кто были не на постах, расположились в капонирах левого фаса бастиона. А пленных заперли в нижнем этаже круглой невысокой башни, сложенной из брусьев известняка. На тяжелую полукруглую дверь навесили кованый замок размером с солдатскую фляжку. Массивный ключ командир караула — незнакомый мальчику лейтенант с черной круглой бородкой — опустил в карман шинели...

Все это случилось в середине дня. И до вечера мальчик томился тоскливым ожиданием. Не просто томился. Обдумывал. Высматривал. Решал... Прежде всего среди железного хлама в разоренной кладовой нужно было найти подходящую железяку — похожую на ключ. Чтобы карман лейтенантской шинели, висевшей у входа в капонир, отвисал по-прежнему. Мальчик нашел. Это была петля оружейного ящика — с кольцом, похожим на голову ключа.

Лейтенант и два сержанта сидели за бутылкой вина. Край оружейного лафета был застелен полотенцем, на нем — каравай и красные, как кровь, помидоры. Вино в бу-

тылке было просвечено косым лучом из амбразуры. Тоже словно кровь.

Мальчик постоял рядом с шинелью. Будто случайно тронул ее плечом и рукою. Потом шагнул в середину капонира. Только сейчас на него посмотрели.

— Тебе чего, барабанщик, — добродушно сказал лейтенант.

— Дружок у него в башне, мичманёнок ихний, вот он и мается, — объяснил знакомый сержант Кокнар (мальчик его не любил).

— Никакой он не дружок! Мы с ним рассорились! Он сказал про мою медаль, вот про эту, что она простая медяшка! И что наш император перед их императором... будто мышь перед тигром! — Это мальчик придумал в секунду. В опасности иногда вспыхивает мгновенное вдохновение.

— Ну а чего тогда здесь болтаешься? — это опять офицер.

— Я... не ел с утра. Господин лейтенант, можно мне попросить немного хлеба?

Ему дали краюху и помидор.

— И шел бы ты в свое расположение, — посоветовал офицер. — Нечего тебе глядеть на то, что будет завтра.

— Да, мой лейтенант! С вашего позволения, я сейчас отправлюсь в казармы.

— Заблудится он в развалинах. Или мародеры привяжутся — обеспокоился сержант Кокнар.

— Чего с него брать мародерам, — сказал другой сержант.

— Я не заблужусь. Я запомнил дорогу! — Мальчик отдал честь и по-строевому крутнулся на пятках.

Он на виду у многих ушел с бастиона. Потом скрытно вернулся. Ящеркой скользнул в расщелинах камней, за спинами часовых на внешнем посту. Прячась в бурьяне и наваленных всюду ракушечных глыбах, пробрался к башне. Часовой ходил с другой стороны. Душно пахло чертополоховым соком. Мальчик громко шепнул в черную щель бойницы:

— Витька...

В сумраке забелело круглое лицо.

— Даня...

— Витька... Если я после заката отпру дверь, вы сумеете уйти?

— Подожди...

Витька исчез на несколько минут, и мальчик истомился ожиданием.

— Даня... Тут есть матрос, он до войны служил на этом бастионе. Говорит, что знает тайный проход к дальним причалам. Можно рискнуть. Все равно терять нечего...

— Я отвлеку часового. Вы выйдите, и его... только не убивайте, ладно?

В зарослях чертополоха с красными (тоже кровавыми) цветами мальчик дождался захода солнца. Оно быстро утонуло в тихой, с переливчатыми красками воде. Почти сразу навалилась теплая ночь.

Над полукруглой, врезанной в каменную толщу дверью горел зарешеченный фонарь. Тусклый, закопченный.

Мальчик проследил, как сменили часового. Новый солдат зевал и оглядывался. Топтался у двери. Мальчик подождал с четверть часа, потом кинул камешек в дальние кусты дрока. Часовой нацелил штык и крадучись двинулся на шум.

Хорошо, что замок оказался смазан. Ключ повернулся легко, дужка не звякнула. Сердце мальчишки колотилось будто не в груди, а в ушах, гул стоял в голове. Но двигался мальчик точно и стремительно. Плечом нажал на дверь...

Все было продумано. Два матроса выскользнули из башни и притаились снаружи. Вернувшийся часовой не пикнул, когда его скрутили. Заткнули рот, замотали голову, поясами стянули ноги и руки. Сунули беднягу в каземат, опять навесили замок.

...По наружной линии бастиона стояли часовые. На берегу тоже. Но матрос-проводник скользнул в незаметную щель вблизи башни. За ним остальные. Оказались в полной тьме. Кто-то зажег тряпичный, пропитанный оливковым маслом (от тюремного обеда) жгут.

Во мрак уходил тесный сводчатый туннель. Пошли быстро и без слов, с частым хриплым дыханием. И шли долго. Мальчики — в середине цепочки.

Наконец дохнуло морской солью, блеснули звезды. Все крадучись выбрались из туннеля. В темноте громоздились каменные обломки, обгорелые сараи. Ближе плескала вода. Над ней угадывались мостки из свай.

В бухте отражалось догорающее вдали

судно. Порой взлетали сигнальные ракеты. На дальнем берегу мерцали сторожевые огни противника... Да, а кто теперь противник?

Основное пространство бухты было темным. Можно пересечь незаметно. А на чем?

— Здесь всегда полно было яликов и шлюпок старых. Нынче, видать, все увели беженцы...

— Вот окаянность...

— Вашбродь, тут вроде вельбот под пирсом... Он и есть. Господь милостив...

— Пробоина же. Потому, видать, и не взяли...

— Да какая пробоина. Сей же час заткнем. Плыть-то недолго...

— И впрямь... Доски поищите заместо весел...

Этот приглушенный разговор словно не касался мальчишек. Они стояли друг против друга.

— Даня! Уходи с нами.

— Куда я там... И выйдет, что дезертир. Нет...

— Тебя же здесь убьют. Догадаются...

— Не догадаются. Все знают, что я ушел с бастиона. К утру буду в указарме...

— Я написал тебе адрес. Вот, — Витька сунул в ладонь мальчика бумажный комок.

Они коротко обнялись. Даниэль проглотил слезы. От вельбота сказали:

— Астахов, скорее. Мальчик плывет с нами?

— Нет, — не то выдохнул, не то всхлипнул Витька. — Говорит, что не может.

Командир беглецов подошел, сжал мальчику плечо.

— Спасибо, товарищ. Не забудем до смерти. Храни тебя Бог...

И мальчик остался один. Заплескало вблизи, тронулась по воде похожая на многолапного зверя тень. И даже не крикнешь «прощай»...

Он понимал, что безнадежно заплутает во мраке. Поэтому дождался среди развалин рассвета. И двинулся мимо черных разбитых домов, по лестницам и остаткам улиц.

Продолжение на странице 55

АЭЛИТА-98

Александр ЧУМАНОВ

ПЕССИМИСТИЧЕСКИЕ КОМЕДИИ

Рисунки Елены ВЛОХ

И ТОГДА ОНИ РЕШИЛИ

Они ждали ребенка. Они ждали ребенка очень долго, целых шесть лет.

— Грамотные! — осуждающе говорили про них люди.

Это верно. Супруги, действительно, были очень грамотными. Окончив институты, на достигнутом не остановились, а записались в аспирантуры. Каждый в свою.

— Ишь, — говорила общественность, — эгоисты! Дохитрят, однако.

То есть общественность думала, что детей они не заводят из эгоистических соображений. А они искренне хотели детей, но что-то у них не получалось.

Он был по образованию кибернетик, она — биолог. Они, безусловно, знали, что такое генетическая несовместимость, и вообще разбирались кое в чем. Но вот беда — очень любили друг друга.

Наконец ребенок родился, однако немного пожил и умер. Только тогда они отправились в больницу советоваться. И узнали то, о чем давно догадывались. Что не подходят друг другу. То есть — совершенно. Им тактично и безжалостно посоветовали расстаться. В высшей степени разумный совет. Но как же быть в таком случае с любовью?

Их поймет далеко не каждый. В семьях, где проблема продолжения рода никогда не стояла, любовь, хотим мы этого или не хотим, постепенно рассасывается, как сказал бы психотерапевт Кашпировский. Такая сперва болезненная и опасная, она постепенно сходит на нет, не оставляя ни рубцов, ни шрамов на теле души.

Считается, будто любовь в таких случаях не исчезает, а лишь переходит в другое качество. И это будто бы должно только радовать. И оно радует, ибо любовь — такая штука, что если ее нет, то и не надо.

Семей, где проблема продолжения рода никогда не стояла, — абсолютное большинство. И многим ли доступно понять двух влюбленных старичков, проживших бок о бок долгие годы, двух любящих друг друга людей, которым не дал Бог деток?..

Когда ребенок умер, прожив на свете всего чуть-чуть, они пережили этот удар и все равно остались вместе. Каждый с головой ушел в работу, только по вечерам и встречались, разговаривали мало, побыстрей ложились спать, а утром снова бежали в разные стороны.

Подумаешь, скажет кто-нибудь, будто не стало на свете Домов ребенка! Взяли бы малыша на воспитание, вырастили. Общество им бы спасибо за это сказала.

Ничего не возражишь, очень разумный совет. Но есть одно «но». Опять же — любовь. Ведь не каждый даже очень хороший человек способен полюбить чужое дитя, как свое. И никто не мо-

жет заранее знать, получится у него или не получится. Обычный хороший человек может взять и рискнуть, испытать себя. А ответственный хороший будет думать. Вполне вероятно, что он всю жизнь будет мучительно думать и так ничего не решит...

Они оба оказались чрезвычайно ответственными. Прошло еще несколько невеселых лет. И замаячила впереди банальная старость. Одинокая и совершенно беспросветная. Ну, может, еще и не старость, однако им так показалось.

— Послушай, — сказал однажды муж за чаем, — мы много достигли в своих областях. Моя лаборатория вплотную приблизилась к созданию искусственного интеллекта. Ты можешь многое в генной инженерии. Возможно, нам стоит заключить тайный сговор о творческом содружестве. Соединить, так сказать, общественный интерес с личным. Почему бы не попытаться? В любом случае рискуем только мы с тобой и больше никто...

— Это ужасно! — взволнованно воскликнула жена.

И сразу стало ясно, что она сама только о том и думает, но нечто чисто женское мешает ей принять эту мысль как естественную.

— Это ужасно, — повторила она и совсем тихо добавила: — Но я схожу с ума от такой жизни, я люблю тебя по-прежнему, но от этой любви я смертельно устала... А кто нам разрешит?! Я даже не представляю, как мы скажем...

— Тайный сговор! Мы никому не скажем! Я все обдумал и решил. Мы станем несунами! О несунгах часто сочиняют фельетоны, но мы не попадемся!..

Так их квартира превратилась в подпольную лабораторию. Она приносила с работы всякие жизненные растворы, он — разнообразные транзисторы-тиристоры-резисторы, интегральные схемы и модули.

Они ощущали себя преступниками, но остановиться уже не могли, работали по ночам, ежедневно совершая величайшие открытия, достойные Нобелевской премии, а также инквизиторского костра. Лишь редко по принципиальным разногласиям случались задержки.

— Ребенок должен будет расти, — говорила она, с самого начала называвшая то, что они делали, ребенком. — Как ты себе это представляешь?

— То есть?

— Все, что касается биологической части, будет, как у обычных детей. Но как он станет умнеть, ведь это тоже должно происходить постепенно?

— Вон ты о чем! Все просто — буду по мере надобности подключать в схему новые элементы.

— Думай, что говоришь! Постоянные операции?! Это невозможно, это больно, это, наконец, нельзя будет объяснить людям!

Она уже чувствовала себя почти матерью. — Тогда сразу начинаем его голову необходимым количеством элементов и будем включать их дистанционно...

— Голова навыворот?! Бр-р-р!

Договорились разместить резервную аппаратуру повсюду, где только природа допускает. Удалось вмонтировать кое-что сверх жизненно необходимого, особо уязвимое — продублировать.

И вот когда они уже совсем извелись от подпольной деятельности, мальчик был готов. Мужчина замкнул схему, и человек родился, закричал на радость своим исстрадавшимся родителям. Пронзительно, самозабвенно. И тотчас стал мокрым.

Все системы работали безукоризненно.

Так у мужчины и женщины началась другая жизнь. Как уж они там все оформили, кому, где и сколько дали — неважно. Уж такими великими грешниками себя чувствовали, так старались поскорее забыть об этом грехе...

Они побоялись отдать ребенка в детский сад, выписали из другого города старую маму. Она тоже безумно радовалась внуку, которого уже и ждать-то перестала...

Со временем сделалось ясно, что не так идеально все получилось. Мальчик не отличался ни красотой, ни силой, плоховато учился в школе.

— Ну что ж, — философски говорила бабушка, которая была не в курсе, — у талантливых родителей далеко не всегда рождаются талантливые дети. Нормально. Лишь бы наш Вовик счастливым рос...

Господи, конечно же! Родители и так не могли нарадоваться, их научные дела шли совсем плохо, наверное, они на своего Вовика истратили все, что имели, и теперь жили только им, его детскими интересами. До сорока лет они имели прекрасную форму, а потом враз состарились. Мать располнела и перестала пользоваться косметикой, отец сделался лысым и тощим, как жердь.

Хотя Вовик и плоховато учился, но был он честным, добрым, вполне коммуникабельным парнем. Не доучившись в школе — решил пойти в ПТУ на киномеханика. И родители не препятствовали. После училища он уехал в деревню, где дожидался его старый клуб, запертый на ржавый замок.

К тому времени бабушка уже померла, и родители вновь остались одни. Но из деревни каждую неделю приходили письма, и мать с отцом скучали не сильно. Вот только все более беспокойно равнодушные Вовика к противоположному полу. И однажды, когда он приехал к ним в отпуск, родители решили поговорить с сыном. Может, зря?

Но тайна, хранимая долго-долго, давила им души, как злокачественная опухоль.

— Неужели тебе не нравится ни одна девуш-

ка? — Отец был деловит и участлив. — Ты должен быть, как все, но если мы с мамой чего-то не предусмотрели, то можно исправить это дело хоть сейчас. Всего и работы — добавить парочку схем...

— Спасибо, папа, — дрогнувшим голосом ответил сын, — спасибо, мама, однако...

Не закончив, он молча вышел из-за стола, молча оделся. Потом тихо-тихо скрипнула дверь...

Ночью, в половине второго, раздался сильный стук. Родители, конечно, не ложились.

Вовик стоял на пороге, покачиваясь. И пахло от него вином. Алкоголь даже на транзисторы-тиристоры-резисторы действовал безотказно.

Сын молча прошел на кухню, сел. И не то задумался, не то задремал. Родители стояли рядом, боясь шелохнуться.

— Я — искусственный, ха-ха! — вдруг сказал Вовик глухо, — Меня никто не любит. Да мне никто и не нужен, кроме... Я не хочу жить!

Он со страшной силой грохнулся виском об угол стола. Вместе с кровью на пол брызнули разноцветные осколки каких-то приборов...

В общем, родители все же впаяли сыну пару схем. Но других. Противоположного, так сказать, качества. Вспомнили, сколько горя приняли сами из-за любви.

Вскоре после ремонта и усовершенствования Вовик женился. Но прожил с женой мало. Развелся, женился вторично. Тоже неудачно.

Только в третий раз повезло. Взял москвичку с квартирой и состоятельными родителями. Москвичка ему детей родила, чего всем предыдущим женам он сделать не позволил.

ОДНАЖДЫ В ДЕКАБРЕ

Целыми днями по узеньким дорожкам Верхне-Фугуевского Дома отдыха гуляли разнообразные должностные лица. В том смысле, что все мы с вами имеем в жизни определенную должность, а то и две-три. Даже больше.

А в природе, как раз, буйствовал декабрь, дни стояли короткие, скучные, серые, то и дело валился снег из низких туч. И должность у подавляющего большинства обитателей этого приюта среди сосен была одна на всех. Предпоследняя. Должность пенсионера никакого значения.

Целыми днями благообразные старички и старушки в суконных платочках, в плюшевых жакетках, в валенках с блестящими калошами, в каракулевых шапчонках пирожком, в облезлых пыжиках, в джинсах, в дубленках, в прочем, являющем удивительную смесь разнообразных мод и веяний прошлых десятилетий, неспешно фланировали между голубыми приземистыми корпусами Дома отдыха. И эти одноэтажные корпуса-бараки, видевшие еще недавно, летом,

АЭЛИТА

совсем другую публику, другую совсем, шептуную и рисковую, отчаянную и смеющуюся сквозь слезы жизнь, эти корпуса, нахохлившись под огромными снежными шапками, даже и они всем своим видом нагоняли на стороннего наблюдателя, если бы таковой случился, беспросветную скуку и меланхолию, располагали к покорному ожиданию естественной и неизбежной смены сезонов.

Возможно, в связи с этим, а возможно, и с другим, исчез с места своей основной трудовой деятельности массовик-затейник Оглядов, человек слишком увлекающийся, слишком, я бы сказал, творческий, что ли. Он был дипломированным работником культуры и всегда мучился от сознания закопанности своего таланта. Но служить больше нигде не мог, вернее, нигде больше не могли долго терпеть его чрезмерной увлеченности. И он исчез. И, пожалуй, опрометчиво он это сделал, однако сделал, и мы не будем сожалеть об исчезновении Оглядова, ведь именно благодаря его исчезновению и произошла эта совершенно удивительная история, нигде официально не зафиксированная, а потому неповторимая в качестве положительного или отрицательного примера.

А в это время директор Дома отдыха находился в очередном отпуске — когда же ему и отдыхать, если не зимой. И был он, естественно, далеко от своего культурного учреждения, ведь не брать же, в самом деле, путевку в собственный Дом отдыха. И всеми делами в здравнице заправляла кастелянша Аглая Григорьевна.

Как ей удалось сделаться правой рукой самого руководителя, неведомо. Однако факт остается фактом: Аглая Григорьевна уже не первый год подменяла шефа, подменяла вполне успешно, самовозгораний не случалось, количество жалоб тоже оставалось в пределах нормы, материальные ценности сохранялись на уровне.

А в общем, ничего особенного в этом кастелянском авторитете, пожалуй, и не было, авторитет ведь далеко не всегда адекватен занимаемой должности, тут многое определяется наличием громкого и веского голоса, природным умением как бы абстрагироваться от своей малой должности и с азартом совать нос во все дела, умением, говоря короче, поставить себя в коллективе. И Аглая Григорьевна умела. И никто уже из персонала Дома отдыха, включая и директора, не помнил, что Аглая Григорьевна — всего лишь кастелянша и больше ничего. Вернее, помнить-то, может, и помнили, но как бы не придавали значения этому, несущественному для столь колоритной и энергичной личности факту.

И вот когда исчез массовик-затейник, Аглая Григорьевна была страшно удивлена не его исчезновением, этого-то как раз и стоило ожидать, а была она удивлена тем, что, оказывается,

массовик-затейник нужен зимнему контингенту. И даже, пожалуй, в большей степени, чем летнему.

А отдыхающие, начав с тихого ропота, стали уже на второй день возмущаться довольно громко, начали угрожать пожаловаться, требовать вернуть им деньги за путевки.

А над окрестностями целыми днями носились голоса самых современных эстрадных звезд, они были слышны на много километров вокруг, это осоловевший от безделья и скуки радист потчевал отдыхающих, а также прочих лесных обитателей личными записями, потчевал совершенно безвозмездно, можно сказать, на общественных началах, но публике этого казалось мало.

Будь директор на месте, Аглая Григорьевна вела бы себя с обнаглевшими пенсионерами круто. Она бы им объяснила некоторые свои убеждения. Но директор находился далеко, а ей очень не хотелось, чтобы за время его отсутствия имело место хотя бы самое маленькое чепе. В этом заключался один из ее незыблемых принципов.

И руководительница отправилась в город. И дала объявление в газету. И уже на другой день перед ней стоял новый перспективный кадр.

Аглая Григорьевна с сомнением оглядела не очень из себя видного деятеля культуры. Это был невзрачный мужичок лет тридцати пяти в довольно поношенном костюмчике, без специального, естественно, диплома, вообще без какого бы то ни было диплома, но зато и без яркого творческого блеска в голубых ясных глазах, ведь этот блеск всегда легко различим для опытного взгляда, а его отсутствие и решило дело. Как и отсутствие других претендентов. Кадр назывался Олегом Чебаковым.

— И какие же затеи ожидают наших уважаемых отдыхающих? — с иронией спросила Аглая Григорьевна, самым тоном подчеркивая свою неограниченную власть здесь. А впрочем, ей вообще, мне кажется, импонировали всяческие самоучки, поскольку она и сама числила себя по разряду одаренных от природы людей.

— Я поэт, — сказал жалобно соискатель, — могу создавать сценарии для любых общественно-политических мероприятий.

И было видно, что приготовленную фразу он собирался произнести гордо, а вышло жалобно. И Аглая Григорьевна оформила поэта массовиком-затейником временно, рассудив, что под неусыпным наблюдением ничего страшно произойти не сможет.

И она, не откладывая, представила нового работника Олега отдыхающим и персоналу.

— Вечером прошу всех желающих собраться в нашем клубе, — успокоившись от пережитого волнения, важно сказал Олег. Никаких подробностей он не сообщил и уже одним этим сумел заинтриговать определенную часть истос-

ковавшихся по массовости людей. Хотя были среди них и более дотошные. Они пытались для спектакле заглавную роль? — спросил кто-то из зала робко.

— Вам, — мгновенно отозвался Чебаков, но, увидев замешательство публики, торопливо заверил: — И всем, кто пожелает участвовать. Статистов у нас не будет, все роли будут одинаково главными, это вас удивляет, но вы скоро сами во всем убедитесь. Я создавал свое произведение очень долго именно потому, что с самого начала поставил себе, как говорили мои многие знакомые, совершенно недостижимую цель. Но цель, представьте себе, достигнута. Ну, смелее!

— Вечером, вечером, вечером, — сказала она, — придете и все узнаете!

И доверчивые и любопытные пенсионеры вечером заполнили клуб до отказа. Они даже на фильмы так дружно не являлись, видно, здорово намаялись бедняги без культурного досуга. Аглая Григорьевна сидела в первом ряду и была настороже.

Чебаков вышел на сцену и сразу вспотел от волнения. Однако он твердым шагом прошел на середину к микрофону, кашлянул и без предисловия заявил:

— Будем ставить трагикомедию по моей пьесе. Ролей хватит на всех, а кому все-таки не достанется, я напишу специально.

Что тут было! Да все было, что должно быть. Шум, гам, оживление в зале, реплики с мест. Вопросы, не требовавшие ответов.

— Тихо! — вдруг неожиданно гаркнул поэт и сверкнул своими безвинными, вроде, глазами. — Тихо! Слушать меня!

И такая уверенность, такая неожиданная властность послышалась в этом голосе, что люди мгновенно замерли. И даже Аглая Григорьевна, уже приподнявшаяся в своем кресле, опустила обратно и закрыла рот.

— Ваша жизнь на излете, — сказал Чебаков, пронзительно глядя в зал и поддериывая штаны. — Ваша жизнь скоро перестанет быть бесконечной, а сколько всего не сбылось у каждого за долгие годы! Вы мечтали, у кого была способность мечтать, мечтали открыленно и возвышенно, пока хватало на это сил, а теперь этих сил нет. Вы чего-то желали долгие годы и не получили, и уже не получите никогда. Прислушайтесь к этому слову — «никогда», прислушайтесь! В нем безысходность.

Я дам вам все, о чем вы мечтали напрасно, к чему стремились безнадежно. Потому что у меня все это есть. Вам нужна молодость — сколько угодно! Нужны силы — пожалуйста! Вы будете играть мою трагикомедию и забудете, что это всего лишь игра, а не сама жизнь, потому что жизни у вас уже было довольно много, а игры не было давно, а может, и не было никогда. Ибо я не считаю игрой ловкую жизнь, игра — понятие высокое! Но не в этом дело. Даже не в этом. За оставшийся до конца заезда срок вы проживете целый век, полный удач, побед и открытий, которых, вероятней всего, вы недополучили. Или вам кажется, что недополучили. Многим, если не всем, это кажется...

Итак, попрошу записываться на роли, — после почти незаметной паузы сказал массовик-затейник будничным голосом.

— А кому вы предполагаете дать в вашем

— А если у меня нету таланту? — спросила какая-то старушка из заднего ряда.

— Есть, — ответил Чебаков, не раздумывая, — обязательно есть, и я его уже, кажется, вижу, вы представляетесь мне прирожденной светской дамой.

И люди стали по одному подходить к столику в углу сцены. И каждому массовик-затейник после непродолжительного раздумья вручал текст наиболее подходящей главной роли.

— Я хотел бы сыграть роль министра, — страшно стесняясь, сказал некий седой, но еще осанистый гражданин. — Дело в том, что до пенсии я был директором, и это дело мне представляется наиболее знакомым...

— И вы были счастливы?

— Нет, не очень, вот если бы министром...

— Тогда попробуйте сыграть клоуна, у вас должно непременно получиться, это вполне почтенная профессия, уверяю вас!

Удивительно, но бывший директор, совсем чуть-чуть поколебавшись, согласился. Удивительно и странно еще и потому, что старые люди плохо поддаются переубеждению, в них фантастическим образом сочетается гранитная твердолобость с почти детской доверчивостью, они часто слишком серьезно относятся к самим себе, преувеличивая свои заслуги. Это, пожалуй, первый признак преклонного возраста: потеря ироничности к собственной персоне. Но, как бы там ни было, все эти новопризванные артисты всецело доверились своему режиссеру.

— Я бы изобразил адвоката, — попросил бывший прокурор, — если, конечно, у вас такая роль найдется...

— У меня найдется для вас любая роль, а та, которую вы просите, будет вам в самый раз.

— Я хотела бы попробоваться на кинозвезду; можно? — поинтересовалась старушка в сером парике и с блеклыми редкими бровями. — Я когда-то занималась в самодеятельности, и мне говорили, что у меня несомненный талант...

— И я скажу вам то же самое, только давайте сделаем из вас лучше ткачиху-орденоносцу, вы даже и не представляете, как великолепно будете выглядеть в этом качестве!

— Ну, давайте, вам, конечно, виднее...

— А я в детстве мечтала стать регулировщицей движения планет... — конфузливо прошептала другая пенсионерка.

— Разве такие бывают?

— Нет, но, понимаете, я мечтала...

— Ну, раз мечтали, то будете, а текст я вам подготовлю к завтрашнему дню.

Люди получали роли или обещание создать роль в ближайшее время и уходили. И вскоре осталась одна Аглая Григорьевна.

— Олежек, золотце, — сказала она, неприлично заробев, — а почему бы и мне не принять посильное участие в вашем эксперименте? Может, у вас и для меня найдется какая-нибудь роль, маленькая такая, знаете, чисто наблюдательная...

— Конечно, о чем речь, Аглая Григорьевна! А что бы вы сами хотели?

— Ну, я даже и не знаю, как сказать, ну, я бы хотела, чтобы меня любили все мужчины, это не очень глупо?..

— В общем, не очень, Аглая Григорьевна, но неужели вам не надоели эти ваши однообразные романы с отдыхающими, а они ведь были, во множестве были?..

Никогда никому другому Аглая Григорьевна не простила бы таких слов, а тут даже и ничуть не возмутилась, не оскорбилась нисколько. А приняла как должное, как вполне естественное, словно был этот невесть откуда взявшийся самозванец, поэт непризнанный, по меньшей мере проповедником, ее личным духовником, которые, как известно, давно устарели и не пользуются никакой популярностью; а то и самим господом Богом, перед ликом которого ничего не скроешь, а только и остается, что смиренно признавать грехи и каяться.

— В общем, я думаю, — добавил Олег твердо, — что вам в глубине души всегда хотелось быть добropорядочной супругой, любящей матерью, хранительницей очага. Подумайте, ведь хотелось? А у меня как раз и осталась одна такая роль, у вас бы здорово получилось. И как раз она, как вы изволили выразиться, несколько наблюдательная, несуетливая. Так как, берете?

И железная Аглая Григорьевна только искренне закивала. Добавлю сразу, что постепенно нашлись роли и для остальных работников Дома отдыха, включая и неугомонного радиста...

А наутро, когда обитатели заведения проснулись, на улице, вопреки всем календарям, стояло настоящее лето. И благоухала свежей росой трава под окнами, и пели птицы, и новой краской сияли старые, еще вчера унылые корпуса. Только пруд не успел полностью оттаять за ночь, но обширная полынья плескалась возле пирса, и вода в ней была уже вполне теплой, пригодной для купания при любом состоянии здоровья.

Люди проснулись с каким-то давно позабытым весельем в сердце и высыпали на улицу с пляжными полотенцами через плечо. Сперва опасливо, а потом и совсем бесшабашно стали бросаться в воду, в которой, как выяснилось, невозможно утонуть и которая по вкусу точь-в-точь напоминала воду Черного моря, самого, как известно, синего в мире.

Оказалось, что это и было началом всеобщего спектакля. И только те, кому Олег еще не успел написать роли, ходили, как потерянные. И он спешно снабдил их нужными словами, и они мгновенно переменились.

Люди выходили из воды молодыми и даже уже загоревшими. Они знакомились по новой и сразу поголовно влюблялись друг в дружку, нарочь забывая о том, кем были они еще вчера.

Аглая Григорьевна привела на утреннее купание сразу пятерых, взявшихся неведомо куда ребяташек, неужели бутафорских? — но они выглядели абсолютно живыми и настоящими, и сама она была удивительной. Все мужчины не могли оторвать от нее глаз и смотрели на нее, как на недоступное для личной собственности произведение искусства.

Все чувствовали себя тем, кем хотели чувствовать себя всю жизнь, а если не хотели, так теперь увидели, как прекрасно то, о чем они даже и не мечтали никогда. Ну, а раз чувствовали, значит и были. Они помнили, что проводят в Доме отдыха заслуженный отпуск, в котором все равны. И министр, и клоун, и кинозвезда, и командир ракетоплана.

Как быстро пролетели дни заезда! Но никто не думал о будущем, потому что настоящее было беспредельно прекрасным.

О будущем думал Чебаков. И он видел, что люди слишком отвлеклись от реальности, что его пьеса получилась гениальной, но как ее болезненно завершить, он не знал. То ли опыта не хватало, то ли чего другого. А в общем, ему больше нечего было делать в Верхне-Фугуевском и надо было снимать декорации, смывать грим.

«Завтра снова замерзнет пруд, выпадет снег, кончится навсегда молодость — как переживут это бедные мои старички? — думал Чебаков. — Что станет с Аглаей?»

Но он уже не мог больше ничем помочь этим людям, его энергия была на исходе. Сон в тот вечер долго не приходил, а потом навалился сразу. Глухо шумели всю ночь сосны.

А утром Чебаков первым делом выглянул в окно и увидел необъятную голубую даль. Он протер глаза, быстренько натянул брюки и в тапочках на босую ногу выбежал на крыльцо. Снега не было и в помине. А со всех сторон, на сколько хватало глаз, плескался океан. И только Дом отдыха, с прилегающим лесным массивом, маячил единственной сушей среди кошмарных пучин...

С тех пор прошло много лет. Верхне-Фугуевский Дом отдыха сочли без вести пропавшим, сильно поудивлялись на этот счет, погоревали, кому полагалось, повздыхали, кто притворно, а кто и натурально, придумали сносное объяснение феномену, да и все. Что еще сделаешь?

А на острове длится и длится бесконечный солнечный день. Спектакль идет сам по себе, веселые, жизнерадостные, любящие и любимые люди окружают Чебакова. Последний день их заезда, похоже, никогда теперь не кончится, и они всем довольны, их только слегка раздражает затесавшийся невесть как в их молодую компанию угрюмый, вечно чем-то недовольный, единственный в Доме старикашка. Раздражает, но не очень. В основном они его не замечают, была нужда!

А этот старикашка не кто иной, как сам Олег Чебаков. И он чувствует себя единственной реальностью в этом придуманном им мире, потому что только на него здесь и распространяются неумолимые законы вечного времени.

А остров все блуждает и блуждает где-то между Черным и Беринговым морями, а может, и между двумя разными Вселенными. Надо бы попытаться определить координаты, но Чебаков этому делу не учен, да и солнце здесь никогда не заходит.

ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

Очень многим людям свойственно всю жизнь прожить восторгами молодости. И ведь это прекрасно — любить всю жизнь женщину, которая когда-то, страшно давно, была первой на деревне красавицей и которая теперь... Нет, лучше не надо. Старые люди поют на пределе чувств песню о том, как много золотых огней на улицах Саратова, с неизбывным восторгом смотрят фильм «Волга-Волга», а новые песни, новое кино отвергают.

Они целиком там, в своем молодом далеке, где были они сильными и красивыми, влюбленными и любимыми.

Их души и умы раз и навсегда наполнились когда-то тем, что могло дать их строгое и скудное время, и уже ничто другое не смогли принять и вместить.

Дядю Гошу в его удалой молодости до самых печенок пронзило неприятзательное, но ясное и доступное искусство базарных бесшабашных передвижников, малевавших свои картины на загрунтованной желтой охрой клеенке. Сюжеты произведений были просты и общеприняты, чаще всего они отображали возвышенную любовь в виде ярко раскрашенной парочки хорошо одетых и сытых молодых людей, а также в виде белых лебедей, голубей и других птиц. Встречались сказочные мотивы и даже постепенно возрождавшиеся библейские.

Дядя Гоша как увидел однажды после войны этих художников-продавцов со своими полотнами, так и проникся на всю жизнь стойкой завистью к ним. Не той завистью, которая сушит и точит человека, а тихой и беззлобной, выражаемой простой мечтой: «Вот бы и мне так...» Завистью исключительно таланту неизвестных живописцев, а ни в коем случае не их заработку.

Шли года, одни заботы сменялись другими, уже появился в доме телевизор, случалось, попадали в дяди-гошины руки журналы с репродукциями картин известных всему миру и даже деревне мастеров, альбомы целые доводилось разглядывать, но неизменно перед его глазами возникали клеенчатые лебеди, мужчины в черных тройках с набриолиненными проборами, дамы и мамзели в бантах и с пушистыми кисками на коленях.

Словом, всю жизнь дяде Гоше чего-нибудь не доставало, но больше всего не доставало свободного времени, и вот наступил день, и этого времени стало навалом. И тогда он купил все необходимое. Конечно, было жалко денег, ведь еще же не известно, может быть, ничего и не получится, но старик переступил через эту позорную жалость. Он даже приблизительно не знал о своих рисовальных возможностях, потому что никогда и не пытался их испытать; надо было, конечно, сперва попробовать карандашом на бумаге, как все люди, но ему это как-то даже в голову не пришло. Нетерпение, по-видимому, приперло так, что дальше просто некуда. Со всеми случается.

Стеснялся, конечно, старик. Хотя в доме кроме него да хозяйки уже давно никто не жил. Дети обретались в дальних городах и появлялись только в отпуск, да и то не каждый год. Но он и жены мучительно стеснялся. Голым перед ней появиться он еще мог, пускай и с трудом, но при ней рисовать — сохрани и помилуй!

Через все переступил дядя Гоша, так сильно влекло его непостижимо прекрасное искусство. Мастерскую оборудовал в сарайке, окошко на крыше сделал, все честь по чести. Сарайку запер на замок, чтобы старуха ненароком не заглянула. Конечно, пришлось ее посвятить в тайну, потому что придумать ничего подходящего не удалось, за долгую совместную жизнь дяде Гоше не доводилось обманывать жену, вернее, нужды такой сроду не возникало. Сознался, но не показал.

— Если получится, увидишь, — сказал он, угрюмо краснея, — а не получится, так и нечего... Смотри, соседкам не проболтайся, а то я тебя знаю.

И жена молча отступилась. Правда, ее несколько обидели последние слова, потому что, и муж об этом знал, она болтливой никогда не была. Скорее, пожалуй, трудности с держанием языка за зубами отмечались у него, у дяди Гоши. Но женщина смолчала и лишь подумала

про себя, что еще недавно у нее был вполне нормальный, хотя, конечно, пожилой мужик, но как же он, однако, незаметно и враз впал в детство, означающее, как известно, последнюю стадию жизни. Это было очень грустно сознавать, но она промолчала.

На другой же день после основательной подготовки, поднявшись еще до зорьки, дядя Гоша принялся за дело. Первая загрунтованная клеенка уже успела хорошо просохнуть, это вселяло надежду, что краска пристанет отлично.

Дядя Гоша прислушался к себе и услышал то, что и надеялся услышать. Это ворочалось в нем вдохновение, которое он распознал еще много лет назад, но до поры сдерживал и копил. Теперь он дал ему волю. Он взял кисть и решительно окунул ее в белила.

Через два часа картина была полностью готова. На ней густо синел какой-то водоем с поросшими неясной, но весьма зеленой растительностью берегами, а по водоему, надо полагать, плавали два огромных лебедя. Почему-то они получились больше деревьев. Никаких других деталей на картине изображено не было.

Дядя Гоша, потный и лохматый, отступил на два шага и минут двадцать пристально разглядывал свое первое творение. И вряд ли оно ему нравилось, судя по хмурому и даже несколько испуганному выражению лица. Он рисовал деревья зеленой краской, но оказалось, что настоящие деревья вовсе и не зеленые. И вода вовсе не синяя, как он думал всю жизнь. И пропорции явно не соответствовали. А лебеди и вовсе были похожи на кого угодно, только не на лебедей. Дядя Гоша догадывался, что берется за непростое дело, но он не думал, что у него не выйдет совсем ничего. Ведь всеми другими известными ремеслами он, плохо ли, хорошо ли, овладевал. Одно выходило раньше, другое позже, но выходило же. Вполне сходно.

Он снова замазал клеенку охрой, запер мастерскую и ушел в дом. Он забрался на печку и пролежал там весь день. Старуха догадывалась, что произошло, и заговаривать с хозяином страшилась.

Но дядя Гоша вовсе не впал в отчаяние, как показалось его многоопытной жене. Он просто обдумывал свои просчеты, составлял в голове обстоятельный перспективный план штурма не дающегося и манящего искусства. Первая оторопь прошла, он настроился на длительные неудачи и хвалил себя за то, что не связался с этим трудным ремеслом в молодые годы и не загубил себе жизнь. Живопись, теперь он отчетливо понимал, требовала всего наличного фонда времени. И дядя Гоша был готов к этой жертве. Он, конечно, слышал такие слова, как «талант», «дар божий», но относительно наличия у себя этого самого дара никогда не сомневался. «Комплекс неполноценности» придумали, когда он был уже зрелым человеком.

С трудом дождавшись, когда просохнет грунт, дядя Гоша снова уединился в мастерской. На сей раз он четко продумал композицию, и оставалось только перенести ее на клеенку, что он и сделал — предусмотрительно карандашом. Потом он тщательно подбирал цвета, поглядывая во двор. Его наблюдательный глаз заметил, что цвет окружающей природы зависит, помимо прочего, еще и от расстояния до предметов, от общей освещенности. Уже одно это смутило бы многих, но только не настырного старика. Он взялся за работу не спеша, с удовлетворением чувствуя, что вдохновение и не думало его покидать, а стало быть, все в порядке.

Второй вариант картины, с учетом предыдущих ошибок, получился более трудоёмким, но и только. Никакого сходства с действительностью по-прежнему не было. Старик, конечно, помнил, что и у тех полотен, которые вдохновили его когда-то, не все было в порядке, но у него самого выходило хуже.

Не замазывая очередное произведение, он засел за эскизы. Он рисовал все, что взбредет в голову, и за неделю перепортил целую гору бумаги. Звери, птицы, люди, дома, деревья — все выходило уродливым и совсем не похожим на натуру. Если бы бедный старик знал, что даже любой символист и модернист при желании может сотворить лицо, вполне похожее на человеческое, он бы, пожалуй, умер от расстройства. Он этого не знал, но все же чуть не умер. Во всяком случае, спал с тела и как бы полинял. Выходило, что мечта всей его жизни — химера. А это чрезвычайно грустно.

Что заставило дядю Гошу в этот труднейший момент жизни снова взяться за кисть — величайшая загадка. А, видать, этот самый божий дар и заставил, больше, как ни крути, некому. Как он сам себе объяснил этот заведомо бессмысленный порыв? А просто, уж он потом признался, захотелось испробовать какой-нибудь другой сюжет. Вдруг все дело именно в нем? Наивно? Конечно! Но я бы малость подправил: наивно до гениальности!

Новая работа была завершена в аккурат в тот день, когда исполнился месяц дяди-гошиной творческой деятельности. Опять он отступил от картины на два шага и опять увидел, что его труд ни на что не годится. И влюбленные молодые люди, и голуби под карнизом, и самолет-кукурузник на горизонте — все это никуда не годилось. Жизнь казалась иссякшей. И тут сквозь набежавшие слезы дядя Гоша вдруг увидел, что неестественно красные губы влюбленных, обреченные автором вечно тянуться друг к другу и не дотянуться, сомкнулись.

Он протер глаза — никаких сомнений не было. Нарисованные им уроды вопреки признанным нормам клееночной живописи нагло и самозабвенно целовались. В довершение всего,

они еще и закрыли глаза от удовольствия. Они мгновениями, ни, тем более, прекрасными, а были они самой жизнью.

Пошатываясь, старик вышел на белый свет. Оставив дверь распахнутой настежь, он в прощании ввалился в избу, кое-как взобрался на печь и впал в беспамятство. Из этого состояния его вывела жена.

— Георгий, Георгий! — завопила она с порога. — Чего это там делается на твоей картине?!

Дядя Гоша моментально пришел в себя и хотел рассердиться на старуху, которая против его воли не удержала бабьего любопытства, но раздумал. Он проворно соскочил с теплой лежанки и кинулся в мастерскую. Старуха последовала за ним.

И он не узнал своего произведения. Это было оно и не оно. Точнее, за несколько часов обстановка на клеенке изменилась неузнаваемо. Главные герои картины сидели в подвенечных нарядах, причем жених-урод по сравнению с довольной жизнью невестой выглядел каким-то слегка потеряннным; голубей под карнизом было уже четверо, легко угадывалось, что две новые птицы еще недавно были птенцами. Все птицы были заняты прозаическим копанием в собственных перьях. Кукурузника в небе не было. Дядя Гоша пригляделся и с трудом различил на заднем плане обломки самолета. И он понял, что кромка картины остановила машину прямо в воздухе, и та упала. А людям и птицам просто некуда было деваться от людских глаз. Впрочем, не замечалось, чтобы они стремились куда-нибудь скрыться.

— Молчи пока, — сказал наконец старик жене, — я и сам ничего не понимаю. Подождем несколько дней, может быть, все это прекратится само собой...

Еще за месяц дядя Гоша создал целую картинную галерею. И все картины неизменно оживали, хотя изображалось на них нечто мало соответствующее реальной жизни. Не ожила только первая размалеванная клеенка, она, очевидно, пострадала от недостатка мастерства. Зато молодожены на второй картине чего только не вытворяли на глазах своего создателя. Видимо, им изнутри ничего такого страшного не мерещилось, и вот уже кривоногая мосластая мадама за что-то вдохновенно лупцевала своего ху досочного голубоглазика.

Когда в клубе организовали к какому-то празднику выставку творчества трудящихся, дядя Гоша, страшась насмешек, все-таки отнес несколько своих клеенок. И получился небывалый успех. И уже через пару дней старика пытало выездное правление областной организации Союза художников.

Профессионалы видели перед собой откровенную мазню, махровый и притом устаревший «кич», но мазня жила, в отличие от произведений великих мастеров всех эпох, которые являлись, в лучшем случае, остановленным прекрасным мгновением. А творения дяди Гоши не были

И это дико возмущало и обижало профессионалов. Это ни на что не походило. Они ведь часто говорили друг другу, желая польстить, что их картины — сама жизнь, но ведь никто не принимал эти слова абсолютно буквально. А тут этот дурацкий старик, который своими аляповатыми, пошлыми и безвкусными клеенками, сам не ведая, что творит, перечеркивает все мировое изобразительное искусство с многовековыми традициями. Еще хорошо, что все население его так называемых картин сидит в своем пространстве. Страшно подумать, что произойдет, если сумасшедший старик надумает ваять...

Дядю Гошу пытали о том, где он учился, хотя было ясно и дураку, что он нигде не учился; интересовались, как он обдумывает свои образы и как воплощает их на холст... м-м-м... простите, на клеенке; ясно сознавая, что дед все равно ничего вразумительно не объяснит. Даже если захочет, чего явно не наблюдалось. Дед был угрюм, сдержан, скрытен. И вообще...

А он просто был напуган таким вниманием к своему труду. Он мечтал лишь, что его картины будут висеть в домах односельчан, ну, детей. Но уверенности никакой не было. А тут такое.

А между тем, профессионалы любили всяческих самородков. Любили даже выводить их в люди. Они глядели на работы любителей и как неизбежное подмечали всякие слабости, отсутствие школы, подражание, дилетантизм. Работы деду были ниже всякой профессиональной критики, состояли из сплошных недостатков, никаким талантом не пахли, и все было бы с ним ясно, если б... О-хо-хо...

Выходило так, что вечный клич реализма, воплощенный слишком буквально, рушил все с такой любовью воздвигнутое здание. Ни больше, ни меньше.

Ученые пришли к выводу, что дяде Гоше каким-то неведомым способом удалось проникнуть в двухмерный мир. Что его искусство никакого отношения к искусству не имеет, а имеет прямое отношение к науке. И художники ожили. Как явление науки, они дядю Гошу охотно признали и даже нашли возможным восторгаться им. А ученые явившееся феноменальное явление обосновали и стали его активно изучать.

Ух, сколько они по его картинам диссертаций написали! Ух, сколько бы написали еще, если бы дверь в двухмерное пространство не закрылась со смертью того, кто ее приоткрыл!

Да, дядя Гоша помер, померли и его клеенки. Остановились. И потеряли всякую ценность.

Они остались висеть по избам односельчан, как и мечталось когда-то старику, но со временем односельчане выкинули умершие полотна. Потому что в момент своей гибели они отражали уже совсем не те возвышенные явления, какие имел в виду автор, они отражали нечто со-

всем противоположное. А стало быть, права на всеобщее обозрение ради эстетического наслаждения — не имели.

С тех пор никому не удается сделать того, что сделал дядя Гоша, зато искусство процветает, и это важнее всего.

ВДАЛИ ОТ ОЖИВЛЕННЫХ ТРАСС

Старость подкрадывалась исподволь, мелкими шажками, и однажды вдруг выяснилось, что она уже заполнила собой весь дом, загнала хозяев в угол и зажала там. Не вздохнуть лишней раз, не пошевелиться. Так уже не однажды случалось с людьми за многие тысячелетия, так случилось и с ними. Бывает, выходит, что и тысячелетний чужой опыт ничему не учит потомков. Бывает. А ведь если бы эту приступившую старость вовремя пугануть, не поддаться ей вот так, без боя, то, пожалуй, можно было бы отвоевать у нее несколько лет. Да чего уж теперь, после времени рассуждать.

Леонид с Катериной одногодки, поженились рано, на двадцатом году. И сразу обзавелись оговоренным заранее количеством детей. Ранние дети росли крепкими и смысленными, радуя родителей и вселяя в них честолюбивые надежды. Так что иногда Леонид высказывал вслух и такое:

— Вырастут дети, разведутся, а мы с тобой, Катя, еще хоть куда, и вполне сможем новую жизнь, вторую жизнь начать.

Что он имел в виду при этом? Да, пожалуй что, многое он при этом имел в виду. Даже вполне возможно, и совсем другую любовь в зрелом возрасте, поскольку погулять, посравнить в свое время не успел. Не такие уж это и плохие мечты, если подумать как следует.

А Катерина ничего не говорила, но и не возражала, а стало быть, молча соглашалась с мужем. И кто знает, что она думала по поводу будущего, не исключено, что думала о том же. Просто она была более скрытной и сдержанной, чем Леонид.

Но вот выросли дети и разлетелись с заголустной Земли куда подальше по разбегающимся траекториям. Точно так же, как разлетелись и другие дети.

Старый скрипучий планетобус прилетал раз в день на Землю и через минуту отчаливал, до предела набитый молодыми людьми, покидавшими патриархальную свою планету в поисках лучшей доли. Правда, случались в планетобусе и пожилые люди, но те летели лишь до Марса, везя на тамошний рынок свой немудрящий товар. Старики после возвращались, а молодежь отправлялась дальше. Марс был большой узловой станцией, откуда каждую минуту стартовали огромные современные лайнеры во все концы необъятной Вселенной. Везде во Вселен-

ной требовались молодые крепкие руки, ничего, что пока не очень умелые.

Однако не все старики возвращались на свою деревенскую планету. Те, кому позволяло здоровье переносить сверхдальние межзвездные перегоны со всевозможными переходами в подпространство и анабиозом, улетали к детям в неведомые, но более удобные и комфортабельные, чем Земля, миры. Улетали, чтобы, якобы, провести остаток жизни в блаженном отдыхе, под присмотром первоклассных докторов; а на самом деле затем, чтобы нанять внуков, вести хлопотное, полное постоянно ломающихся киберов хозяйство; затем, чтобы их пробивные дети могли на законном основании урвать себе побольше жилплощадь, воспользоваться другими льготами, причитающимися ветеранам трудового фронта.

И старики, конечно же, знали, а не знали, так чувствовали, что их ждет там, в неведомых вселенских пределах, и все-таки улетали, заколотив наспех окна своих земных жилищ, надеясь вернуться когда-нибудь и зная, что все эти надежды абсолютно несбыточны.

Катерина с Леонидом и впрямь были еще хоть куда, когда выросли дети и разлетелись по далеким престижным планетам. Но оказалось, что ни ему, ни ей уже не хочется начинать новую жизнь. И это очень хорошо, что их настроения так удачно совпали. Потому что если бы кто-то один начал новую жизнь, то другому было бы весьма неуютно и грустно оставаться в старой жизни. А так ничего, сходно. Но, возможно, это и было самой первой, самой ничтожной уступкой маячившей вдалеке старости, кто знает?

Но и стать няньками в своем еще очень крепком возрасте они решительно отказались. Чем, вероятно, отодвинули свой жизненный закат. Хотя, возможно, как раз и наоборот. Ведь потом, когда дети обошлись без их помощи в трудное для себя время, когда внуки Катерины и Леонида стали тоже взрослыми, надобность в стариках вообще отпала. То есть — прервалась связь поколений, а в этом ничего хорошего нет. О рождении правнуков старики узнали из редких писем, которые им еще писали из вежливости. Но перебраться поближе к родне уже никто не звал.

Вот так они и остались доживать свой век на Земле, присматривая друг за дружкой, ведя свое нехитрое, разваливающееся на глазах хозяйство. Но пенсии у обоих были маленькими, и хозяйство здорово выручало.

Для великого вселенского Содружества Земля не представляла решительно никакой ценности. А по своей бедности и неустроенности была и вообще бельмом на глазу у вселенского руководства. Планета находилась в стороне от больших и малых космических трасс, и вопросы ее снабжения и медицинского обслуживания никому не хотелось решать, настолько они были

сложны и запутаны всякими ведомственными барьерчиками, а больше того, барьером световым, для одоления которого требовалось слишком много энергии.

Одно время Землю даже хотели снести, в смысле перетащить поближе к Солнцу и сжечь в его толпе для всеобщей пользы, но взбунтовались разные интеллигенты, зараженные реликтовой ностальгией, живущие, между прочим, на самых комфортабельных планетах Содружества. Эти люди подняли такой крик по всем информационным каналам, что Землю решили оставить на своем месте и даже объявили заповедником. Тогда же было налажено и регулярное планетобусное сообщение. Но это только на бумаге. А на деле оно было регулярным только в редкие периоды противостояния, а в остальное время график движения ломали и перекраивали как кому заблагорассудится. Но и то достижение, если учесть, что были времена, когда на Землю и обратно можно было добраться лишь случайным транспортом, которого приходилось ожидать месяцами.

А остальные проблемы так и остались проблемами. Если почта доставлялась все тем же планетобусом более или менее регулярно, то бригада врачей, посещавшая Землю раз в год, вечно куда-то торопилась, да и больных за год накапливалось много, на прием выстраивались длиннющие очереди. Врачи торопились, и потому ничего не хотели лечить, почти во всех случаях они предлагали людям полную замену всех внутренних органов, это было намного проще и целесообразней с экономической точки зрения, и доктора сильно раздражались, когда старики с чисто старческим упрямством цеплялись за тот или иной исчерпавший свой ресурс орган.

Совсем худо временами приходилось со снабжением продуктами первой необходимости и особенно продуктами питания. Космическая лавка должна была прилетать раз в неделю, но случалось, что она не появлялась и по месяцу, и тогда население планеты по-настоящему голодало. Люди писали коллективные жалобы на директора вселенского торгового дома, но тот изредка получал лишь ни к чему не обязывавшие выговоры, и на том дело кончалось. По видимому, где-то на самом верху у него был сильный покровитель.

Поэтому, когда космолавка добиралась до Земли, люди хватали питательные таблетки, пилюли и микстуры целыми упаковками, целыми сумками и ящиками, и обязательно кому-то не доставалось.

А часто торговая ракета и вообще не могла добраться до Земли, потому что для этих целей выделялся всегда самый старый, давно подлежащий списанию планетолет с неопытным и безалаберным пилотом. Планетолет в дороге ломался и дрейфовал по нескольку дней в пространстве, пока за ним не высылали техпомощь.

Совсем плохо доставлялось топливо для личного реактивного тягла.

И земные старики коротали время тем, что передавали друг другу изустные легенды о добрых старых временах, когда люди были устроены намного сложнее и могли питаться пищей естественного происхождения. Многие со знанием дела растолковывали, что давным-давно люди были не только покрыты чудной растительностью под названием «волосы», но еще имели в брюшной полости диковинные специализированные органы для добычания энергии из пищи, приготовленной на основе животных и растительных компонентов.

Правда, эти органы были весьма несовершенны, они могли подвергаться многим опасным для жизни болезням, но они со временем из-за употребления синтетической концентрированной пищи исчезли. Зато у древних людей никогда не было никаких проблем со снабжением продуктами, они жевали так называемыми «зубами» все, что попадет: траву, дерево, насекомых, зверей. Они жили очень сытно, а значит и счастливо.

Такие откровения казались, конечно же, очень удивительными, однако особых сомнений не вызывали, потому что все видели, чем питаются звери, которых когда-то не было совсем и которые, когда на них перестали охотиться, откуда ни возьмись расплодились на Земле в невероятном количестве. По всей планете разрослись буйные, невиданные на протяжении нескольких поколений леса. Жаль, что всем этим изобилием люди уже не могли воспользоваться. А может, это и к счастью. Хотя некоторые, особенно отчаянные, пытались, преодолев отвращение, проглотить что-нибудь непривычное. Но маленький гладкий желудок не был приспособлен для столь грубой пищи, он мог только извергать ее обратно в неизменном виде.

Дочь Леонида и Катерины Электрона жила на Золотой планете. Там абсолютно все состояло из золота. Когда туда прилетели первопроходцы, они даже дома и деревья понаделали себе из золота. Они даже постепенно перевели свой обмен веществ на золотую основу.

Сын Птоломей обосновался на Бриллиантовой планете, где все было такое же, как на Золотой планете, только из бриллиантов. Там даже печки топили бриллиантами, от которых получался очень хороший жар.

Раньше, когда они были помоложе, когда время от времени они навещали родителей на Земле, то частенько чуть не до драки спорили, чья планета лучше. И родителям было ясно, что обе планеты так прекрасны, что ничего лучшего просто невозможно пожелать; что их ребята выросли пробивными и хватскими людьми, которым и чужого не надо, но за свое они любому глотку перегрызут.

А еще в Содружество входили: Серебряная

планета, Платиновая, Урановая, Нефтяная, Меховая и даже Японскоэлектронная планета. А также некоторые другие, не менее процветающие миры. Все эти планеты вели между собой оживленный культурный и торговый обмен, жили дружно и счастливо, подчиняя своему влиянию все новые и новые участки мироздания. И только Земля, из которой уже давно были выкачаны все ее скромные, но зато разнообразные богатства, входила в Содружество на правах бедной родственницы.

Хозяйство стариков здорово выручало. И каждое утро они поднимались ни свет ни заря, чтобы управляться по хозяйству. Наскоро позавтракав синтетическими таблетками, они заводили своего дряхлого реактивника Серко и летели по объектам. Хоть с грузом, хоть без, Серко давал свою тысячу километров в час, не больше и не меньше. Его не торопили никогда, не подстегивали, потому что горючка была страсть какой дорогой и завозили ее не регулярно, а на форсаже старый реактивник жрал ее тоннами без видимой пользы.

В хозяйстве стариков была пара заводоавтоматов по производству земных сувениров: матрешек, ритуальных масок, скальпов и другого прочего. За обоими заводами требовался постоянный хозяйский догляд. Все киберы, работавшие там, были старых моделей, то есть

склонными к припискам в отчетности, перерасходу фондов, снижению качества продукции. И каждый при этом норовил ухватить себе масла по свежее, электроэнергию побольше. Некоторые, если за ними не удавалось вовремя приглядеть, так накачивали электричеством свои аккумуляторы, что их потом неделю пошатывало, и на всех окружающих летели от них длинные синие искры. Нередко случались жестокие, совершенно безобразные драки.

А еще у стариков имелась маленькая, допотопная, маломощная атомная электростанция на быстрых нейтронах. Вот и все хозяйство. Одно название. Но и с ним с некоторых пор стало очень тяжело управляться. Годы есть годы. Да еще сувениры на базаре брали все хуже и хуже, и была с этим товаром одна морока и расстройство.

С каждым днем на Земле все меньше оставалось людей. Планета дичала, отбивалась от рук. Если бы кому-то вдруг стало интересно, то он мог бы убедиться, что многие земные обезьяны уже пользуются простейшими орудиями. Но руководство Содружества интересовало другие перспективные планеты. Земля в это число не входила, ее минеральные ресурсы были полностью исчерпаны, на органику, которую можно легко синтезировать прямо из воздуха и воды, никто внимания не обращал. Да и не нуждалось человечество в естественной органике. Было решено превратить Землю в уникальный музей дикой природы.

И тут как раз открыли новую планету, всю сплошь состоящую из легкого невесомого пуха. Планету назвали Пуховой и постановили, что лучшего места для заслуженных старых людей не найти. Ее подтащили поближе, чтобы даже самые ветхие старички могли на нее перебраться без ущерба для слабого здоровья. Планету всю уставили стереотелевизорами, наладили на ней бесперебойное автоматическое производство питательных пилюль. А еще было предусмотрено, что раз в неделю над Пуховой будет появляться специальный спускаемый аппарат, который, не доходя нескольких километров до поверхности, станет сам собой взрываться, разбрасывая над планетой миллиарды самых свежих сегодняшних, завтрашних и даже послезавтрашних газет!

Известие о переселении на Пуховую Леонид и Катерина приняли спокойно. Они только пожалели своих непутевых киберов с заводоавтоматов, которых придется отключить, чтобы они, одичав, не разбежались по лесам, не наделали чего-нибудь с собой или же с флорой и фауной. Старики решили, что атомную электростанцию они останавливать не будут, пусть она работает, пока есть уран, а в окрестностях станции надо включить побольше мощных прожекторов, чтобы они сияли день и ночь, чтобы освещаемая этим светом старая планета не ка-

Рзалась самой себе такой одинокой и бесполезной.

Вечером их верный Серко приземлился на старой бетонке, проложенной по берегу океана. Старики тшательно зачехлили моторы. Разделись и вошли в воду. Они довольно часто купались здесь вечерами, но теперь, напоследок, решили все-таки доплыть, посмотреть, куда садится каждый раз их старое багровое Солнце вот уже миллиарды лет.

Уже подкрадывалась осень, желтые листья, срываясь, падали в океан, а он выбрасывал их на берег, словно отталкивая от себя это печальное и безжалостное время. Вода была холодная, но закаленные старики любили холодную воду, она приятно обжигала тело и бодрила разум.

Они поплыли туда, где небо сходится с землей, где Космос сходится с Землей, и долго-долго круглые головы светились красными скорлупками на фоне легких, неторопливых волн.

ФЕНОМЕН

Илюха родился семимесячным. И мать так намучалась с ним, что у нее навсегда отпала охота рожать. Долгое время даже у врачей не было уверенности, выживет младенец или нет. Сразу на него навалились всякие детские и взрослые хворости, ладно, что родственников в ту пору было довольно много, а то бы ребенок и сам умер, и мать бы извел вконец. Обе бабушки нянчились с внучонком через сутки, на большее ни одного нормального человека хватить попросту не могло; а когда передавали смену — как могли, отыгрывались друг на дружке за привалившую морочу.

— Поменьше бы на аборты бегала твоя скромница в девках, дак и ребеночек бы не страдал бы с малолетства. А теперь и выправится, да все одно — не человек, — шипела одна.

— А твой-то, твой-то, сватья, кому он нужен был, твой шибздик, если бы не наша жалельщица! Производи-и-тель! Уж не брался бы, коли толку нет, лучше соседа попросить. Сделал наследничка, ни богу свечка, ни черту кочерга! — кричала другая.

Нетрудно заметить, что, несмотря на серьезные разногласия, в одном бабушки сходились: внук — не жилец. Но обе нянчились с Илюшкой, надо признать, самоотверженно и квалифицированно. Да и другие родственники, чем могли, облегчали жизнь молодых родителей.

И вот когда мальчику исполнился год, результаты героических усилий начали сказываться.

— Ну вот, — сказали врачи, — поздравляем. Теперь ваш мальчик станет расти не по дням, а по часам. Радуйтесь и будьте счастливы. Вы это заслужили.

Но родители и все остальные были так из-

109)мучены продолжительными хлопотами, что сразу почувствовать себя счастливыми не смогли. Ощущение счастья пришло значительно позже и по другим, для каждого своим поводам. Да и не ко всем. Однако каждому довелось пережить благодаря мальчику хотя бы несколько трудных часов, и потому мальчик рос любимым всеми. Правда, каждый родственник выражал эту любовь по-своему: одни дарили игрушки и конфеты, другие рассказывали сказки, третьи ласково агукали, говорили: «Ах ты наш недоносочек ненаглядный!» — и смаргивали украдкой непрошенную скупую слезу. Ну, возможно, слезы и не было, это я так, чтобы красивше звучало. А четвертые шлепали ребенка по попке и любовно ставили щелбаны, от которых из его глаз летели искры. Бывает и такой способ выражения любви. Но это позже, когда Илюша окончательно повернулся к жизни.

Только после четырех лет его рискнули отдать в садик. Первый год он, как и ожидалось, почти полностью проболел, что и у нормальных детей не редкость. Может, наши садики рассчитаны на детей эскимосов, не знаю. Не занимался этим вопросом специально.

Первый год проболел Илюша, а потом ничего, притерпелся, знать. Закалился. И только малый рост остался у него — в память об однообразной и малоинтересной внутриутробной жизни.

В садике и в школе он был самым маленьким. Правда, потом все-таки подтянулся и набрал целых сто шестьдесят сантиметров, что по нынешним временам для мужчины до обидного мало, а по ранешним — ничего. И даже почти хорошо.

Но никогда Илюху всерьез не обижали. То есть обижать-то, конечно, обижали, но не больше, чем любого другого одногодка. Он хоть и был самым маленьким и самым слабосильным среди всех сверстников, но когда дело касалось его мужской чести — шел напролом. И в ситуациях, когда подавляющее большинство детей, да и взрослых, предпочитает спастись бегством или, при отсутствии необходимых условий, начинает искать компромисс для заключения, по возможности, справедливого мира или, на худой конец, просить об унижительной пощаде, — Илюха пугал дюжего противника неукротимой храбростью и безрассудным нахрапом. Бывало, он уже лежал на полу с разбитыми губами и фингалом под глазом, а из носу текли кровавые сопля, лежал, не в силах подняться, а сам продолжал кусать, царапать и пинать обидчика. И тот удивленно отступал. Но Илюхе этого было мало. Он вставал, пошатываясь, и снова бросался в бой. И торжествовал, видя позорное бегство превосходящих сил. Хотя, конечно, потери той и другой стороны были не соизмеримы. Но разве в этом дело!

По вдохновению Илюха и сам мог напасть

на любого, но это случалось довольно редко, а где-то лет с четырнадцати прекратилось совсем. Так что, в основном, рос Илья человеком мирным и отходчивым.

Но еще в садике стала замечаться за ним одна любопытная особенность, которая с годами не исчезла, а переросла, можно сказать, в самое главное и примечательное качество взрослого Ильи.

Прекрасный, правда, я не считаю это определение очень удачным, но моим мнением, когда его придумывали, никто не поинтересовался, так вот, прекрасный пол относился к Илюхе с самого раннего детства с неизбывным, болезненным интересом. Да-да, я не оговорился, именно весь пол, а не его отдельные представители! В смысле, представительницы.

— Дай, — говорил маленький Илюша девочке, у которой в руках была игрушка, только что отбитая ею у лучшей подружки.

И девочка безропотно подчинялась. Больше того, она начинала отнимать самые лучшие игрушки у других детей и приносить их к ногам своего повелителя. Но обычно оказывалось, что она ошиблась в самых лучших чувствах

— Уйди, — говорил ей через некоторое время Илюша хмуро, — надоела.

И девочка уходила в слезах. И плакала, пока за ней не приходили родители, а случалось, что продолжала плакать и дома. А Илья одаривал кратким счастьем следующую поклонницу, потом так же быстро охладевал и к ней. Трагедия повторялась. Еще одно разбитое сердце. Но никто и представить не мог, сколько их будет еще на жизненном пути маленького Илюши.

— Тут дело, главным образом, в жалости, — авторитетно утешали родительский состав детсадовские педагоги. — Все-таки самый маленький, самый слабенький.

Матери девочек охотно соглашались и успокаивались, отцы тоже соглашались, но еще долго их мучила обида за своих любимых дочек. Жгучая обида.

Мальчики, конечно, сердились на друга, но в большинстве своем понимали, что физической расправой над соперником любви не завсюешь. Да и побаивались илюшкиных зубов и ногтей. Они даже стремились дружить с малышом, очевидно, интуитивно надеясь, что это позволит им проникнуть в тайну илюшкиных чар и даже, кто знает, возможно, и перенять что-нибудь. Но из этого ничего не выходило.

Мальчики видели перед собой маленького ушастого человечка с глазами навывкат, с редкими рыжеватыми волосиками, тонкого и чуть кривоногого, с вечно недовольным выражением лица, которое получалось от постоянно оттопыренных губ. А больше не видели ничего.

Что видели в Илье девочки, а потом девушки, а потом женщины и даже старушки, сказать не берусь, поскольку к их до сих пор во многом

загадочному племени, как вы понимаете, не принадлежу. И выдавать себя за тонкого знатока женских душ тоже поостерегусь. Может, и было в нем что-то, для грубого мужицкого глаза невидимое, а для женского, нежного и ищущего, вполне приметное и зовущее.

А родители Ильи были счастливы. Всяк по-своему.

«В меня пошел сыночек, мал да удал, такой своего счастья не упустит», — самодовольно думала мать. Правда, была еще мысль, что уж коли ее сыночек пользуется такой неслыханной популярностью, то и она могла найти бы в свое время другую, более выгодную партию. Но женщина только вздыхала, думая об этом. Несмотря на то, что ее ум не был чрезмерно отягощен, она хорошо понимала, что в ее возрасте и при ее положении любовные эксперименты вряд ли приведут к душевному покою и радости. Эх, ушло времечко!

«Пусть, так им и надо, — мстительно думал отец, — пусть хоть он отыграется за мои унижения и муки перед бабским сословием! Давай, сынок, давай!»

Да и остальные родственники не могли нарадоваться на своего внука и племянника. У каждого из них, конечно же, были свои счефы с жизнью, и каждый думал, что это его персональный вклад оказался решающим при становлении личности необыкновенного мальчика.

В школе Илья учился довольно средне. На троечки. А по старым меркам, пожалуй, и вообще плохо. Вероятно, это тоже было следствием его неудачного рождения. Хотя и не обязательно. Он бы, может, и не дотянул до аттестата. Но склонные к самопожертвованию девочки сумели умерить свои эгоистические устремления и общими силами, как могли, выручали своего туповатого возлюбленного. А он был чрезвычайно разборчив, и любая отличница посчитала бы за честь дать Илюшеньке списать домашнее задание. Она бы, конечно, с радостью избавила его и от этой черной работы, если бы умела повторить корявый лоботрясовский почерк.

А что касается уроков труда, рисования, черчения и некоторых других предметов, так Илья и вообще не знал никаких забот. От физкультуры он был освобожден по состоянию здоровья, и единственным предметом, которым он овладевал сам, было пение. Петь Илюша любил. Правда, не сказать, чтобы у него был какой-то особенный голос или слух, но пел он смело, громко и с чувством, не отказывался от участия в школьной самодеятельности, между делами мало-мальски освоил несколько аккордов на гитаре. Играл и пел. Он выучил десятка три маловразумительных песенок и регулярно выжимал обильную слезу из поклонниц и поклонников своего таланта. Появились и такие. Правда, они толклись возле маленького барда скорей от зависти, чем от преклонения. Но вслух же про

такое не скажешь. Они с радостью подвывали гитаристу и надеялись стать столь же неотразимыми, как недосыгаемый кумир. И надо признать, кой-кому удалось обратить на себя внимание не заинтересовавших кумира страдалиц. Жизнь берет свое, и жить хочется всем. Хоть и не совсем так, как мечталось когда-то.

А в старших классах в Илюшу уже вовсю влюблялись молодые и не очень молодые учительницы. Так что школу он закончил вообще довольно прилично.

Трудовая жизнь пошла у Ильи спервоначалу не так удачно, как предыдущая. Работать он не умел, да и слабость здоровья сказывалась. А главное, не любил и не хотел. А начальство у нас — не знаю, к счастью ли, к несчастью ли, а скорей, для кого как — начальство у нас, в основном, мужского типа. Без лишней лирики.

А жить хотелось красиво.

И стал Илюша оказывать честь то одной, то другой. Одна ему за это штаны импортные достала в «Детском мире», другая — курточку кожаную. Третья даже мотороллер в кредит хотела взять, но Илюша великодушно отказался.

— Тяжелый, да и колес мало, еще упаду где-нибудь, — сказал он.

Женщина бы и на что-нибудь более солидное расстаралась, чтобы колес было побольше, если бы Илья согласился подождать. Но он не согласился, потому что уже знал, что в другом месте и ждать не придется.

Надо сказать, что честь свою он оказывал весьма аккуратно, с разбором, детей нигде не оставлял, замужних и пока незамужних обходил стороной, за них и прихлопнуть могли нечаянно на почве ревности. И закатилась бы тогда его яркая бесстыжая звездочка и исчезла бы без следа. Этого он не хотел, и потому пользовал, в основном, вдовушек да разведенков. Правда, и из-за них порой случались неприятности, но до смертоубийства дело, слава богу, так и не дошло.

И хотя влюбленных в Илюшу замужних женщин и девушек в округе было страсть сказать как много, никакой демографической катастрофы не случилось. Девушки рано или поздно выходили замуж, пусть и без особой любви, рожали детей, и показатель рождаемости был на обычном уровне.

Мужчины не чурались илюшиной компании, случалось, выпивали с ним, они ценили хотя бы то, что вел он себя по отношению к ним по-джентльменски, семей не разбивал, на предложения замужних дам не отзывался, а сам факт предложений не разглашал. Мужчины это здорово ценили, хотя уважения к Илье все-таки испытывать не могли. Наиболее мудрые пытались даже оправдывать его: «Бабы — дуры, а он разве виноват?» Но всех, всех без исключения мучил страшной мукой неразрешимый вопрос: «За что? За что они его так любят, что они видят в нем?»

— Вам не понять, — отвечали свободные женщины. А несвободные ничего не отвечали. Они красноречиво молчали. И я подозреваю, что ни те, ни другие не знали вразумительного ответа на вполне логический вопрос. Потому что у них, как принято считать, другая логика.

Да, мужчины не чурались илюшкиной компании, случалось, выпивали с ним. И все, мне кажется, ради того, чтобы спросить: «Когда же ты, наконец, женишься, Илюха? Мы очень беспокоимся за тебя». Чтобы спросить и получить приятный определенный ответ.

Илюша пожимал плечами.

— Молодой еще, успею, — тихо и, казалось, виновато отвечал он.

— Кого же ты ждешь, какую принцессу?

— Бери выше, не принцессу, а инопланетянку! — грустно улыбался Илья, и было заметно, что он рад бы сделать приятное своим собутыльникам, но в данный момент не может. Никак.

И каждый вновь уходил домой с тяжелым сердцем.

Почему многие думали, что, как только Илья женится, весь этот кошмар разом прекратится? А наверное, потому, что людям всегда свойственно надеяться на лучшее.

И тут прилетели инопланетяне с дружественным визитом. И забрезжила перед мужиками заря надежды. Слабая, едва заметная полоска зари. Пока инопланетяне ездили по Земле, знакомясь с бытом и обычаями аборигенов, мужики прямо извелись все. Если население других мест интересовалось, в основном, достижениями инопланетян в науках, то наших мужиков волновало наличие любви в дальних мирах. А вдруг ее там нет? Вдруг они ее искоренили, как, скажем, мы оспу?

Так и оказалось. Оказалось, что инопланетяне уже давно все это дело поставили на плановую основу. Чтобы не было никаких лишних переживаний, чтобы не падала ритмичность производства. «Хана!» — подумали тогда мужчины и, уже всерьез решив принять крутые крайние меры, в очередной раз пригласили Илью сообразить. Он, видно, что-то почувствовал, хотел отказаться, но его уговорили.

И тут как раз рядом проходили пришельцы. Женщины и мужчины. И одна, совсем юная, была так прекрасна, что, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать. И даже лучше. Куда нашим местным до нее.

— А спорим, эту уговорю! — вдруг решительно заявил Илюха.

Мужиков аж подбросило. Хотя и не верилось, все-таки плановая основа, но поспешно ударили по рукам. Уж очень хотелось проиграть.

Илюша как вышел, как глянул, так все. Со-млела инопланетяночка. Хоть и была выше нашего молодца на полголовы и внешностью царица.

Словом, когда инопланетяне собрались улетать, она заявила, что остается. Наблюдать и изучать. Спорили, спорили с ней соплеменники. Да как в таком разе переспоришь бабу! Оставили они ее полномочным представителем и улетели, пообещав через сколько-то годов вернуться.

Илюха, как и уговаривались, вскоре женился на инопланетянке. И ничего не изменилось. Только эта любовная зараза постепенно захватила всю Землю.

— Все, ребята, — сказал Илья приятелям, — остальное от меня не зависит. Хоть убейте. Так что идите, налаживайте свою жизнь, а мое дело сторона.

И они пошли. Кто в длительный запой, а кто и стреляться насовсем. Из чего-нибудь. Еще бы — хоть до кого доведись: разве это жизнь?!

Илюха в ту пору служил в ВОХРе стрелком. А жена его устроилась в библиотеку. Ей же потом отчет надо было писать для соплеменников. Ей там, дома, и зарплата хорошая шла, и суточные, и квартирные. Но переводы с других планет еще пока не ходили. И Илюхе это дело сразу не понравилось, он же привык к красивой жизни, а сам эту жизнь по состоянию здоровья обеспечить не мог. Так что скоро инопланетянке пришлось идти на стройку, искать большие заработки.

Словом, через несколько годков от ее прежней красоты мало что осталось. А Илюша стал поколачивать свою законную супругу да погули-

вать по старой памяти. Она, бедная, даже руки на себя хотела наложить. Едва откачали.

И тут, наконец, за ней прилетели. А она уперлась: только с ним, дескать, родненьким. И он не прочь, надоели, видно, одни и те же рожи. Разнообразия захотелось.

Пришельцы поинтересовались у наших ученых: может, мол, другого кого хотите полномочным представителем? Но у нас, к счастью, в ученых кругах в основном мужчины трудятся.

— Пусть летит, подходящая кандидатура, — сказали пришельцам в Академии наук.

Но земные девушки, женщины и даже старухи продолжали сохнуть по своему Илье еще очень долго, пока корабль пришельцев не отошел от земли на несколько парсеков. Илюхе в те дни сравнялось сорок годиков, и был он интересен всем дамам, независимо от их возраста.

Прошло несколько спокойных лет, и на Земле стала налаживаться прежняя счастливая жизнь. И когда настало время лететь за Иллей на дружественную планету, космонавты, тоже в большинстве мужчины, наотрез отказались. Да и женщины не очень сильно настаивали, потому что успели поотвыкнуть от своего ненаглядного.

Есть, правда, опасность, что пришельцы сами попытаются вернуть нашего феномена на Землю. На этот случай пришлось установить несколько специальных боевых ракет. Пусть только сунутся.

НОВЫЕ ИМЕНА

Снежана ГЕОРГИЕВА, 11 лет

Капелька Кли

Привет!

Меня зовут капелька Кли! Хотите узнать, куда девается вода из моря и как снова там оказывается? Тогда идем вместе со мной в мое удивительное путешествие.

Я проснулась и обнаружила, что лежу на мягком листе. Я попробовала приподняться, но скатилась вниз. Там мне стало страшно, и я снова забралась на лист и очень удивилась — там сидела страшная гусеница. Я оттуда спрыгнула и залезла на другой лист, где и продолжила

отдых. Тремя часами позже я стала такой маленькой, что поднялась вверх, в тучу. Там было тепло и уютно, но все-таки пришлось оттуда уйти, когда я выросла, стала тяжелей и больше не могла удержаться в туче. Я хотела попасть в лужу, но сильный ветер понес меня в океан, где я пробыла восемь часов, а потом опять стала маленькой и легкой и поднялась вверх. И снова оказалась в туче, а наутро увидела, что я опять лежу на листе.

Мне очень понравилось путешествовать, а вам?

ПЯТЬ ЯБЛОК

Было лето. Шли первые дни июля.

В полдень двое сидели на берегу реки, в кустах ивняка, и рыбачили. На другом берегу подступали к самой воде дома деревни, так что ночью свет из окон стоял на воде пятнами, а под утро местность оглашалась громкими криками петухов. Среди крыш выделялась одна — удлинённая и красная крыша школы. Рыбаки временами поднимали головы и поглядывали в её сторону. В этом году они получили неполное среднее образование, закончили восьмой класс.

Рыбаки расположились на мостке, перебравшись на этот берег бродом, по перекаату. С утра они видели несколько поклевков, но исчез холодок, растаял речной туман, и наступило затишье жаркого безоблачного дня. Рыба клевать перестала.

В полдень солнце палило всю, ветки ив давали слабую тень, касались концами зеленоватой воды. Рыбаки уже разговаривали в полный голос и лениво перебрасывали удочки. Особенно горячился тот, что сидел справа, и чья загорелая спина была помускулистей торчащих лопаток соседа. Впрочем, они оба начинали кричать, забывая о пугливой рыбе.

— Я не понимаю тебя, Коль, — говорил тот, что сидел справа. — Зачем ты сказал Сашке о деньгах? Зачем ты вчера влез?

— Подленько получилось, вот и влез, — отвечал его сосед.

— Что подленько?! — возмутился Мишка. — Шуток не понимаешь? Шутка это была, не ты придумал, не ты делал. Увидел и сразу влез. — Он бросил взгляд на Колькин синяк, что серыми складками разместился у того под правым глазом. След вчерашнего вместиательства.

— Подлость это, затравили и потешаются, — произнес Колька. — Стой и изображай на лице, что ничего не происходит, мол, не меня. Так, что ли? Я, мол, ничего не знаю, я только что пришел. Когда стоял там, противно стало до омерзения. Противно, понимаешь? — Он посмотрел на Мишку. — Я для этого затравленного Сашки точно таким же «шутником» был, это я по его глазам видел.

— Мне, может, тоже противно было! — горячился Мишка. — Вытащил ты Сашку, а когда на нас с тобой навалились, где твой Сашка был?

Они замолчали. Колька поднял руку с удочкой вверх, поменял насадку. Закинул, поплавок плюхнулся в воду, выбив с ее поверхности каплю, в которую сразу вскочило вездесущее солнце. Мишка смотрел на друга и думал: что же заставляет его, Мишку, чуть не каждый день драться за него? «Слаб, слова резкого не ска-

жет, в компании за его рассуждения самому иногда стыдно бывает, — размышлял он. — К мопеда не знает, с какой стороны подойти, а я — к его книгам и философам».

В деревне Колька был «белой вороной». Как приехал с матерью полгода назад, так и ходил в синяках и ссадинах. Но Мишка чувствовал, что при всей его слабости есть в Кольке что-то, отсутствующее у других, за что стоило его уважать.

Колька всматривался в ослепительную рябь волн, требовалось напряженное внимание, чтобы различить среди блеска движения поплавок: где поклевка, а где волной накрыло.

— Есть будешь? — спросил Мишка и, услышав утвердительное «угу», поскакал по доскам к берегу, махая руками для равновесия. — Сыр и яблоки кончились, — комментировал он свои поиски в мешке. — Здорово мы утром погрызли! Остался хлеб и яйца. Во, еще карамель мать положила, вся слиплась. Хочешь? Лови!

Колька поймал конфету, поднялся, потянулся, болезненно ощущая свой позвоночник. Обертка поплыла от мостка, водовороты с белыми хвостами стали ее хватать. Колька гонял конфету языком и улыбался, жмурясь. Где-то в небе пролетел невидимый самолет, прочертив в синеве линию и наполнив все вокруг воем моторов. Оставленный им след медленно расплывался.

— О чем замечтался, мечтатель? — подтрунивал Мишка над другом, что стоял к нему спиной, высокий, тощий, с задранной вверх головой. — Полететь хошь?

— Не-е-а, — ответил тот, оборачиваясь. — Я читал где-то, что желание летать должно исходить только из желания летать. А то человек стремится сделать властелином Вселенной, чтобы ежедневно в булочную не бегать, чтоб другим, например, насолить, известным стать, чтоб охали, ахали, рты открывали, или просто чтобы шнурки на ботинках сами завязывались, когда ему нагибаться лень... Или бессмертным быть многим охота, чтоб совсем и хлеба не хотеть.

Мишка не слушал.

— Опять своих Аристотелей всяких читал, — сказал он, гримасничая на солнце. — Я, признаться, слабо понял...

— Проще некуда, — объяснил Колька еще раз. — Богом каждый хочет стать, насколько он это для себя понимает — извечная мечта всех, а подумать, зачем ему надо богом-то быть, забывает. Или ленится.

— А все-таки хорошо бы научиться летать! — перебил его Мишка, увлеченный пришедшей

на ум фантазией. — Полетел бы так над деревней! Ребята бы ахнули! — произнес он мечтательно, однако не забывая и про мешок.

— Да уж, научились, — заметил Колька. — И первым делом принялись бомбы сверху кидать. — Он посмотрел на друга, тот нарезал хлеб и счищал с яиц скорлупу.

— Мечтатель, можно есть! — скомандовал он с берега. Мишка отвинчивал крышку у фляги, в которой булькало, когда он дергал рукой. — Холодненький! — Он хотел было отхлебнуть, но Колька вдруг вскрикнул, вскочил и затанцевал на мостике.

— Че там расселся, балда! — завопил он радостно. — Смотри, что поймал!

Мишка, забыв про «холодненькое», подбежал и увидел у друга в руках что-то сияющее и очень похожее на раскаленный добела кусок железа.

— Что это? Руки не обжег?!

— Рыба! — ликовал Колька. В ладони у него действительно была зажата рыбка, небольшая, но ослепительная. В солнечных зайчиках вместо чешуи. Мишка смотрел на нее, мотая головой, словно уворачиваясь от огненных спиц. Ладони счастливого рыбака просвечивали розовым.

— Миш, ты способен поверить в золотую рыбку? — спросил он.

— А че? — с некоторой тревогой осведомился тот.

— Верить или нет? — не унимался Колька. — Ты меня слышишь?

— Да подожди, дай ее сюда. — Мишка яростно заскреб рыбку ногтями, золотая чешуя брызнула во все стороны, кожа под ней полыхала, как уголь, наливаясь холодным жаром.

— Ты что?! — заорал Колька, вне себя от злости. — Совсем обалдел?!

— Я же поверил, что она золотая, — оправдывался живодер. — В нашей реке такая рыба не водится, — заключил он немного погодя. — Такой рыбы не бывает! Но уж если и бывает... — Он осел под взглядом Кольки. — Что теперь с ней? — спросил Мишка жалко, он понял, что натворил лишнего.

— С ней? — переспросил Колька, устало опускаясь на доски мостка.

— Да, с золотой рыбкой.

— Золотым рыбкам сначала желания загадывают, а потом отпускают, — пояснил Колька. — Или наоборот: сначала отпускают, потом желания. Для нас сейчас все равно — мы ее ободрали.

— Коль, ты сам подумай, как ее отпускать, пока не различишь, что она золотая, ну и ободрал.

— Бросай ее в воду! — велел Колька.

— А вдруг окажется, что она не золотая, что тогда? — возразил Мишка. — Порода какая-нибудь новая — золотой пескарь или чебак?

— Я ее поймал, бросай! Из одной суп не сваришь. Бросай, говорю, в воду. Или в мешок.

— Голова! — Мишка ликовал. Он сбегал на берег, вытряхнул из полиэтиленового мешка остатки хлеба и набрал в него немного воды. — Запускаю! — Он наклонился, опуская руку с мешком за край мостка. — Создадим иллюзию свободы: в реке мешок не будет видно, — прошептал он Кольке.

Рыбка вильнула хвостом и уткнулась мордой в угол мешка, который сразу стал похож на кусок янтаря с плавающими там хлебными крошками. Стало тихо, волна с равномерными всплесками ударяла в доски.

— Ну? — спросил Мишка.

— Что ну? Желание загадывай, — прошептал Колька.

— Какое?

— Какое хочешь, для эксперимента, там еще два будут.

— Сейчас, поддержи, осторожней!

Они передали мешок под водой из рук в руки, Мишка поднялся с колен и выпрямился во весь рост.

— Ведро яблок! — крикнул он на всю реку, так что слышно было в деревне на противоположном берегу. — Ведро яблок! — повторил Мишка еще раз, и не успел его крик стихнуть, как по доскам мостка запрыгало что-то круглое и зеленое. словно сыпались на них градом... Яблоки! Так оно и есть! Спелые, крепкие, ударяясь о доски и друг о друга, падая в воду, яблоки летели на рыбаков с чуть заметным замедлением.

Колька и Мишка завертелись, словно ошпаренные, но руки не успевали схватить добычу, вертявые яблоки уплывали по течению, тем более, что рыбаки мешали друг другу, пыхтели и пихались локтями. Доски под их ногами ходили ходуном, удочки уплыли, банка с червями, глотнув воды, опустилась на дно.

— Ты видел?! Ты видел! — затрясся Мишка. — Выполнила! Ха-ха-ха! — Он посмотрел на пойманные яблоки, потом на те, что уплывали от них, пропадаая в солнечном блеске волн. — Раз, два, три, четыре... — считал он свои и Колькины. — Всего пять. Это вместо ведра-то, — проворчал он. — И удочки уплыли!

Колька молчал. Мишка обвел его взглядом. Что-то было не так, помимо удочек...

— Рыбу упустил! — выдохнул Мишка и округлил глаза. — Упустил?!

Колька, не говоря ни слова, развел руками.

— Золотую рыбку прошляпил! Во дурак! Во дурень-то! — Мишка побросал яблоки, как ненужный сор. — Сознайся, это ты нарочно сделал, философ? Да?! Такое раз в жизни бывает!

— Она же подтвердила, что золотая, — оправдывался Колька. — По всей логике надо было выпустить...

— По логике, по логике, а по башке? Упущ-

тил... Упустил золотую рыбку?! — сокрушался Мишка снова и снова. — Глаза бы мои тебя не видели после этого!

Вдруг он вскрикнул, закрыл ладонями лицо, пошатнулся и полетел в воду спиной вперед. Второе желание было произнесено, и золотая рыбка не замедлила его исполнить.

— Коля! Коль?! — закричал Мишка, вынырнув из воды, что доходила ему до плеч. — Отзовись! Темно, ничего не вижу, боюсь — ослепну! Чем это ты меня?!

— Дурак ты, это не я тебя, а золотая рыбка! Ты второе желание загадал, про глаза, помнишь?

Мишка замолчал. Темнота кружилась вокруг него со всех сторон, глубокая, журчащая, он чувствовал под ногами речной песок и боялся пошевелиться.

— Попроси, попроси... — начал всхлипывать он.

— погоди, Миш, — волновался Колька. — Я сейчас чего-нибудь соображу.

Оставалось еще одно желание, как в сказке. Или не одно... Кто его знает?

— Хочу... — голос Кольки дрогнул. Мишка ждал. — Хочу... — Он взял себя в руки и дальше продолжал более твердо: — Хочу быть таким... Я хочу стать ЧЕЛОВЕКОМ, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ!

И Колька перестал быть Колькой, золотая рыбка выполнила третье желание.

Он, кто раньше был Колькой, открыл глаза. Солнце слепило, но только Он зажмурился, как в следующий момент глаза привыкли, и без особых помех Он посмотрел в самый зенит. Бывший Колька с удивлением понял, что желания Его стали исполняться удивительно быстро. Самые незначительные и мелкие. И даже не желания, а оттенки желаний, и притом в десять, в сто раз быстрее, чем было нужно!

Это пугало. Что-то возникало в Нем, слабо, отголоском, и тут же исполнялось в преувеличенном, пугающе-огромном размере. Именно что-то, потому что Он не успевал оформить желания в словах, они выходили мутными образами, и Он видел желание уже после того, как оно вырывалось из подсознания уже реализованным, из плоти и крови. И Он удивлялся: неужели я этого желал?

Вода в реке забурлила, закрутила водоросли на дне. Сильно ткнулась в берег волна, с густым чмокающим звуком пены. Ивы споткнулись о берег, повалились к воде, и длинные ветви достали до Него. Напружинились и подкинули. Вмиг кусты сделались маленькими, вытянулись зелеными полосками по бокам реки, что стала голубой лентой. Мосток, где они рыбачили, растворился в ней. Внизу закружилась деревня, она медленно разворачивалась улицами домов-коробков, плетями дорог. Снизившись, Он увидел, как по блестящему на солн-

це перекату бежит, размахивая руками, прозревший Мишка.

Он потерял ощущение человеческого тела, оно затерялось среди тысяч других ощущений «себя», что продолжали нарождаться бесконечной чередой: подсознательно Он желал стать облаком, листком, эхом, горой, веткой, листопадом, ожившим кинофильмом... И все более диковинные части тела давали себя чувствовать. Голова Нового Кольки шла кругом.

Он стремился ввысь. Солнечный круг разбежался над головой, внизу исчезли квадраты и прямоугольники полей, деревня блеснула и пропала, словно брошенный в пропасть камень. Жару Он остановил и откинул куда-то в сторону, заставил разрастись под собой голубое прохладное пятно, оно кинулось Ему в тысячи лиц! Пошли вверх потоки пузырей, Он понял, что упал в озеро. Кругом стало тихо. Пришла в голову мысль сосредоточиться, осознать себя, охватить свое божественное Я границами, пришла, блеснула и пропала в потоке желаний, что требовали воплощения. Сейчас и немедленно!

Самые изощренные и безумные фантазии, так долго копившиеся взаперти жалкого человеческого тела, так долго изнуряемые его немощью и так долго вытесняемые из немощного сознания, теперь ринулись неудержимой толпой! К великой, божественной безграничности Его «Я»! Впереди — самые старые, заскорузлые, забытые и от того нетерпеливые, они хлынули рекой образов, что сметала стены, границы и запоры рассудка, изливались неудержимо, парализуя волю, парализуя сознание... И все это — не останавливаясь, не останавливаясь, все быстрее и быстрее!

«Кто Я?!» — кричал Он в редкие минуты просветления от ощущений.

«Кто Я?!» — взывал Он посреди своей безграничности.

«Кто Я?»

Сознание стремилось стать чем-то конкретным и как можно скорее, тем самым спасаясь от безумия.

«Кто Я такой? Человек? Бог? Живой я или мертвый?! Я — вечен? Я — бесконечен?» Невыразимой интенсивности боль терзала новорожденного человека-бога, рвала и мучила его — постоянно изменяющегося.

Но боль притупила ощущения, и в сумерках сознания Он сумел выделить наиболее приемлемые желания, другие же замедлились и канули во тьму. Он устал, и усталость, притупив все остальное, помогла Ему сосредоточиться на чем-то одном. Вместо тотального изменения Он получил изменение конкретное.

Наконец Он бежал, сильный и довольный, по лесной дороге, чувствуя Себя примерно с собаку. Он перемахнул поваленный грозой ствол сосны, пружинисто приземлился и помчался дальше, упиваясь скоростью и силой мускули-

АЭЛИТА

Рисунок Юлии МЕНЬШИКОВОЙ

стого, налитого тела. Деревья летели навстречу, дорога петляла, Он огибал лужи или перелетал их, отталкиваясь от земли лапами.

«Может, Я — лиса? — попробовало зацепиться измученное сознание. — Лиса, бегущая по лесной дороге?»

«Да, конечно, лиса, если у Меня нет...»

Только Он так подумал, возникло сильное искушение проверить, осуществить наихудший вариант, которого Он и боялся, который Ему и не подходил. Не подходил к определению лисы. «Да, конечно, Я — лиса, если у Меня нет...» — и на следующем повороте полная зубов пасть лисицы открылась, из нее вылезла рыба голова,

в свою очередь открыв костяные прозрачные губы.

Обычному человеку легко: грубо говоря, он не в состоянии стать стулом, потому что стул от него совершенно обособлен, как и мир в целом, что и придает границы человеческому «я». Обычный человек может с гордостью заявить, что он не стул, искушение его стать стулом будет бесплодно, но другое дело — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ.

«Неужели все боги? — спросил себя когда-то апостол Павел и ответил сам себе: — Все». Павлу об этом сказал Иисус, сомнений не было. Павел тогда ужаснулся перспективе: «Значит и

я — бог?!» — «Да». И от страха перед неведомым Павел испытал искушение провалиться под воду. Ступил и провалился. Не от безверия провалился, а от веры, наверняка знал, что Бог — и убежал в «человеки». Умный был рыбак.

Наш же рыбак попал впросак!

Рыба в лисьей пасти выпустила из своих губ морду лисицы поменьше, но такую же огненно-рыжую! Зубастые пасти и прозрачные губы продолжали открываться, рождая все новые головы и морды.

Ограниченный круг желаний разворачивался у него в голове: из смены рыб и лисиц возник огромный зеленый слон, большое тело на больших ногах. Чешется ужасно! Слон с треском вломился в гущу деревьев, в самый бурелом, с удовольствием взлетая до верхушек, обламывая ветки. Они падают, хрустят и чешут кожу. Он хотел отделить от своего «Я» деревья, но по искушению, дающему желанию особую силу, Он стал помимо слона и лесом и теперь вламывался через самого себя.

На царапинах и на ранах слона растет прохладный зеленый мох, чтобы остудить и уберечь. «Откуда это? — успеваешь подумать Он. — Болел ангиной, был в бреду зеленым слонем. Нет, Я не слон, не лес, Я — ощущение! Да, Я стану ощущением изгиба!»

Но лес упорно продолжал заявлять о себе как о части Его божественного организма. Он качался под ветром и шумел. Ненависть придала Ему силу и ясность: по деревьям тотчас побежали розовые уши и плотно приросли к коре, от корней до самых верхушек. Самые маленькие — со спичечную головку и самые большие — закрывшие поляны, но непременно розовые, они прислушивались, прислушивались, прислушивались, пока гром падающих солнечных лучей не разнес лес в щепки! Так сознание Его научилось вычищать само себя...

«Я — изгиб, нет, Я — всплеск. — И Его вдруг осенило! — Я — всплеск, в понятие всплеска можно включить очень многие образы — искушение становится бессильным!» Он стал тонкими руками, растущими от кромки тихой зеленоватой воды; от хлопков черных длинных пальцев над поверхностью озера разлетелся всплеск, отразился эхом от сонных берегов.

Образ всплеска маленький Коля придумал давным-давно, лежа зимой под одеялом. «Я нашел свое «Я», — было успокоился Он, но ощутил, что все прежние части тела — лисы, рыбы, розовые уши, зеленый слон и многие другие — продолжают существовать где-то в темных недрах Его бездонного тела.

Он решил изменяться помаленьку и, выбрав определенный образ, уничтожить все остальное, накопившееся, уничтожить противоположным желанием. Он не мог остановиться. «Кто Я? Кто Я? Кто Я?» — билось сердечко...

Он продолжал искать приемлемый образ,

писать гуашью на воде: в тот момент, когда слово было написано, первые его буквы расплывались...

Не зная, кто ты на самом деле, невозможно остановиться на чем-либо. К Нему возвращалась прежняя острота ощущений, сознание смяли и затуманили новые волны желаний. Из тьмы, из небытия возвращались воплотившиеся к тому времени звери, леса, озера, листопады, времена года, они прыгали, мчались, хватили друг друга, кусались, падали, летели, сыпались, проливались, парили, бушевали. Бесконечное тело отходило от наркоза усталости. И все это ярко, немислимо, незабываемо!

Он ощутил новую часть себя — повисло небо. Это было непередаваемо прекрасно. Он еще никогда не был небом, не испытывал легкость бесконечных облаков, скрытого чувства надлома, что изливалось в каскадах света, не чувствовал той небесной чистоты и утонченной синевы, по сравнению с которой кружева бы обратились в чугунные кольца.

Легла земля. И землей Он никогда не был. Цветущей заново, проснувшейся под талым снегом, со свежими соками новой весны. Но вот небо и земля притихли, ожидая дождя из пуль. Пространство поделилось на миллионы клеток, в каждое перекрестье войдет пуля, они уже в пути. Сверхпрочные стальные корпуса. Металлический дождь.

«Война!» — узнал Он свою фантазию. Бабушка рассказывала, что во время войны пули барабанили по стенам, словно дождь. Бабушка... Бабушка? Он хотел было отделить ее от Себя, но вышло наоборот — она вошла в Него, Он вобрал ее в Себя как очередную часть! Это было выше Его сил!

С трудом Он сосредоточился на той Своей части, что была скалой, одиноко стоящей посреди моря. Он лежал в океане Себя собственной гранитной глыбой и приобретал ясность Себя, хотя ясность и была Он, часть Его, затерявшаяся где-то... Он летал вокруг Себя в виде чаек, и дул в Себя Самом ветрами. Он был ВСЕ, и вне Его ничего не было. Он вырос до границ мира, до границ Вселенной, до границ Космоса... Неимоверным усилием Он вернулся к одинокой скале и понял, что быть ВСЕМ — это значит быть абсолютно одиноким. Он один — и все, о чем думал, думает и будет думать Его мозг, рано или поздно станет Его телом. Это неизбежная плата за божественный абсолют, это вселенское проклятие: бесконечно искать, бесконечно расширяться, как и всякая вселенная и все мироздание в целом, возникшее путем взрыва из одной точки пространства.

«Но если Я — ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ, почему я не могу узнать, кто Я?»

— Тот, кто знает, кто Я, появись! — скомандовал Он.

Стайка чаек села на воду, и на волнах зако-

лыхались живые буквы: «Ты ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ».

— По-другому! — потребовал Он.

Из океанских глубин поднялся остров, и на нем заблестели водоросли: «Ты ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ».

— Подробней.

Живые буквы из чаек расплылись, каждая поплыла в свою сторону.

— Кто такая золотая рыбка? — спросил Он неожиданно для Себя.

Поднялся среди волн второй остров. «РЫБКА, КОТОРАЯ МОЖЕТ ВСЕ», — сказали водоросли со дна океана.

Тут Он понял, что не может стать золотой рыбкой, не в состоянии вобрать Ее в Себя, сделать частью Себя. Она была чем-то отличным от Него, чем-то посторонним, внешним, неподвластным. Какое это было счастье! Он был не одинок!

— Так ты, ты... — лепетал Он сквозь необозримые пространства Себя к тому дальнему чужому космосу. К последнему огоньку надежды. Ему так много надо было Ей сказать. Он, бывший когда-то Колькой, брякнув с мостка свое третье желание, совсем не хотел становиться властелином Вселенной, он просто хотел выторговать еще несколько желаний. Хотел, чтобы у него ОБЫЧНОГО осталось еще хоть одно желание, помимо глаз Мишки. Какой он был дурак: желание летать должно исходить только из желания летать! А чего желал он? Новый велосипед, и чтобы мать не болела, соседская девочка смотрела ласковей, стихи писать...

— Да, это Я, — ответила в свою очередь золотая рыбка. — Ты не знал, что есть такой мир. Мир титанов. Где ЧЕЛОВЕК, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ, сидит у ОКЕАНА, КОТОРЫЙ МОЖЕТ ВСЕ, и ждет РЫБКУ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ВСЕ, под НЕБЕСАМИ, КОТОРЫЕ МОГУТ ВСЕ...

— Хватит! — прервал Ее Он.

Ах, как Ему хотелось попасть обратно в человеческое тело Кольки! Свои ноги и руки, боль в спине, затылок, который печет солнце. Сгоревшие плечи, купание в реке, чувство голода, дом, семья, учеба, магазин «Продукты» при дороге, друзья, планы на будущее, человеческие планы — все это были какие-то непостижимые, лучезарные, божественные вещи! Такими, по крайней мере, они казались Ему сейчас, когда Он разговаривал с золотой рыбкой. Какая отчетливость, предсказуемость, светлая простота, завершенность и радостная нищета форм! Определенность, ясность, отсутствие бессмертия и других невыносимых для сознания вещей. Прозаические ноги в ботинках. В ботинках, которые жмут!

— Выполни мое последнее желание! — взмолился бывший Колька к Ней. — Сделай меня прежним.

— Хорошо, — отвечала Она. — Я сделаю

тебя ЧЕЛОВЕКОМ, простым человеком, ты ведь отпустил меня. Ты, как и большинство людей, не в состоянии с этим справиться. Ваши желания противоречивы, они угнетают вас, вы враги сами себе. Люди не могут отказаться от возможности желать, это было бы равносильно отказу от всех желаний сразу, а значит и от желания жить. Слушай же меня, мальчик Коля, глупый и неосмотрительный. Люди... Каждый из вас, желая быть человеком, неизменно поддается искушению быть Богом. Искушение это было сильнее тебя, в результате не получается ни хорошего человека, ни порядочного Бога. Лишь плаксивый, потерявшийся в Самом Себе Бог или посредственный, гордый, проклинаящий свой удел человек. В тебе слишком много всего и слишком мало ума и воли, ты не первый и не последний, кто не вошел в МИР ТИТАНОВ.

— Препжим... — шептал Он. — Что Тебе стоит?

И Она выполнила последнее желание Его.

— Я Колька! Я Колька!! Я Колька!!! — закричал он радостно и пустился со всех ног к деревне. Смеркалось, дорога пылила, а он летел домой, не чувствуя усталости. Мимо магазинов «Молоко» и «Хлеб», мимо заборов и домов, остановки автобуса.

Легко, светло было на душе! Хорошо! До чего чудесно... Две руки, две ноги, голова. Не могу летать, не могу перевоплощаться, не могу сделать из солнца тарелку для супа. Свобода!

Зина, соседка Мишки, первая услышала радостные вопли Кольки, из любопытства вышла за калитку и подозрительно посмотрела на сияющее лицо мальчишки.

— Баба Зин, я — человек! — гордо заявил он, и ноги унесли его дальше по улице, прежде чем «Бабазин» нашелся что-либо ответить. Колька был без удочки и в одних плавках.

— Где ты пропал? Мишка давно дома сидит, — спросила его мать с порога. Она ласково взяла его за плечи, а он не отстранился, не выкрутился, как обычно, а посмотрел на нее, в ее близкие глаза. Лучистые, большие, красивые.

Вечером была усталость, поздний ужин и постель. Обычные мысли перед сном. Он уже почти все забыл про Себя прежнего: не верилось как-то... Он лежал на высокой подушке и рассматривал свою загоревшую руку, на белой простыне она была рукой негра. Над рекой разлился и погас багрово-красный закат, окрасил избы и деревья призрачным холодным огнем.

Над подоконником, в углу потемневшего окна засветилась звезда. На стенах лежали прямоугольники ночного света, приходившие в движение от фар проехавшей рядом с домом машины. Колька натянул одеяло на подбородок и провалился в сон.

«Человек! — еще раз с восторгом почувствовал мальчик и счастливо улыбнулся. — Человек...»

Ведущий рубрики Игорь ХАЛЫМБАДЖА

ВЕСТИ ФЭНДОМА

ПЕРМЬ

С конца 70-х годов Пермь является одним из наиболее приметных центров отечественного Фэндома. Здесь активно функционировали КЛФ «Рифей» (с 1978 года) при библиотеке им.Пушкина, «Массаракиш!» при политехническом институте, «Большая медведица» в школе № 1, «Хиус» и другие. Выходили методические брошюры, странички фантастики в газетах «Молодая гвардия», «Мотовилихинский рабочий», «Ленинец» (политех), «Большая Кама», «МТС» и в других. Жизнь била ключом. Именно в Перми в 1981 году была организована одна из первых встреч представителей КЛФ страны, носившая ярко выраженный методический характер, позволившая обменяться опытом фэнэма из различных регионов СССР.

В пермских КЛФ вырос заметный отряд писателей-фантастов: М.Шаламов, Е.Филенко, В.Запольских, А.Лукашин, Ю.Симонов, В.Букур, С.Щеглов, А.Дворник и другие. В Перми, раньше, чем в других городах обновленной России, стали появляться любопытные фантастические книги, чему способствовало образование таких издательств, как «Янус», «Алатейя». Да и государственное Пермское книжное издательство предприняло ряд интересных проектов, в том числе издание наиболее полного собрания сочинений А.Р.Беляева, два выпуска всеуральского альманаха «Поиск», книги У. ле Гуин, Ж.Рони, местных фантастов...

А затем спад... Издательства закрылись. Фантастические

страницы в газетах вытеснила политическая макулатура. В КЛФ прошла смена поколений, и они... исчезли. Но вот наступил 1996 год. И вновь в Перми возник КЛФ — «Солярис».

«Солярис» образовался в сентябре 1996 года при библиотеке им.Пушкина. Сначала в него входили несколько журналистов, да сменялись случайные люди. Но уже после третьего заседания сформировалось ядро молодого клуба.

Летом выходили в лес, проводили встречи у костра, на природе. В остальном формы работы были традиционные: обсуждение прочитанного, изучение творчества фантастов, просмотр видеофильмов и т.п. Шумно отпраздновали первую годовщину клуба, разыграв путешествие по Вселенной Литературной Фантастики — экскурсия по Солнечной системе, выход в Дальний Космос, нападение имперских крейсеров из «Звездных войн», опознание преступников, затаившихся среди пассажиров звездолета...

Коллективно сочиняют члены «Соляриса» цикл рассказов о работе Солярисе, изображенном на эмблеме клуба.

На «Аэлиту»-98 «соляриэне» привезли первый выпуск своего клубного журнала «Задворки Вселенной». 40-страничный журнальчик, отпечатанный на лазерном принтере в количестве 50 экземпляров, сделан любовно и даже мастерски. Редактор — Н.Маркелова, художники К.Кунщиков и Н.Каравэева. Содержит он устав КЛФ, хронику клубной жизни, рассказы о похождениях робота Соляриса Н.Каравэевой, М.Лукашиной, О.Смирновой,

вой, статьи о телевизионном фантастическом сериале «Вавилон-5», о ненаписанном романе Ф.К.Дика, о фильме «Бегущий по лезвию бритвы», о японской кинофантастике, собственный сценарий «Секретных материалов», написанный О.Смирновой, Н.Маркеловой, Н.Ткачевой и К.Кунщиковым, статью «Несколько слов о биологии драконов в романах Э.Маккеффри» и др., а в заключение — некоторые юбилейные даты. Оч-чень приличный журнальчик!

Вышел в Перми и второй номер выпускаемого усилиями писателя В.Запольских журнала «Лавка фантастики» (о его старте «Следопыт» уже сообщал).

И наконец — о неожиданной, но от того более приятной перспективе. Задумали «соляриэне» провести в Перми в июле 1999 года свой фестиваль фантастики. Совсем-совсем как в Екатеринбурге, этакую мини-«Аэлиту». С вручением двух собственных призов - от журнала «Лавка фантастики» и от КЛФ «Солярис» — за лучший российский фэнзин. С семинарами — фантастиковедения, кинофантастики, фэн-прессы, ролевых игр и др. С карнавалом и ролевой игрошкой. Уже достигнуты договоренности о помещениях, уже заказаны призы... Так что вполне реально возникновение новой конвенции на Урале. После кончины орского «Фант-Урала» мы надеемся, что эта сестра «Аэлиты» окажется более живучей и позволит возродить совсем было заглохшие КЛФ в Березниках, Кудымкаре, Чайковском, Чусовском, Чернушке и других городах пермского Приуралья.

ВЛАДИКАВКАЗ

Вернувшись с «Аэлиты»-98, С.Алагаты стал инициатором создания в столице Алании первого в республике КЛФ — «Нарт». Клуб завязал творческие связи с редакцией местного литературно-художественного журнала «Дарьял», с местными газетами, екатеринбургским «Новым Пифом». В «Нарт» вошла группа молодых способных авторов фантастики, активно сотрудничающих с местной печатью.

КУРГАН

Возобновил работу курганский КЛФ «Ковчег» при областной библиотеке им.Маяковского (теперь к его названию добавились географические координаты города). Омолодился состав клуба, во главе его стал В.Архангельский.

КИЕВ

Вышел в свет первый номер журнала фантастики «Империя». Тираж 3000 экз. Главный редактор — Борис Сидюк. Среди авторов — киевские и петербургские литераторы.

С декабря 1997 года работает в Киеве мастерская фантастики «Третья сила» при журнале «Радуга». Руководят ею Марина и

Сергей Дяченко. В художественный совет входят писатель Б.Штерн и главный редактор «Радуги» Ю.Ковальский. Среди членов мастерской — Д.Король, Е.Каленик, В.Лишанская, А.Мась, М.Назаренко и другие. (OldNews, 16.04.98)

ХАРЬКОВ

В КЛФ «Контакт» при Харьковском университете состоялся творческий вечер фантастов Марины и Сергея Дяченко. Вел встречу председатель КЛФ, доцент университета Н.Макаровский. (OldNews, 16.04.98)

ВОЛГОГРАД

КЛФ «Офир» (ранее называвшийся «Таймфак») наладил творческое сотрудничество с прозаиками и журналами фантастики многих стран мира — Канады, Италии, Франции и др. Члены клуба переводят произведения из этих зарубежных изданий и предлагают отечественным журналам и газетам. В порядке обмена произведения «офирцев» и друзей клуба переводятся на языки иностранных дружественных изданий и публикуются за рубежом. (Г.Джагинов, КЛФ «Офир»)

ЕКАТЕРИНБУРГ

Возрожденное на «Аэлите»-98 Содружество библиографов НФ решило издавать свой фэнзин «Академия Ф» и в качестве приложения к нему — ньюслеттер «Буквоедь».

Вот уже 17 лет собирается на свои заседания КЛФ «Радиант». Сначала в приветливом Доме культуры автомобилистов (здание его ныне возвращено церкви), потом в редакции «Следопыта», а сейчас — в библиотеке «Милосердие». Около 360 заседаний клуба — это встречи с писателями-фантастами, литературоведами, режиссерами, библиографами, журналистами; это выставки фантастических рисунков и картин, это демонстрация редких книг, это диспуты и лекции, обзоры новинок, рассказы об участии в зарубежных и иногородних отечественных конках, это КВН и многое, многое другое. Из литобъединения «Радианта» за 15 его лет выросли несколько нынешних членов Союза писателей. Сегодня «Радиант» является структурным подразделением Российского общественно-го фонда «Аэлита», ведь его члены всегда активно способствовали проведению этого первого в СССР праздника фантастики.

КРИПТОГРАММА

по повести Александра Беляева «Золотая гора»

Разгадав ключевые слова и подставив вместо цифр буквы, вы прочтете высказывание журналиста-диверсанта Клэйтона:

18-2-9-27-4-9-6 14-1-8-6-2-8-1-21 18-2-9-27-4-9-14-13. 4 1-10-7-21-9-10-4 1 5-15-14-16-4-15-10-6-3-4 9-2 3-14-26-23-8, 9-2 17-14-7-18-9-20 25-6-3-2-9-21-8-11 19 2-2 1-2-15-17-22-2 18-4-19-14-26-14 24-2-7-14-19-2-10-6, 18-4-19-14-13 7-28-16-19-4.

Ключевые слова: 1-2-3-4-5-6-7-6-8-4-9-1-10 - город, в котором родился Микулин; 9-11-12-13-14-15-10 - город, в котором работал в газете Клэйтон; 10-14-16-17-14 - место жительства Додда на Алтае; 17-18-2-8-8-9 - черный пудель Клэйтона; 19-20-5-11 - птица, которая кричит в полночь; 21-10-14-19 - имя отца Ефима Грачова; 9-2-3-2-22 - национальность Клэйтона, по мнению Егоровны; 10-6-23-24-23-10 - то, что мог сделать Микулин при помощи катодных трубок высокого напряжения; 6-7-3-6-25 - то, из чего, по словам Додда, Микулин мог сделать пасту для зубов; 3-14-26-23-27-2-1-8-19-14 - то, чем был страшен Микулин; 10-7-28-24-9-4-22-6 - одна из должностей Егоровны.

Составил С.КАЗАНЦЕВ

Продолжение. Начало на странице 11

«Наверно, красивый был раньше город». Вверху большой лестницы, на площадке с рухнувшей колоннадой его остановил патруль.

— Это что за ранняя пташка? Небось, спешишь со свидания? Где ты отыскивал девиц?

— Да рано ему еще с девицами! Небось, шарил по домам.

— Я не шарил, я заблудился! Я барабанщик Второго Колониального полка! Был на бастионе «Каменный лев», а сейчас иду в казарму!

— Ишь ты, барабанщик! С медалью. Видать, герой... Однако, общите героя на всякий случай...

А в кармане — бумажка с чужими буквами, с адресом враждебной страны. И ключ! Он его сунул в карман, когда запер замок, и выбросить забыл...

8.

Разобрались быстро. Мальчик поотпирался и перестал. Куда деваться-то, раз улики налицо! Он очень устал и уже не боялся.

Его почти не ругали. Незнакомые офицеры во время допроса хмуро переглядывались и пожимали плечами. А один седой майор со сдержанной жалостью сказал:

— Ох и дурак ты, братец...

Но мальчик знал, что он не дурак. Он сделал все как надо.

Его отвели опять на «Каменного льва» и заперли там, откуда бежали пленные. На тот же замок, тем же ключом.

Скоро случившееся стало известно командующему.

Прибыл лейтенант Бордо с письмом. Вошел в каземат вместе с командиром караула.

— Встаньте, барабанщик.

Мальчик поднялся с соломы.

Лейтенант Бордо официальным голосом прочитал приказ. В нем сообщалось, что завтра после восхода солнца барабанщик Второго Колониального полка Даниэль Дегар будет расстрелян на парашюте бастиона. Вместо заложников, которых он столь вероломно и предательски освободил ночью. Казнь

произойдет так, чтобы всю процедуру видела противная сторона.

Мальчик стремительно мертвел. Не двигался.

— У вас есть лишь одна слабая надежда, — сообщил Бордо. — Возможно, вас помилют, если приговоренных к расстрелу пленников удастся вернуть.

Несмотря на ледяной ужас, мальчик нашел силы для улыбки: «Попробуйте, верните». Бордо понял его. Сказал значительно:

— Командующий принял особые меры.

Затем офицеры вышли. Дверь ухнула, лязгнула — и опять полумрак.

Мальчик постоял полминуты и упал в соломку лицом.

Какие меры принял маршал, барабанщик, разумеется, не знал. А тот поступил, по мнению многих, весьма подло. Вновь направила парламентом барона де Люсса, который сообщил командующему вражеской армией следующее:

— Князь! Десять пленников, приговоренных к расстрелу, малодушно бежали, воспользовавшись помощью подкупленного ими мальчишки-барабанщика. Это накладывает пятно на всю вашу армию.

— Простите меня, старика, барон, вы несете вздор! Право на побег существует у всех пленных. Особенно же у тех, кого, вместо обещанного им обмена, обрекли смертной участи. А что касается барабанщика, то, как мне известно, мальчик помог несчастным из сострадания и благородства души.

— К сожалению, благородство души не спасет его от расстрела, если к тому времени беглецы не отдадут себя вновь в наши руки...

— С какой стати, майор? Это бред!.. К тому же, среди них тоже есть мальчик. Что за безбожный выбор вы предлагаете!

— Не я, ваше сиятельство, а маршал.

— Я не верю, что маршал решится запятнать себя кровью ребенка!

— Этот ребенок — солдат и подчиняется законам военного времени. А маршал никогда не меняет своих решений. Казнь неизбежна.

— Если... т а к о е случится, — глухо сказал князь, — я отвечу на это мощью всей

своей артиллерии. Восемьсот девяносто орудий в течение суток будут превращать ваши позиции в щебень. Я прикажу потратить месячный запас боеприпасов, и сам государь не осудит меня за такой расход...

— Ваше сиятельство! Поскольку вы отказываетесь сообщить о требовании маршала беглецам, я считаю долгом самому сделать это. И если в них есть хоть капля благородства...

— Есть, есть. И они бы вернулись, конечно, если бы узнали про такое иезуитство... Однако, барон, изъявив намерение снестись с бывшими пленными через мою голову, вы превысили полномочия парламентаря. Это дает мне основание задержать вас... вплоть до завершения всей ситуации... Лейтенант Жильцов! Примите у майора де Люсса саблю и проводите его на офицерскую гауптвахту. Проследите, чтобы барон ни в чем не имел нужды, но не имел бы также никаких сношений с кем-либо из офицеров и солдат...

В небе проступило предощущение утра. Казалось бы, звезды светили по-прежнему, но в блеске их появилась неуверенность. А в черноте неба — чуть заметная белесость. Кузнечики смолкли.

Мальчик ушел в башню, лег на солому и заснул.

Ему приснилась мама.

Вот странно, он почти не помнил ее и наяву думал о ней очень редко. А тут мама подошла, нагнулась, тронула волосы, и повеяло от нее такой нежностью, хоть плачь. Мальчик сел. Но мама уже уходила во тьму, а рядом оказался капрал Бовэ. И стало светло. И мальчик увидел, что глаза у дядюшки Жака светлокарие. Дядюшка щурил эти глаза, неуверенно отводил их от мальчика и говорил:

— Да ты не бойся. Самое поганое — это секунда, когда в тебя стреляют, а дальше уже не страшно.

Мальчик хотел соврать, что он и не боится, но опять сделалась ночь, и дядюшка Жак стал уходить в эту ночь. Мальчик кинулся было за ним, но тьма вдруг заискрилась частыми звездами (как недавнее небо!). И мальчик понял, что это не просто ночь, а громадный шелковый шлейф с блестками.

Шлейф тянется за платьем Катрин, которая играет Добрую Королеву. Не мог же мальчик упустить, бросить этот шлейф. Ведь он — королевский паж!

Мальчик хотел ухватить черный шелк. Если успеет, если схватит — все станет хорошо! Он уйдет в сказку, и нынешняя страшная жизнь будет над ним уже не властна!.. Однако невесомая чернота со звездами скользнула между пальцев, как воздух...

9.

Когда в бойницах засветилось утро, мальчика разбудили. Он сразу все вспомнил. Над ним стояли незнакомые сержант и солдат.

Солдат протянул читую белую рубашку.

— Вот... надень. Так положено.

Полотно пахло свежестью.

Поверх рубашки мальчик хотел опять надеть свою синюю куртку с измызганными галунами, но сержант сказал:

— Не надо...

«Это чтобы меня лучше видели с той стороны», — догадался мальчик. Потом подумал: «Наверно, и Витька увидит...» И от этого появилась сладкая горечь.

— А медаль можешь прицепить. На рубашку, — сказал сержант. — Медали тебя не лишали.

Мальчик оторвал медаль от куртки и бросил в амбразуру. Медный кружок с трехцветной ленточкой и вензелем его императорского величества...

Было время, когда барабанщик Даниэль Дегар верил, что готов умереть за императора.

А теперь за кого он будет умирать? За Витьку. И за тех пленников, которым помог бежать... Ну, их-то мальчик почти не знал, а вот Витька... что же, это не какой-то незнакомый, чудовищно далекий император. Витька — он живой, настоящий, добрый. За него — стбит... Пусть он поживет на свете за себя и за Даниэля, пусть поплавает по морям, посмотрит на белый свет...

Теплая горечь нарастала в груди мальчика, намокли ресницы.

Вошел высокий длиннолицый священник (мальчик встречал его зимой в городке Тростевиле). Глядя мимо мальчика, священник сказал:

— Помолись, сын мой.

Мальчик ответил шепотом:

— Я ночью три раза прочитал «Патер ностер». Чего еще.

Священник положил ему на голову легкую ладонь, подержал немного.

— Тогда идем, сын мой... Господь милостив и дает нам надеяться до последнего мига...

Когда вышли, в мальчика весело ударило встающее солнце. Оно подымалось над развалинами, малиново-золотистое.

«Какое чистое», — подумал мальчик. Весь год солнце светило сквозь дым, но теперь дым развеялся, и мальчик впервые видел ясный восход.

Мальчика взяли за локти и заставили встать на высокий парапет. Далеко внизу было море — зеленая глубина под каменным отвесом. Погода стояла тихая, но все же у камней вода лениво ворочала космы бурых водорослей, ходила туда-сюда... А за бухтой был желтый берег со сплошной линией укреплений. Пустынный. Выжидательный притихший.

Все это мальчик видел недолго, его заставили повернуться — лицом к внутренней площадке бастиона.

Уж какие люди собрались здесь ради мальчишки! Сам маршал Тюлюппэ не поленился встать рано, пожаловал с адъютантами...

Двенадцать солдат морского десанта выстроились с ружьями недалеко от парапета. «Ну, правильно. Знакомых на это дело не поставят... Вот странно, я почему-то почти не боюсь...»

Один из адъютантов развернул очень белый лист и стал громко читать. Громко и... неслышно. Между ним и мальчиком как бы выросла прозрачная стенка и слова отскакивали от нее.

Потом адъютант что-то сказал караульному офицеру. Прозрачная стенка исчезла. Офицер с черной бородкой — тот, что вчера дал мальчику хлеб и помидор — отчетливо ответил адъютанту:

— Это не входит в мои обязанности, капитан!

— Под арест! — не то пролаял, не то прокашлял командующий императорской армией.

Офицер пожал плечами. Отцепил саблю, отдал адъютанту и пошел с каменной площадки.

Командир Второго Колониального полка (мальчик его почти не знал, тот появился недавно, вместо прежнего, раненного) официально шагнул к Тюлюппэ.

— Господин маршал, мы ждали от вас иного. Неужели вам чуждо всякое сострадание?

— Вы забываетесь, полковник!

— Прикажете и мне под арест?

— Если вы откажетесь командовать солдатами.

— В данном случае — безусловно. И надеюсь, что эта история скоро станет известна императору! — Полковник тоже отдал саблю адъютанту. И ушел вслед за командиром караула.

Мальчик наблюдал за происходящим со спокойным любопытством. Будто он — это не он. Будто во сне...

— Лейтенант! — пролаял Тюлюппэ.

— Я, мой маршал! — Лейтенант Бордо звякнул шпорами.

— Я поручаю эту миссию вам... капитан! И поторопитесь! Пора кончать! Не армия, а балаган!

Бордо встал у края шеренги.

— Солдаты! На-а прицел!

«Кажется, ведь должны завязать глаза? Черта с два! Не дам!»

Но про повязку, видимо, забыли.

Ружья поднялись. Медленно, вразнобой. Потом правофланговый усач нагнулся и положил ружье.

— Виноват, мой маршал. Я солдат, мой маршал, я не умею стрелять в ребятишек. Лучше уж прикажите встать рядом с ним...

«Вот это да», — подумал мальчик. И будто проснулся. В нем стремительно вырастала надежда.

Остальные солдаты тоже сложили перед собой ружья — как дрова.

— Вы все будете расстреляны по решению военного суда! За неповиновение и бунт!.. Кру-гом! На гауптвахту шагом марш! — В голосе Тюлюппэ прорезались петушиные ноты.

Солдаты повернулись — кто через левое, кто через правое плечо. И шеренга, ломаясь, ушла с площадки (гравий хрустел под

сапогами). В спинах солдат был не страх, а облегчение.

— Лей... капитан! Вы мне кажетесь здесь единственным офицером, знакомым с воинской дисциплиной! — Тюлюпэ, видимо, забыл про притихших адъютантов. — Капитан! Я приказываю вам самому довести дело до конца!

Бордо повел плечами. Встал свободно, даже развязно. Провел языком по ярким губам. Откинул полу синей шинели, достал из глубокого внутреннего кармана длинный пистолет. «Почти как мой», — тоскливо подумал мальчик.

Стало тихо-тихо. Все знали, что Бордо отличный стрелок. В тишине он сказал с нарочитым зевком:

— Жаль. Такой красивый мальчик...

Глаза у него были, словно в них капнули оливкового масла.

Бордо заложил левую руку за спину, а правую начал поднимать на уровень плеча.

Впереди масляных глаз мальчик увидел пистолетный зрачок.

Пропуская над собой хлесткий выстрел, мальчик отчаянно выгнулся назад, толкнулся подошвами. Ахнула пустота, завертелся, засвистел мир. Зеленая, завитая в спирали вода понеслась навстречу. Сквозь ее неровную толщу видны были размытые пятна медуз.

Удар о воду оглушил мальчика. Но только на миг. Инерция тянула его ко дну, в тугую зеленую толщу. Потом нестерпимую плотность моря встряхнул, изломал на глыбы чудовищный удар. И мальчик понял в последний миг: это мстительно грянули на дальнем берегу все батареи.

«Господи, зачем?..»

Конец этого рассказа неясен.

Что стало с Витькой, с мичманом Астаховым, неизвестно. Возможно, что после войны он и в самом деле отправился в кругосветное плавание. А потом служил на кораблях нового, уже броненосного флота и, возможно, достиг высоких чинов.

Среди редких уцелевших жителей разгромленного города ходил слух, что одноногий яличник дед Матвей в одном из бере-

говых, заливаемых волнами гротов нашел тело длинноволосого мальчишки. Хотел уже, помолвившись, схоронить на берегу, но хлопчик вдруг зашевелился, что-то сказал не по-нашему. Вроде бы, дед выходил найденыша, только почему-то прятал от людей. Вскоре, однако, старик помер, а мальчонку так никто и не видел. Правда это или нет — разве узнаешь? В те времена, в последние дни осады, а затем — в смутные дни перемирия, случалось всякое...

Суд над солдатами, кажется, не состоялся.

Маршал был обласкан императором за славную победу. Но историю на бастионе «Каменный лев» многие офицеры ему не забыли. Как не забыли и прозвище — Тюлюпэ.

Новоиспеченный капитан Бордо за день до перемирия был убит штуцерной пулей, прилетевшей с Правого берега.

В семидесятых годах девятнадцатого века среди европейских репортеров-путешественников был известен фотограф Даниэль Дегар, автор многих снимков, сделанных в африканской саванне и на берегах Амазонки. Впрочем, сомнительно, что это тот самый Даниэль. А если тот, значит, он все-таки преодолел морскую болезнь. Ведь в Африку и Южную Америку на воздушном шаре было не долететь. По крайней мере, в те времена. Только Жюль Верн, на радость мальчишкам, сочинил про это фантастический роман...

И в любом случае Даниэль Дегар и Виктор Астахов едва ли что-то знали друг о друге. Ведь бумажку с адресом у барабанщика отобрали при допросе...

Но конец неясен даже не из-за этой неизвестности. Грустно другое. Маленький барабанщик Второго Колониального полка никогда не узнал ответа на свой вопрос: «Зачем мир устроен так, что люди все время убивают друг друга?» И не узнал бы, доживи он хотя бы и до нынешних времен.

Потому что и в наши дни ответа нет.

II. ГАЗЕТЧИК

1.

Оська с разбега пересек пустой солнечный двор. Запрокинул голову. Поймал на затылке чуть не слетевшую бейсболку.

— Чудовище! Эй, Чудовище!

Двор обступали квадратом старые двухэтажные дома. С длинными балконами. На балконах неподвижно висело белье. Был конец мая, но стояла уже не весенняя, а густая летняя жара. В щелях ракушечных плит синел цикорий. У высохшего колодца утомленно доцветал кривой каштан-пенсционер. В этот полуденный, разморенный солнцем час на дворе должна была стоять сонная тишина. А тут — нате вам:

— Чудовище! Анаконда! Ну, где ты?!

Из-за стеклянной звякнувшей двери возникла Анка. С закутанной в полотенце головой (наверно, снова красила волосы).

— Осище, ты опять дразнишься! Я скажу маме!..

— Держи! — Оська метнул вверх увесистый школьный рюкзачок (кепка при этом все-таки упала). Анке куда деваться-то — поймала «посылку».

— Осина ненормальная! Я все равно скажу ма...

— Скажи, что я в редакцию, а потом в порт! — Он подхватил бейсболку и замелькал навечно загорелыми икрами и локтями.

— Стой! Почему ты не в школе?! У вас же контрольная! Я скажу ма...

— Отменили! — донеслось из-под арки вместе с убегающим щелканьем сандалий.

Контрольную и правда отменили. Только не для всех, а для Оськи.

Когда на доске были написаны оба варианта с примерами и задачами, математичка Роза-Угроза вдруг скандально заявила:

— Чалка! Еще решать не начали, а ты уже пытаешься списать у соседа!

Чалка — это Оськина фамилия.

— Чего я пытаюсь списать! У него же другой вариант!

— Значит, пялишь глаза через проход в тетрадку Юхновской!

— Чего пялить, если у нее еще ни цифры не написано! — возмутился Оська. Хотя

возмущаться, когда говоришь с Розой-Угрозой — себе дорожке.

— Еще и хамишь! Встань сейчас же!

«Наверно, с утра полаялась с мужем», — подумал Оська. И, видимо, эта мысль прочиталась у него на лице.

— Ты что-то умничать стал последнее время...

Оську опять дернуло за язык:

— А вам только дураки нравятся, да?..

— Что-о?.. А гуляй-ка ты, друг любезный, из класса. Отправляйся к завучу и скажи, что я сняла тебя с контрольной за подглядывание в чужие тетради. А я постараюсь, чтобы эту контрольную ты писал осенью!

«Ага, в другом пространстве», — буркнул под нос Оська. И, уходя, довольно крепко закрыл за собой дверь.

Но в коридоре он сразу остыл. Обида еще булькала в нем, но уже не злостью, а слезами. Не хватало ему переэкзаменовки! И главное — за что?!

«Вот пойду к Ховрину и расскажу про все! Пусть напишет статью про издевательства над учениками! Или сам напишу...»

Но сначала надо было идти к школьному начальству.

К завучу Оська не пошел. Не сумасшедший же! Еще не было случая, чтобы Муза Георгиевна (старшеклассники прозвали ее Медузой Горгоновной) защитила пятиклассника перед учителем. Оська зашагал к кабинету директора (и по пути старался распалить себя снова, хоть немного).

Повезло: строгой секретарши в приемной не было, а директор был на месте. Но... там же сидела и Медуза!

— Здравсте... — Оська сумрачно встал на пороге.

— Ты почемуходишь без стука! — Это, конечно, Горгоновна.

— Я постучал...

Директор — седой, тощий и утомленный жизнью — медленно посмотрел на мальчишку с мокрыми глазами.

— Сядь вон там в уголке, остынь... А мы пока закончим разговор... Муза Георгиевна, с ведомостями можно не спешить. А этим... господам из управления скажите, что у нас все-таки школа, а не канцелярия...

Они с завучем заговорили о своем, а Оська сел в закутке у шкафа на твердый плас-

тмассовый табурет. Посапывал, дергал у колен бахрому обтрепанных штанов и поглядывал на часы. Они качали тяжелый никелированный маятник и отщелкивали минуту за минутой... И насчитали их семь.

... — Ну, так что у тебя случилось?

Оська встал, уронил табурет, быстро поднял.

— А чего... Еще не начали решать даже, я просто повернул голову, а она сразу: «Ты списываешь!» А чего там списывать-то...

— Не «она», а Роза Ричардовна! — встряла завуч. — Стой как следует, раз ты в кабинете директора!

— Я и стою... Я и не думал даже списывать, а она...

— Это Оскар Чалка из пятого «В» — обличительным тоном сообщила Медуза.

— Да знаю я... — вздохнул директор. — Кстати, как человек, причастный к газетному делу, ты мог бы изъясняться более связно. Ну, ладно... А почему Роза Ричардовна заподозрила тебя в преступных намерениях?

— Да просто я голову повернул! Чтобы лучше видеть доску...

— Чтобы видеть доску, повернулся к тетради соседа, — вставила Горгоновна.

— Да! — Оська сердито проглотил комочек. — Потому что сбоку мне смотреть удобнее! Когда я прямо гляжу, у меня... темная полоска перед глазами. Вот так, сверху вниз... А когда я отворачиваюсь, она тоже уходит в сторону, наискосок все видно лучше... — Он честно взметнул на директора сырые ресницы. И... опять чуть отвернулся. — Я правду говорю.

— Подожди... Что за полоска? Давно это у тебя?

— Не так уж давно... То есть бывало еще в прошлом году, но не часто. А теперь почти всё время.

— А родителям ты говорил про это?

— Пока не говорил... Это не очень мешает. Только если читаешь, надо голову немного вбок отворачивать...

— Так можно и шею натрудить... Ладно, об этом позже. А пока ступай в класс, скажи Розе Ричардовне, что вопрос исчерпан, и начинай решать.

Оська глянул на часы.

— Ага, вон сколько времени прошло. Я

не успею решить, а она мне «пару». И на осень...

— Суета сует... Муза Георгиевна, посмотрите в вашем журнале, какие оценки у Оскара Чалки из пятого «В» по математике в течение года.

— Я и так знаю. Сплошные тройки.

— У меня две четверки в этом месяце, — осторожно возмутился Оська.

— И двойка! — Медуза помнила все.

— Просто я тогда перепутал и не ту тетрадь принес! Разве за это ставят?

Директор утомленно встал.

— Муза Георгиевна, я думаю при таких успехах Оскара Чалки, контрольная не скажет ничего нового. Выставьте ему годовой результат по текущим оценкам.

Оська внутренне возликовал.

— Как прикажете, Олесь Дмитриевич, — сухо отозвалась Горгоновна. — Должна только заметить, что если Чалка и в будущем учебном году станет заниматься через пень-колоду, от переэкзаменовки все равно не отвертится.

— Ага, в другом пространстве. — суеверно шепнул Оська и скрестил пальцы. Тихо шепнул, но они слышали.

— Что-что? — заинтересовался Олесь Дмитриевич.

Оська уставился на сандалии и опасливо задышал.

— У них в этом году новая поговорка. — разоблачила Оську Медуза. — Ян Янович любит рассказывать детям о разных аномальных явлениях и... гипотезах. И поведал осенью пятиклассникам, что мир наш, так сказать, многомерен и в нем существует множество пространств. И что в одних пространствах жизнь совсем не похожа на нашу, а в других почти такая же, только с разницей в некоторых деталях... Хотя едва ли найдется пространство, где Оскар Чалка — отличник... Короче говоря, научная фантастика. И у наших деток теперь это на языке. Чуть что не понравилось, сразу: «Это в другом пространстве»...

Муза Георгиевна произнесла свою речь бесстрастным тоном. Но ясно было, что учителя рисования и черчения Яна Яновича Корецкого она не одобряет. И что его «научную фантастику» считает совсем не научной...

Оська и сам не понимал, сколько там науки, а сколько сказки.

Тот разговор случился в октябре. Ян Янович тогда отправился с пятиклассниками в поход, в древний пещерный город среди невысоких Меловых гор.

Днем они бродили по таинственным каменным залам, лазали в узких проходах, играли в прятки среди грубо отесанных колонн и на лестницах, вырубленных в толще скал. Ян Янович показывал высоко на стенах барельефы и рисунки с крылатыми быками. И рассказывал, что до сих пор ученые толком не знают: кто устроил в пластах известняка эти удивительные храмы, жилища и лабиринты. А вечером все расселись у костерка, разложенного посреди круглой пещеры. Вверху, в каменном своде было отверстие, и в него смотрели две звезды.

— Кто у нас дежурный по вечернему чаю? — спросил Ян Янович.

— Оська! Оська Чалка! Он уже принес воду! — загалдели девчонки.

— Оська Чалка... Ось-качалка... — задумчиво проговорил Ян Янович. — Смотрите-ка... Может быть, в этих словах не просто случайность?

Кто-то вопросительно хихикнул.

— Какая случайность? — опасливо сказал Оська.

— Не-случайность... Знаете, что такое ось-качалка? Это важная часть особого прибора, качающегося гироскопа... Ведомо ли вам, люди, что такое гироскоп?

— Это такие волчки в гироскопе, — сказали несколько человек, те, чьи отцы были моряками. Но Оська настороженно промолчал.

Ян Янович, сидя у костра, неторопливо объяснил, что гироскоп — это, да, волчок. Точнее, диск на оси. У гироскопа свойство — когда он вертится, ось его не меняет свое положение в пространстве.

— Ну, вы же сами тыщу раз видели: волчок не падает, пока крутится. Такой закон физики... Но иногда ось все-таки начинает колебаться. Раскачивается. Описывает одним или двумя концами кольца. И некоторые ученые считают, что при этом раскачивается и часть пространства. И пространство это начинает просачиваться в другие, нам пока неведомые участки вселенной. Отсюда

всякие загадочные события в природе, в том числе и НЛО... Когда-нибудь люди научатся проникать в соседние пространства. В тех, что похожи на наше, они смогут встретиться со своими двойниками. А в непохожих будет масса таинственного...

Ян Янович говорил серьезно. И там, в загадочной круглой пещере, у первобытного огня, во всё это верилось. А потом — не очень. Однако Оську недели две после этого иногда дразнили Качалкой. А поговорка «В другом пространстве» осталась надолго.

... — Мне кажется, Олесь Дмитриевич, следует посоветовать Яну Яновичу не загромождать младших школьников излишней информацией, — заключила речь Медуза.

Надо было бы заступиться за Яна Яновича. Но Оська не посмел: еще передумают да оставят на осень. Было неловко за эту боязливость, но он уверил свою совесть, что молодой и дерзкий Ян Янович и сам сумеет постоять за себя...

— Тогда... можно, я пойду?

— Подожди. Муза Георгиевна, проводи-те Оскара Чалку к врачу. А ты расскажи доктору все без утайки, с глазами не шутят.

Молодой школьный врач (приятель Яна Яновича) обрадовался пациенту и занялся Оськой всерьез. Велел смотреть на свет лампочки то одним, то другим зрачком и спрашивал: не щиплет ли в глазных яблоках?

— Ничуть не щиплет.

— А голова не болит?

— Нисколько.

— Гм... — Врач несолидно поскреб курчавую голову. Зачем-то постучал блестящим молоточком по облупленным Оськиным коленям. Ноги при этом исправно дрыгались.

— Знаешь, дитя мое, я ведь педиатр, а здесь вопрос для узких специалистов. Я тебе выпишу направление к окулисту. В поликлинику, что на Каретном спуске.

— Там, небось, платить надо!

— С направлением школьного врача бесплатно... Слушай, а если честно, ты не придумал эту темную полоску? Ей-Богу, никому не скажу.

— Чес-слово, не придумал! Вот так вот маячит!

— Тогда выпишу бумажку...

— Андрей Гаврилович, а можно вас попросить...

— Можно, если не о страшном.

— Сходите, пожалуйста, со мной в класс. А то Уг... Роза Ричардовна не отдаст рюкзак, пока контрольная не кончится, а это еще полтора урока... А так я бы взял его и сразу в больницу!

— Что ж, идем вызволять имущество.

2.

Оська бессовестно наврал доброму Андрею Гавриловичу. Он и не думал спешить в поликлинику. Раз уж судьба подарила ему лишний час, глупо было бы этим не воспользоваться. Вскоре после полудня к Хлебной пристани подойдет теплоход «Полнолуние». Вообще-то «Полнолуние» грузовое судно, однако возит и пассажиров. Тех туристов, у кого туговато с финансами и кто не хочет тратить на роскошь многопалубных лайнеров.

Если поспешить, можно успеть в самый раз.

И Оська спешил — на улицу Желтого Форта, где в двухэтажном особняке из пористого серого туфа располагалась редакция «Посейдон Ньюс». Он в два прыжка перескакивал узкие булыжные мостовые, сплошь покрытые синей тенью платанов. Бегом пересекал маленькие площади с ленивыми фонтанами и бюстами адмиралов. Часто дыша, взбегал по брусчатым трапам на взгорки и весело прыгал по ступеням вниз. И так же весело прыгали в голове всякие мысли.

Только одна мысль была беспокойная. А что, если Угроза, пока Оськи не было в классе, забралась в его рюкзак? Вытащила дневник и накатала там на полстраницы «Обращение к родителям»? А потом дневник может вытащить Анка. «Ага, Осище, достукался! Мама придет, я все расскажу!»

Да нет же, не будет Анка ябедничать. Не такая уж она вредная. Не вреднее Оськи. Анакондой и Чудовищем он прозвал ее, просто чтобы позлить иногда. Скажешь «Анаконда» а она за ним — с поварешкой или полотенцем. «Ну, подожди, Оса ядовитая, я тебя достану! А потом еще маме скажу!..»

Анка была дочерью маминой подруги, которая жила далеко-далеко, почти что у Ле-

довитого океана. Три года назад подруга умерла (понятное дело: разве может нормальный человек жить среди таких холодов!). Анка осталась с отцом, который вскоре опять женился.

В прошлом году Анка приехала сюда поступать в кораблестроительный институт, но провалилась. Вернее, ее не приняли по конкурсу. Анка ревела и говорила, что ее не взяли из-за «инострального подданства». Полуостров-то теперь вместе с Южной республикой был суверенным, отделившимся от Федерации государством...

Поревев, Анка стала собираться домой. Мама сказала: «Чего тебе там с мачехой, поживи с нами еще...» Раз «еще», два «еще», так и прижилась. Сделалась как своя. Мама была довольна: есть помощница в доме. От мальчишки-то много ли толку, а тут все-таки женские руки. И не так страшно оставлять Оську, когда приходится уезжать по служебным делам в ближние города и поселки (мама работала в транспортной конторе, и должность ее называлась «координатор диспетчерских служб»).

Анакондой Оська прозвал Анку из-за фамилии. Фамилия была северная, крепкая такая — Кондакова. «Анна Кондакова» — это же само собой складывается в «Анаконду»! Как «Оська Чалка» в «Ось-качалку»...

Поступать в институт Анка раздумала, устроилась работать в портовый узел связи. Сутки на дежурстве — двое суток дома.

Была Анка совсем не красавица — чересчур худая и длинноногая. Но все же не уродина, такие тоже замуж выходят.

А еще она ужасно боялась всяких болячек. Оська этим иногда пользовался. «Вот наворожу, чтобы у тебя чесотка случилась, будешь знать!» Он сумел убедить Анку, что знает кой-какое колдовство. Потому что осенью пообещал ей чирий на шее, и чирий (вот удача-то!) в самом деле выскочил...

Старая дедушкина квартира была ветхая, но просторная, места хватало всем. Даже, когда отец жил дома. Но он чаще не дома был, а в рейсах. А теперь...

Ах, Аргентина, Аргентина!

Такая чудная картина!

Бананы, пальмы и креолки,

И полицейский в треуголке...

Такая вот дурацкая песенка вспоминалась, когда Оська думал об отце.

Интересно, в самом деле там полицейские в треуголках, или это так, для рифмы?

После уличной жары полутемный вестибюль редакции обдал Оську прохладой. Казалось даже, что пахнет морской солью. Может, и правда этот запах с доисторических времен застрял в пористых камнях?

За фанерной стойкой заворочалась и добродушно заворчала в ответ на стремительное «здрате» грузная вахтерша тетя Руся. Она была в такой же, как на Оське бейсболке с надписью «Посейдон Ньюс» и в полинялой штурманской куртке. Три десятка лет тетя Руся проплавала на судах Южно-морского пароходства — то буфетчицей, то коком, то смотрительницей пассажирского хозяйства, и на пенсии не смогла расстаться с флотскими привычками. Поэтому устроилась на нехлопотную должность в приморской газете.

— Привет, юнга. Какой ты с пылу, с жару, как от камбузной плиты..

— Ага! Тороплюсь! Остались газеты, тетя Руся?

— Ну, разве что специально для тебя. С полсотни еще есть.

— В самый раз!

— А куда побежишь-то с ними? В такой жаркий час люди имеют привычку сидеть в тени, а не болтаться по солнцепекам.

— Скоро «Полнолуние» швартуется.

— Так и что с того? Или мальчик не знает, что после возгорания в порту имеется приказ гнать вашего брата со всех причалов? Хоть в полдень, хоть в полнолуние. В целях противопожарной безопасности.

— Кого гнать, а кого и пропускать, — со скромным самодовольством отозвался Оська. — Главное, чтобы связи... — И он крутнул бейсболку козырьком вперед. Так, чтобы и газетная надпись оказалась впереди.

Потом он прижал к груди пачку газет. Вдохнул керосиновый запах типографской краски и бумаги — знакомый, любимый.

— Спасибо, тетя Руся! Я — полный вперед! Спокойной вахты!

— Стоп, машина! А денежки?

— Ну, те-отя Руся! Какие у меня сейчас

денежки! Продам и вечером принесу! Или скажите Ховрину, он заплатит, а я ему потом отдам...

— Ох, шибко он тебе волю дал, Ховрин-то.

— Не-е, не шибко! В самый раз!

— За вихры вот тебя! — Она потянулась к Оськиной голове. Его белые от солнца волосы торчали из-под бейболки, как длинные растопыренные пальцы. Оська хохотнул и прыгнул к двери.

— Постой, бесенок!.. Про отца-то что слышно?

— Нового ничего, — на миг опечалился Оська. И выскочил на солнце.

3.

К Хлебному причалу можно было выбрать разные пути. Один — по кольцевому Адмиральскому бульвару. Другой — через Саперную балку, по узким каменным трапам на склонах, по тесным переулкам с белыми домиками, старинными водокачками и могучими пирамидальными тополями.

По бульвару было далеко. Через балку — опасно. Там в изобилии водились компании «малосольных».

Мальчишечье население Города было неординаковым. Взрослые сказали бы, что оно «делится на несколько социальных слоев».

Те, от кого у приморской полиции постоянная головная боль, назывались «соленые». Этакая крутая портовая братва: тельняшки, импортные гавайки и жилетки с бахромой, наколки, словечки сквозь зубы и дела — такие, за которые вполне светит «зона». Конечно, это были большие парни, а порой уже совсем дядьки.

Тех, кто был помельче, вроде Оськи, но душой стремился в «соленые», именовали «малосольными».

Надо сказать, что «малосольные» были пестрым народом. Встречались там и нормальные пацаны, которые просто хотели выглядеть покруче, чтобы к ним никто не приставал. Но была и явная шпана — такая, что порой «солонее» больших.

Остальных ребят и «соленые», и «малосольные» с ухмылкой называли «маринованными». И виноват в этом был ни кто-нибудь, а двухзвездный адмирал Ведерник.

Когда случился раскол и Федерация с Южной республикой начали делить общий боевой флот, вице-адмирала Ведерника назначили командующим республиканской эскадрой. Эскадра, как и вся республика, сидела на голодном пайке. Без ремонта, без топлива, без боеприпасов (про последнее жители Полуострова говорили: «И слава Богу!»). Но доблестного командующего не смущала нехватка ресурсов. Он считал, что главное на флоте — порядок, а порядок начинается с внешнего вида.

Отпущенные республикой жидкие суммы адмирал пустил на новое обмундирование. Всем офицерам и матросам велел ходить летом в белых брюках и с голубыми аксельбантами на кителях и голландках. А фуражки и бескозырки приказал украсить большущими золочеными «крабами» со скрещенными якорями и старинным гербом Южного Края.

Тот же герб и якоря были на кормовых и стеньговых флагах, которые двухзвездный адмирал заказал для всех кораблей и судов. Причем, изготовили флаги не из обычной материи, которая называлась «шерстяная рединка» или «флагдук». Из флагдука флаги шились на всех флотах во все времена, однако адмирал считал, что она быстро выгорает и теряет праздничный вид. Он пренебрег традицией и выбрал синтетическую ткань — мягкую, шелковистую, блестящую. Поручил сшить из нее не только боевые флаги, но и комплекты сигнальных сводов — Международного и Военно-морского.

Флаги сводов используются не только для сигналов, но и для праздничного украшения кораблей. Поэтому иногда и называются — флаги расцветивания. Пышное расцветивание всегда было мило сердцу вице-адмирала. Ему бы позаботиться о свежей покраске боевых единиц своей эскадры, но это представлялось чересчур дорогим делом. Командующий решил, что пестрые флажные гирлянды будут отвлекать внимание от обшарпанных бортов эсминцев и военных крейсеров. И станут способствовать повышению боевого духа личного состава.

Может, они и правда повысили бы дух. Но тут правительство наконец усмотрело в разных делах вице-адмирала вредительство и действия в пользу соседней державы. Ко-

мандующего сняли и отдали под трибунал. Члены трибунала, правда, нашли в поступках подсудимого не преступный умысел, а глупость. Вице-адмирал Ведерник был поэтому оправдан и даже сделан советником президента по военно-морским делам. И в накладе оказалась только фабрика, изготовившая массу разноцветных флагов.

Новый командующий наотрез отказался выкупать продукцию фабрики. «Мне что, больше некуда деньги девать?» Потом все же взял кормовые и стеньговые флаги, а про сигнальные сказал: «Делайте с ними, что хотите. Я вслед за Ведерником не хочу, меня-то дураком не признают и в советники не возьмут».

Фабрика, чтобы не впасть в полное разорение, пустила комплекты в свободную продажу. Оптом и в розницу. И по причине малого спроса все снижала и снижала цены.

Первым нашел для флагов применение режиссер детского ансамбля «Маринка», что при Клубе рыболовного флота. Кстати, непонимающим людям название может показаться девчоночьим, но в ансамбле были одни мальчишки. И «Маринка» — в данном случае не имя девочки, а морская лодка, такой смелый кораблик. Сравните: «субмарина» значит подводная лодка, «марина» — гавань для яхт. Кстати «Маринкой» называлась и небольшая шхуна детской флотилии при этом клубе..

Ну вот, режиссер ансамбля углядел флаги на прилавке и предложил костюмерше сшить из них мальчишкам концертные костюмы.

На открытии очередного сезона на сцену в лихом матросском танце вдруг вылетела смуглая пацанва в развевающихся одежонках самых удивительных окрасок и узоров: с большими разноцветными кругами, квадратами, полосками. Каждый мальчишка был похож на пестрый флаг с коричневым древком, а все вместе — сплошной флотский празднник!

Эффект был неожиданный. Практичные мамы, измученные невыплатой денег на работе и всякими трудностями, вмиг сообразили: флаги годятся не только для концертных нарядов, но и для обычной жизни. Сразу решался вопрос: во что одевать «этих чертенят, на которых все горит». По край-

ней мере, теплой весной и летом, которые в этих южных краях стоят более полугода.

Залежавшиеся было комплекты сигнальных сводов мигом смело с прилавок. Воспрянувшая фабрика принялась штамповать новые. Особенно шли в ход наборы номер четыре. Двух прямоугольных флажков — шестьдесят на семьдесят сантиметров — в аккурат хватало на просторную рубашонку и шортики для мальчишки Оськиного размера.

Скоро у таких костюмов появилось название — «юнгмаринки». Похоже на «юнгштурмовки» что носили в давние времена. Но букву «г» произносить было трудно, и она выпала — сначала в устной речи, а потом и в ценниках магазинов. И получились «юнмаринки».

Для шитья юнмаринок даже сложились свои правила. Можно было использовать флаги любой расцветки, но только оба одинаковые. Иногда старались, чтобы соответствующий флагу буквенный сигнал совпадал с первой буквой мальчишечьего имени. Но это удавалось не часто. Например, к какому имени приспособить флаг буквы «Ы»? К тому же, в Военном-морском и Международном сводах у одних и тех же флагов буквы были разные...

Девчонкам пытались было тоже шить флажные наряды, но это не привилось. А от мальчишечьих юнмаринок улицы и школьные двory каждую весну теперь буквально расцветали.

Учителя и завучи сперва пытались спорить с новой модой, но скоро махнули рукой: конечно, чересчур пестро и не способствует дисциплине, зато дешево, а против этого в наше время не поспоришь. К тому же, разноцветье ребячьего племени придавало городу праздничность и повышало у жителей настроение. А это в наше трудное время тоже полезно.

Жители Города радовались. Лишь «малосольные» презирали мальчишек в юнмаринках и, в случае чего, не давали спуску...

Оська свою белую с синим юнмаринку в этом году еще не надевал. Давно пора бы, да самому искать ее в шкафу, стирать и гладить было лень, а мама и Анка постоянно заняты. И теперь он — в разломачен-

ных у колен штанах из пыльного вельвета и в мятой клетчатой рубашке со следами газетной краски, с торчащими из-под бейсболки космами — мог бы сойти за «малосольного».

Но во-первых, среди «малосольных» не было единства — чужака любой степени «солёности» они не признавали за своего и могли поколотить. Во-вторых, «малосольные» не торговали газетами. По крайней мере, газетой «Посейдон Ньюс». Тетя Руся на дух не переносила всякую шпану и ни за что не выдала бы такой ни единого экземпляра. Ну, и кроме того... как ни рядись, а по повадкам все равно видно, кто есть кто. Поймают в каком-нибудь Батарейном или Шкиперском переулке, надают по шеям, а что будет с газетами — подумать страшно.

И все же Оська решил: время поджимало. На электронных часах (давний отцовский подарок) было уже 00.04, миновал полдень.

Оська рванул вниз по трапу среди побеленных ракушечных заборов (трап назывался «Фонарный спуск»), проскочил два переулочка на дне балки. Запыхавшись, взбежал по Сухарной лестнице. Сердце под прижатой газетной пачкой прыгало и хотело выскочить. Зато опасность, кажется, миновала. Оська торопливо прошагал по людной улице Повстанцев, свернул на Малую Портую и оказался у Девичьей ротонды.

Это была круглая площадка с белой колоннадой. Она располагалась над обрывом.

Отсюда видны были причалы, краны, пакгаузы, рельсовые пути с вагонами — все обширное портовое хозяйство с разноцветьем теплоходных труб и флагов. А дальше — громадная синева. И круглые облака. И чайки...

Но Оська лишь пару секунд любовался привычной картиной. Он сразу увидел, что «Полнолуние» уже подваливает к причальной стенке.

От Девичьей ротонды зигзагами уходила вниз ракушечная лестница. И Оська поскакал по ней — быстро, но осторожно, чтобы кожаные подошвы не скользнули по стертым ступеням.

4.

Лестница не сразу привела к причалу. Был еще проход между глухими каменными стенами, который назывался Второй Портовый переулок. Он привел к решетчатому забору с воротами. У ворот дежурил усатый дядька в морской фуражке и синей форменной куртке. Это был дядюшка Оськиного соседа и одноклассника Эдика Тюрина. Когда-то Оська и Эдик были крепкими друзьями, а потом... Ну да ладно. С Эдькиным дядюшкой у Оськи сохранились прекрасные отношения.

— Дядя Лёня, здрасте!

— Привет, привет, носитель печатного слова! Проникай. Только с оглядкой. Особо опасайся тех, кто в коричневом камуфляже...

— Это кто такие?

— А ч-черт их разберет. Прислали для дополнительной охраны. То ли муниципальная дружина, то ли национальный легион. Столько их развелось... В общем, бди.

— Ага, буду бдить! Я побежал!

Хлебный причал не числился среди главных. Лайнеры и заморские сухогрузы здесь никогда не появлялись. В давние времена сюда приходили парусники с пшеницей и ячменем из разных южноморских портов. Говорят, ведущая от причала дорога зеленеет от проросших между камнями семян. Сейчас на ней тоже хватало зелени, но это была обычная трава. А у причала швартовались суда местных линий и портовой службы. Ничего интересного... И все же Оське здесь нравилось.

Это место сохранило уют нешумных гаваней прошлого века. Кирпичные портовые постройки с закругленными углами и узкими окнами были похожи на старинные форты. В густой сурепке и приземистом дреке доживали свой век разлапистые якоря-пенсионеры.

Причал никогда не был военным, однако по сторонам выщербленной лестницы стояли две могучие корабельные пушки — памятники Первой осады. Кто их здесь поставил и зачем, было неизвестно. Видимо, так, для романтики. Собранные из плах лафеты были изъедены древоточцем, чугунные стволы — в ржавых оспинах. Пушки давно спа-

ли и не помнили про штурмы и абордажи. В правой пушке селились воробьи, а в левой обитал портовый кот Моня. Был Моня велик размерами и упитан, однако нрав имел деликатный. Воробьев-соседей не обижал, жил с ними по-приятельски.

Сейчас кот грелся под солнышком у левой цапфы ствола.

— Мончик, здравствуй! — Надо было бы погладить котяру, да руки заняты газетами. Оська взбежал по ступенчатому лафету к стволу, оседлал теплое от солнца орудие. Вынул правую ногу из расхлябанной сандалеты (она осталась на приступке лафета). Голой ступней погладил кошачью спину. Моня благодарно муркнул, встал, выгнулся, потерся щекочущим боком о мальчишкину ногу.

— Будем торговать?

— Мр-р...

«Полнолуние» уже подвалило к пристани. Матросы тащили канаты с петлями-огонями к чугунным кнехтам. Судно вообще-то небольшое, но когда рядом — великан. Высокие черные борта, белая, с трехэтажный дом рубка, широченная желтая труба с синей полосой и белой буквой «Р» в черном круге... Вот уже трап спустили, показались первые пассажиры.

Да, здесь не главный морской вокзал, но все-таки пассажиров встречали приветливо. Включился динамик, раздался «Приморский вальс». Пора включаться и Оське!

Он вскочил на ствол — босой ногой и сандалетой. Пачка газет — над головой.

— Дамы и господа! Приморская газета «Посейдон Ньюс» приветствует вас на причале нашего замечательного Города!

Вообще-то Оська не был артистом. Наоборот! На уроках он стеснялся читать выученные наизусть стихи. А заставить его играть в школьном спектакле было совсем немислимо. Но в такие вот моменты, с газетой, на Оську накатывало вдохновение. Всякое смущение отлетало прочь. Он был уже не просто пятиклассник Чалка, а человек, принадлежащий славной «Посейдон Ньюс». Ее частичка. Звонкий ее голос.

От этого голоса выше взлетели чайки, усвистал с лафета Моня, а пассажиры заоборачивались, заглядывались на ступенях.

— Дамы и господа! Честное слово, газе-

та «Посейдон Ньюс» рада вам на этом берегу! Жителей Города она поздравляет с возвращением домой! Тем, кто приехал по делам, желает успеха в этих делах. А тем, кто хочет познакомиться с Городом, обещает много-много интересного! Покупайте «Посейдон Ньюс»! На наших страницах вы найдете все, что нужно! Адреса и телефоны фирм! Схему Города с музеями, интересными местами и театрами! С гостиницами и ресторанами! Объявления о спектаклях и концертах! Последние события на Южноморском побережье! Расписание движения судов и автобусов!.. Рассказы об истории нашего удивительного Города!.. И главное! Самое главное! Продолжение захватывающей повести о приключениях таинственного брига «Мальчик» и его капитана!.. Пожалуйста, сударыня!.. Два экземпляра? Пожалуйста!.. Постой девочка, надо ведь десять грошей, а у тебя пять... Ну, ладно, ладно, бери... Ой, простите, у меня нет сдачи... Спасибо, сударь!.. Новейшие сообщения о радостях и трудностях приморской жизни! Лесовоз «Кир» вез наркотики! Горная обсерватория «Нора» провела съемку неопознанного летающего объекта! Начальство Южноморского пароходства опять наплевало на интересы моряков!.. Спасибо, сударь... Благодарю вас, капитан!..

Оська, нагибаясь с лафета, подавал газеты в протянутые руки. Только успевай! А карманы его тяжелели от латунных грошиков и никелевых гривенников, распухали от скомканных бумажек...

Поток пассажиров прошел, а несколько газет еще осталось. Кому бы их? Оська весело обвел причал глазами и... встретился взглядом с опасностью. С той, о которой забыл.

Сразу было видно, что опасность. Парень в пятнистом комбинезоне, с дубинкой и наручниками у пояса, с коротким автоматом «Дуче» под локтем. Он с ухмылкой глядел на Оську бесцветными глазами и перекачивал за щекой жвачку.

У военных камуфляж зеленый, у полиции — сизый, а у этого — серо-коричневый, правду сказал дядя Леня. И кепочка незнакому фазона, с серебристой плямбой-кокардой.

Коричневый еще раз перекатил во рту

жвачку, переступил разлапистыми ботинками. Выше ботинок — кирзовые краги с брезентовыми ремешками. Даже на высоте, на пушке, Оська учуял, как от ног охранника разит пропотевшей кирзой и кожей.

— Ну, ты, коммерсант долбаный, — лениво, почти доброжелательно сказал парень. — Слазь, пошли к начальству. Найдем в карманах спички — пойдешь к следователю. Не найдем, тогда проще — вздрючим на месте... — Он был уверен, что перепуганный пацан никуда не денется.

В таких случаях главное, чтобы не ослабели от страха ноги.

— А чё я сделал-то? — плаксиво сказал Оська. Сел опять на ствол, сунул ногу в сандалию. Покрепче, чтобы не слетела при беге.

— Слазь, кому говорю... — Коричневый локтем шевельнул автомат.

— Я больше не буду...

— А ну, живо!

— Ладно, я щас... — Оська сделал вид, что покорился судьбе. Начал сползать, но тут же взлетел на пушку ногами. И скачком — на конец ствола. Будто хочет прыгнуть оттуда на парапет лестницы! Коричневый рванулся к парапету. А Оська — назад! С пушки на ступени и вверх, вверх! А потом — в тесный проход между кирпичными складами.

Коричневый ухал башмаками шагах в пяти позади. Звякал наручниками. Толкало Оську в спину злое дыхание.

— Стой, подлюка! Хоть кто буду, выстрелю!

Видать, новичок. Опытный вояка разве стал бы связываться с мальчишкой! Хотя кто знает этих коричневых...

Легче бежать, когда машешь двумя руками, но Оська левым локтем прижимал газеты. Он не боялся убытка, но бросать «Посейдона» под вонючие башмаки этого фашиста... А если поймает?.. Черта с два!

Оська знал здесь все закоулки. А коричневый дурак не знал. Оська сворачивал за склады и будки, прыгал по ступеням и кремнистым тропинакам. Охраннику каждый раз надо было тормознуть и сообразить. Оська выигрывал метр за метром.

— Стой, крысеныш! Стреляю!

Неужели и правда выстрелит, скотина? Добраться бы до дыры! Этим лазом в ка-

менном заборе Оська пользовался, когда у ворот был незнакомый вахтер.

Дыра была в самый раз для мальчишки, а громиле придется попотеть. Оська с разбега толкнул себя в отверстие, ободрал о ракушечник локоть и ногу, но не потерял ни мига. За стеной — уже не портовая территория, а жилой район. Вверх уходил тесный переулочек: побеленные заборы, зеленые калитки. Там, наверху, рыночная площадь, от нее ходят автобусы. Пыгнуть в отходящий — и привет. А в случае чего, люди заступятся за мальчишку. Не очень-то горожане любят всяких камуфляжников с автоматами...

Сердце бухало, но силы еще были. И даже азарт был: попробуй догони!

А громила попался настырный. Видать, заело, что упускает салажонка. Протиснулся-таки следом. И опять башмаки бух-бух-бух!

— Догоню... оторву все, что есть... гнида...

Посреди переулочка валялся сухой лошадиный череп. Откуда он? Неважно! Оська пяткой толкнул череп назад, под ноги врагу. Тот запнулся, выругался по-черному (или по-коричневому?). И все равно не отставал. Дыхалка у бандюги была тренированная. А у Оськи дыхание уже кончалось. Но все же он рвался вперед. И зеленые калитки по сторонам мелькали, как сорванные ветром листья... И вдруг одна впереди распахнулась!

Двое мальчишек выскочили навстречу. Поймали Оську в две охапки. Дернули за собой. Он оказался за калиткой. А она — трах! — захлопнулась наглухо. Один мальчишка смаху заложил в скобы тяжелый брус. Серый пес-чудовище подлетел, взревел яростным лаем. Не на Оську, а на удары, которые посыпались в калитку снаружи.

Ребята дернули Оську в сарайчик. Пес на дворе бесновался.

— У того гада автомат. Пристрелит собаку, — выдохнул Оська.

— Не посмеет, — уверенно отозвался старший мальчишка — круглолицый, с дерзкими серыми глазами. — Это будет нападение на частный дом. За такое сейчас не хвалят.

Младший хихикнул. Он был ростом с Оську, курчавый, смуглый, с черным ежиком волос и широким ртом. Поманил Оську за поленницей мелких акациевых дров:

— Айда...

И тут Оська забоялся. Не попал ли он из одной беды в другую? Плен у чужаков — дело безрадостное.

Кто они?

Старший был в изодранных джинсах и обвисшей тельняшке. Младший в красно-синей юнмаринке, но замызганной, порванной и «по-соленому» подпоясанной широким флотским поясом. Босой, с перемазанными чем-то вроде мазута ногами...

Пес на дворе, однако, не смолкал. А в калитку опять бухнули — раз, другой...

— Айда, — повторил чумазый. И Оська шагнул за ним.

5.

За поленницей была дверь — еле заметная, под цвет каменной стены. Сразу и не разглядишь. Дверь ушла в глубину. Старший замигал фонариком и шагнул через порог. Младший за ним. Приглашающе оглянулся на Оську. Тому куда деваться? Шагнул тоже. Хотя опасение нарастало в нем.

Сначала был каменный коридор. Такой узкий, что можно коснуться стен локтями, если растопырить.

Шагов через тридцать коридор круто свернул, и все оказались в сводчатом подвале.

Ярко горела электрическая лампочка. Высвечивала неровный известняк стен. Пол тоже был каменный, из булыжников, похожих на панцири черепах. После уличной жары воздух казался зябким. И пахло как на скалистом берегу. В камни явно просачивалась морская влага.

Оська быстро глянул вокруг и не удивился. Под Городом было немало всяких подземелий: и древних катакомб, и пороховых погребов эпохи Первой осады, и бункеров, оставшихся от Второй Мировой. Оська знал, что наверху, рядом с рынком — остатки каменного приморского бастиона, крайнего в старой линии обороны. Сохранились две круглые приземистые башни из желтого песчаника и такая же низкая стена с бойницами. За стеной — никакой романтики: дворники, сарайчики, мастерские...

Про все это Оська подумал мельком. Его интересовали (и тревожили!) люди здешне-

го подземелья. Людей — кроме тех, что привели Оську — было трое. Разный и непронятный народ. Лет примерно от восьми до двенадцати. Самый маленький — полуголый, в красных трусиках — висел вниз головой на самодельном низком турнике. Его рыжие лохмы касались «черепехового» пола. Глядел рыжий на Оську сумрачно. Двое других, белоголовых, оставили круглые зеленые бутылки, которые зачем-то пристраивали горлышками друг к другу. Посмотрели тоже не улыбаясь. На одном, оборотистом, была трикотажная рубашка с белозелеными поперечными полосами и обтрепанные, как у Оськи, штаны до колен. А другой — не чета своему приятелю. Белобрысые локоны расчесаны на пробор, черные брючки отглажены, поверх белой рубашки синяя безрукавка, а у ворота — галстук-бабочка. Ну, будто в театр собрался. Или сам артист.

«Артист» подошел, смерил Оську спокойным карим взглядом. Спросил старшего:

— Кого это вы доставили к нам, Мамлюча?

В спокойствии «артиста» и в странном прозвище другого — «Мамлюча» какой-то! — опять почудилась угроза. Этакая деловитая безжалостность к жертве.

Длинноволосый сероглазый Мамлюча сипловато объяснил:

— Он драпал от легионера. Чуть не попал к нему в лапы. Но достался не ему, а нам. «Достался нам»!..

Что оставалось делать?

Оська знал, что у «малосольных» и даже у «соленых» есть кое-какие правила. Если человек сразу признает себя побежденным и не «возникает», его не трогают. А если и «трогают», то не очень. Деньги и другое ценное, скорее всего, отберут, но мучить не станут. Жаль, конечно, заработанных гривенников и грошей, да ладно уж, быть бы живу... А может, удастся договориться, чтобы деньги взяли не все, а половину? Должна же быть у людей хоть капля совести!

Оська опустил к ногам оставшиеся газеты. Выпрямился, положил на затылок ладони. И, щурясь на лампочку, вздохнул:

— Хорошо, я сдаюсь...

И услышал молчание. Подождал, оглядел «захватчиков». Те смотрели с интересом, но без злорадства. Рыжий, маленький, упал с

турника, встал на четвереньки и засмеялся — словно ложка зазвенела в стакане:

— А зачем ты сдаешься?

— Да, зачем? — сказал «артист» и пригладил локоны.

— Ну... я думал, вы меня это... в плен... — пробормотал Оська. Все получилось ужасно глупо. Но рук с затылка он все же не убрал.

— Ты решил, что мы грабители? — радостно спросил рыжик.

— Я думал... вы «малосольные»... — выговорил Оська. И засопел от стыда. И встретился с серыми глазами Мамлючи.

Мамлюча сказал уже не сипло, а тонко:

— Ох, ну до чего одичал народ... Не малосольные мы и... никакие. Просто люди... Гляди-ка, локоть ободрал. Вертунчик, принеси зеленку.

Рыжий Вертунчик ускакал в дальний угол и тут же возник рядом — с темным пузырьком в ладони. Крутнулся на пятке.

Мамлюча взял Оськин локоть тонкими прохладными пальцами.

— Ну-ка... сейчас увидим, кто терпеливее: мальчишки или девочки...

«Ох, да это же девчонка!» — дошло наконец до Оськи.

Он не пикнул от кусачей зеленки, только жмурился — будто не от боли, а от удовольствия.

Господи, как же хорошо, что есть на свете просто люди.

Стыдно, конечно, что так перетрусил, но радость была сильнее. Оська постарался подуть на перемазанный зеленкой локоть и вспомнил:

— А еще нога...

Мамлюча присела на корточки, мазнула вдоль Оськиной ноги мокрой щиплющей тряпицей. Темные капли забрызгали газету.

— Ой... — совсем по-девчоночьи огорчилась Мамлюча.

— Не беда! Все равно их уже не продать.

— Ты торгуешь газетами?

— Ну да! Я их почти все распродал пассажирам с «Полнолуния», а тут этот пятнистый с автоматом!.. Они там думают, что это мальчишки тогда склады подожгли, вот и ловят! Совсем психи...

— Это и не мальчишки вовсе, а наркоманы с Сизой слободы, подал голос от бутылки

лей растрепанный белобрысый пацан. — Чтобы отвлечь следы от контрабанды. Все знают...

— Да, но «сизых» ловить опасно, вот и валят на ребят, — добавил «артист».

Он подпернул на коленях брючки, присел рядом с Мамлючей, двумя пальцами взял газетный лист.

— «Посейдон»... А про бриг «Мальчик» есть продолжение?

— На четвертой полосе.

— Любопытная история. Интересно, скоро ли кончится?

— Через три номера, — сказал Оська. Со скромной гордостью за причастность к газете. — Но там еще много будет всего. Приключения всякие и вообще... Если хотите, я расскажу, я до конца читал.

— Расскажи! — подобрался вплотную чумазый, в красно-синей замызганной юмринке (его нызывали ласково — Гошенька).

— Где ты читал? — недоверчиво сказал «артист».

— В редакции. И дома... Это написал мой друг.

И опять наступило молчание. Недоверчивое. Неприятное даже. Вертунчик, сидя на корточках, глянул вверху укоряюще:

— Ох и врешь.

— Да не вру я! Нисколько!

— Ты хочешь сказать, что писатель Яков Ховрин твой друг? — с холодной вежливостью уточнил «артист».

— Ну... да.

То, что для него было привычно, им казалось немислимым.

— Как докажешь? — прищурился Вертунчик.

— Ну... честное слово.

— Нет, ты как следует поклянись, — потребовал тот, что в полосатой рубахе (он тоже подошел ближе). — Ольчик у тебя есть?

— Ну... есть. — Оська запустил руку за ворот. Вынул висевший на цепочке шарик.

Ольчик — это вроде как талисман. Какая-нибудь мелкая штучка. Старинная монетка, медальон, значок, крошечная куколка, дырчатый камешек... Те, кто ходят без крестиков или шестиконечных звездочек, носят ольчика на шее. Но можно и в кармане или у пояса, как брелок. А если ольчик

— плетеная фенька, можно у локтя, на запястье или даже под коленкой, вон как у Вертунчика. Главное, чтобы ольчик был всегда с тобой. Без него ты просто неполноценная личность.

Откуда взялись ольчики, никто не знает. Некоторые знатоки говорят, что раньше ольчиками служили колечки — самодельные перстеньки и браслеты. Так, мол, и появилось название: «колечки» — «кольчики» — «ольчики». А учитель Ян Янович, любивший говорить о странных явлениях и загадках вселенной, однажды на уроке рисования рассказал такую историю. Будто бы в других пространствах у мальчишек разных стран и городов была мода на амулеты, которые назывались «йхоло», «холо» или «оло». А потом это просочилось к нам — когда очередной раз качнулась ось Всемирного Гироскопа и между пространствами появились щели. И добавил, что, возможно, ольчики и правда обладают некоторой волшебной силой. Потому что они заряжены так называемой «энергией желаний».

Не все рассказ Яна Яновича приняли всерьез. Но в волшебную силу амулетов многие верили. По крайней мере, обманно клясться на ольчике почти никто не решался. Соврешь — а потом неприятностей не оберешься...

— Ну-ка покажи, — велели Оське. Он осторожно раскрыл ладонь.

Оськин ольчик был размером с вишню, только не красный, а янтарный. Крупная ягода из эпоксидной смолы с серебристой петелькой. Сквозь смолу можно было увидеть неровный блестящий кубик с острием. Приглядишься — это крошечная, отлитая из металла церквушка.

Ребята переглянулись. Непонятно как-то. Вертунчик насупленно сказал:

— Это не твой.

— А чей же? Твой, что ли? — возмутился Оська.

— Вертунчик хотел сказать, что ты не имеешь на него права, — с прежней холодной вежливостью разхъяснил «артист».

— Это почему?!

— Потому что такие бывают лишь у тех, кто спускался по Цепи.

— Ну... я и спускался, — почему-то сму-

тился Оська. Его смущение приняли за неумелую ложь. И кажется, тоже смутились. За него, за незнакомого хвастуна. Лишь тот, что в полосатой рубашке (курносый и безбровый) непримиримо буркнул:

— Врать-то — не узлы вязать...

— Не вру я! В прошлом году спускался!

Сказать, что делал это дважды, он просто не посмел. Решат, что вовсе заврался.

— Тогда расскажи, как это было, — потребовала Мамлюча. — Про все, что чувствовал! А мы проверим.

— Вы, значит, тоже спускались?

— Мы — нет. Но есть человек, который это делал. Он-то тебе не даст соврать.

— Это Чип, — гордо сказал Вертунчик. Словно сам спустился по Цепи.

— А где он, Чип-то? — встревожился курносый и полосатый.

— Да вот он! — крутнулся на корточках Вертунчик. — Чип, здравствуй!

На фоне темного коридорного хода стоял мальчик. Тонкорукий, тонконогий, с головой-луковкой на шее-стебельке. В ярко-желтой с черным кругом на груди юнмаринке.

Оська мигнул. Потом встал...

Потом они шагнули друг к другу. Вокруг Оськи не стало ни подвала, ни ребят. Кроме вот этого, в желтом. А еще — свистящая пустота. Ветер, который качает немислимо тяжелую цепь... Они шагнули еще, еще, сошлись вплотную. Постояли секунду. И обнялись...

Продолжение в следующем номере.

Юлия МАТАФОНОВА

«ЕСТЬ РОДИНА У НАС!»

«ШАНХАЙЦЫ» НА УРАЛЕ

В своих воспоминаниях екатеринбуржец Алексей Костин пишет: «Осенью 1947 года на улицах Свердловска и других городов области стали появляться какие-то необычные люди, похожие на иностранцев. Они привезли с собой малознакомое слово — репатрианты, но в народе их прозвали «шанхайцами», поскольку приехали они в своем большинстве из далекого китайского города Шанхая. Многие остались в Свердловске и области на всю жизнь и вот уже отпраздновали 50-летие пребывания на родной земле»...

ГОРОД С РУССКИМ АКЦЕНТОМ

Может быть, сама эта дата потянула на мемуаристику? «Шанхайцы» пишут воспоминания, снимают фильмы о далеком былом. И, честно сказать, это стремление осмыслить события прожитой жизни по-особому воспринимается в дни, когда не иссякает поток людей, решивших навсегда покинуть родные пределы, когда заокеанские страны запросто открывают у нас в Екатеринбурге конторы по вербовке рабочей силы, суля отъезжающим манну небесную, а родители побогаче отправляют своих детей учиться «только за рубежом». Патриотизм стал словом почти смешным, лишившейся стоимости монетой. А тогда они приехали сами, никто не гнал. Приехали молодыми, полными сил, вся жизнь была впереди.

«Я родился в Харбине, который был основан в 1898 году русскими в связи со строительством Россией КВЖД, — вспоминает учитель екатеринбургской школы № 13 Юрий Михайлович Бородин. — И город, и сама железная дорога были построены в короткий срок русскими же, первыми пионерами, которые поселились там еще до революции. Среди них был и мой отец Михаил Александрович Бородин.»

...Харбин я сама хорошо помню по впечатлениям поездки в Китай. Город и тогда пребывал «с русским акцентом», хотя уже мало осталось в живых эмигрантов «первой волны» (революция). История с КВЖД давно канула в Лету, и миновала еще одна, более поздняя драма: перед войной из Приморья произошло массовое выселение китайцев.

В центре Владивостока, на главном проспекте, растянувшемся вдоль бухты Золотой рог, до сих пор стоит здание так называемого «чуринского универмага». В универмаге того же Чурина в Хар-

бине продавцы даже и много лет спустя могли легко перейти с китайского на русский. У русских была своя жизнь. Здесь выступали драматические, эстрадные артисты. В Железнодорожном собрании до войны работала русская оперная группа — на спектакли ходили советские служащие КВЖД. Именно здесь в 1927-1929 годах в течение двух сезонов пел, после сезона в Свердловске, молодой Сергей Лемешев, оставивший описание Харбина тех лет. Отдали дань харбинскому театру другие работавшие в Свердловске певцы, оркестранты и дирижеры. В городе действовали православная церковь, русская молодежная организация, школы. Так же как и в Шанхае, в свою очередь приютившем множество русских людей.

Жизнь еще одного из «шанхайцев», о которых хочу рассказать, Николая Федоровича Цепилова — «технаря», а в последнее время — помощника депутата Свердловской областной Думы, оказалась связанной с обоими китайскими городами. Родившись в 1928 году в Харбине, на станции Мулин, он через два года вместе с родителями переехал в Шанхай. Еще через два года потерял отца и мать и оказался в детском приюте имени Тихона Задонского... Впрочем, получил образование в Коммерческом училище, куда обычно направляли приютских, а позже — в Высшем техническом центре.

Алексей Андреевич Костин родился еще перед революцией в Омске, но в начале 1917 года мать с двумя детьми переехала в Харбин, к мужу, где тот работал на Китайско-Восточной железной дороге. Алексей окончил гимназию, институт и, как он говорит, стал классическим «белым воротничком», работая сначала бухгалтером в торговом доме «И.Я.Чурин и К°», а потом старшим страховым инспектором в швейцарской фирме «Бринер».

В общем, все трое не бедствовали. Но зов ис-

торической родины был силен, и когда в 1947 году Указом Президиума Верховного Совета СССР была дана возможность вернуться «домой» всем бывшим подданным России, оказавшимся после революции за границей или родившимся там, они использовали эту возможность. Хотя понимали: новая жизнь может сложиться по-всякому.

«УДИВЛЕНИЕ НЕ ПОКИДАЕТ МЕНЯ»

«Мечта уехать и жить на Родине была со мной с самого детства, — вспоминает Цепилов. — И подогревалась она нашей няней, Таней Махровской, потом в детском кружке Центрального Советского клуба, в юношеском отделе при Советском спортивном клубе. И вот рано утром мой старший брат Аркадий погрузил весь мой скарб на такси, и мы отправились к нижней верфи, где причалил к берегу красавец теплоход «Ильич»...»

О том, как проходило прощание, Николай Федорович помнит, как будто бы это было вчера. Проводить отъезжающих собралось видимо-невидимо народа. Провожаящие забросали теплоход лентами серпантина, так что образовалась сплошная сеть блестящих ниточек-паутинок, соединявших корабль с теми, кто оставался. Когда теплоход заскользил по фарватеру реки Вампу, ленты серпантина, не выдержав напряжения, рвались: у всех на глазах разрывались связи с родными, друзьями, знакомыми.

Через четыре дня — берега СССР, бухта Находка. Грузовики отвезли всех в военный лагерь для прохождения карантина и отправления других формальностей. Ужин и сон на двухъярусных нарах и...

«Первое утро на родной земле! Удивление не покидает меня...» Хлеб в солдатской столовой был непеченым, съедали поэтому только корочки, а мякоть отдавали местным жителям — старичкам, бабушкам, малышне, которые, крестьяне, благодарили за гостинцы. Тогда начальство предупредило: «Если будете отдавать хлеб врагам народа — власовцам, сами останетесь без хлеба»... Позднее Николай Федорович записал: «Так я познакомился с врагом народа. Ему было не более пяти лет, и звали его Васей, и бегал он в длинных штанах бо́сиком...»

В Свердловске, куда их доставил поезд, устроился на работу через переселенческий пункт, а когда вскоре приехали из Китая брат с женой, переехал с ними в Кировград. В 1954 году женился в Ревде, перешел работать преподавателем физики в среднюю школу, в 1958 году организовал в Ревде городской радиоклуб, где и проработал 34 года. В период «перестройки» был избран депутатом городского Совета. После его отпуска, в 1993 году, его избрали депутатом городской Думы. У него дочь и сын, растут две внучки и внук. Короче говоря, он доволен.

Были ли трудности? Ну, конечно. Когда в начале 50-х поступил учиться в Уральский госунивер-

ситет, через два месяца его «ушли». Но это, конечно, не худший вариант судьбы. Многим пришлось тяжелее, особенно в первые, еще сталинские времена. С трудом уходил из души страх. (Моя знакомая, тоже приехавшая из Харбина, уже получив в Свердловске комнату и, пусть небольшую, работу, долго держала про запас стеганые куртку и брюки, которые приготовила, отправляясь в Россию: пугали, что репатриантов сразу пошлют в Казахстан на «исправительный» труд, а попросту — в лагеря, как со многими случалось в 30-х).

Но постепенно осваивались.

— За пятьдесят лет Свердловск стал для меня родным городом, — говорит Алексей Андреевич Костин.

Харбинский «белый воротничок» с детства увлекался спортом, который по возвращении на родину стал его основной профессией. Все эти пятьдесят лет он проработал инструктором и тренером по шахматам и настольному теннису, имеет звание судьи республиканской категории, был заместителем председателя Федерации настольного тенниса России, а с 1948 года по настоящее время — в президиуме городской и областной шахматной федерации. Он многое видел, по спортивным делам исколесил весь бывший Советский Союз. И хотя сейчас уже «разменял» девятый десяток, энергии не теряет — участвует в жизни общества российско-китайской дружбы, общества «Русские в Китае», областной организации ветеранов спорта и говорит о своем пути: «Если бывают чудеса в жизни — я был бы не прочь все пережить еще раз!»

Почти что сразу определилась судьба и у Бородина. Вскоре после приезда в Свердловск он стал работать учителем английского языка. Имея уже почти шестилетний педагогический стаж, заочно закончил «иняз», и в 1958 году был приглашен преподавать в среднюю школу. И работает уже 40-й год, а общий его педагогический стаж выразился в «круглой» цифре — 50, чем могут похвастаться, согласитесь, немногие.

РОДНАЯ ЗЕМЛЯ

Когда у Юрия Михайловича Бородина спрашивают, что позволило ему сохранить трудовую форму, он отвечает: «Спорт». Еще в Шанхае занимался гимнастикой, боксом, играл в футбол, волейбол, настольный теннис и шахматы. Приехав в СССР, сосредоточился на настольном теннисе, был первым и многократным чемпионом Свердловска, призером первенств России, успешно играл на всесоюзных соревнованиях.

Поездив достаточно много внутри страны, он в 90-е годы выбрался за границу. С тех пор был дважды в Швеции со школьными коллегами и группой учеников школы №13. Летом 1995 года по приглашению школьного друга побывал в США, где прожил два месяца — свой учительский отпуск. Еще один отпуск провел в Австралии, в Сиднее, куда

его тоже пригласили бывшие шанхайцы. Поездки дали повод для размышлений. В обеих странах, повидавшись с бывшими соучениками по шанхайскому реальному училищу имени Пушкина и английской муниципальной школе (Public and Thomas Hanbury School), он имел возможность сравнить свою судьбу с судьбой тех, кто вместо родины отправился в Штаты, в Австралию.

«Конечно, — делает вывод Юрий Михайлович, — в материальном отношении я начисто проигрываю моим друзьям по молодости, но это объясняется весьма просто — разницей в оплате труда у нас и там, что общеизвестно. Но вот в другом отношении я неизменно «богаче» их всех: за 50 лет учительства у меня было несметное количество учеников, встречи с которыми, особенно по торжественным датам, это такой праздник души, цену которого невозможно перевести на доллары. Все это я еще раз очень почувствовал, когда моя школа — сейчас она называется «Лингвистическая гимназия №13» — праздновала 75-летний юбилей (школа лишь чуть постарше меня). Приятно сознавать, что тебя ценят. Конечно, не все учащиеся — балласт для души. Но, к счастью, в глазах подавляющего большинства я часто вижу блеск, который стоит многого».

...Он, разумеется, прав — есть ценности выше, чем материальные. И есть чувство Родины, вместе с которой, я в этом убеждена, человек должен разделить все — и радости, и печали. Так ведь и в отношении к близким людям: разве они нужны нам

только когда богаты и здоровы?

Одинаковое понимание важнейших моральных истин не менее крепко сплачивает людей, чем общее прошлое. Возможно, поэтому, хотя прошло столько лет, «шанхайцы» при всей разности индивидуальных характеров, судеб, до сих пор испытывают чувство близости, часто сходятся в обществе-землячестве «Русские в Китае», где председательствует Георгий Николаевич Виноградов, выпускают интереснейшую газету с таким же названием, в которую много сил вкладывают Николай Кузнецов, Юлиан Гордиенко, Марианна Сомова и другие.

50-летие своего возвращения они отметили в «Ямщицком дворе» дома-музея Федора Решетникова в Екатеринбурге. И хотя за плечами у каждого была не такая уж легкая жизнь, как говорят они сами, «никто не жалел о своем историческом выборе». Они стали инженерами и искусствоведами, учителями и учеными, словом, смогли реализоваться на родине. А в тот день, на торжестве, с восторгом пробовали экзотические яства, приготовленные умелыми руками женщин, поднимали тосты за россиян с нелегкой, но интересной судьбой, пели романсы, фотографировались...

«Я рад, что встретил земляков, — это слова Н. Ф. Цепилова. — После долгих лет отрыва мне доставляет огромное удовлетворение каждая встреча с ними».

Вернутся ли те, кто уехал в заграничные дали недавно, и повторят ли такие слова?

В начале июня по дороге из Москвы, где проходила конференция, посвященная 100-летию КВЖД, в Екатеринбург заглянули гости из Австралии, Китая (Харбин), Новой Гвинеи. Они побывали в Верхотурье, приложились к мощам Симеона Верхотурского, посетили также г. Нижний Тагил. Большая программа ждала их в Екатеринбурге. Кроме прочего, гости побывали на открытии выставки, посвященной юбилею КВЖД и Харбину.

На снимке: у стендов выставки (слева направо) Л. Савва (Сидней, Австралия), Г. Тькоцкий, В. Ду, З. Симонова (Екатеринбург).

Фото В. ВЕТЛУГИНА.

Юрий КЛЮШНИКОВ

«УСМИРЯЛ ЧЕЛОВЕКОЛЮБИВОЮ ЛАСКОВОСТИЮ»

(А.В. Суворов на Урале)

Весна 1775 года. Средний Урал. По дороге скачут два всадника. Один из них — генерал-поручик А.В. Суворов. С ним сопровождающий — донской казак.

Поездка тайная. Узнай государыня истинную ее цель, прославленного воителя ожидали бы большие неприятности. Поэтому Суворов, получив от императрицы Екатерины II в подчинение все войска в Башкирии, на Среднем Поволжье, Южном Урале числом до 80 тысяч человек, официально объявил: едет проверять боевую готовность своих полков в Самаре, Оренбурге, Уфе. А о намерении «завернуть» на Средний Урал — ни слова.

Александр Васильевич отказался от обычного эскорта, положенного военачальнику. Ему не нужны были свидетели того, что он намеревался осуществить. А хотел он спасти крестьянских бунтарей Урала от неминуемой жестокой расправы, что ожидала их после казни 10 января 1775 года Емельяна Пугачева, предводителя крестьянского восстания.

Приказ императрицы «карать смутьянов без жалости» был не по душе будущему графу Рымникскому.

«Я с мужиком драться не привык. Помилуй Бог! — писал он отцу в подмосковное село Рождественно. — Турку бью, немца бью, поляка бью, всякого врага бить буду. А мужика сроду не бивал. Я сам мужик, сам солдат, сам русак среди русаков...

Мятеж, восстание... Мужик бунтует... А кто его довел до этого? Разворошили муравьиную кучу, натворили делов, а теперь наш брат, солдат, поди расхлебывай».

Суворов двигался по территории Среднего Урала стремительно. Быстрота действий была его главной отличительной особенностью. За сутки отмахивал до 80 верст. Ночевал где придется. В деревне — на сеновале. В поле — в кустах. Надо было спешить утихомирить своевольных до подхода карательных отрядов главнокомандующего правительственными войсками генерал-аншефа П.И. Панина. Каратели двигались следом за Суворовым. Во всех непокорных селах и деревнях ставили «по одной виселице, по одному колесу и по одному глаголю (крюку) для вешания за ребро». И не велено было снимать «впредь до Указу».

Надо сказать, что на Урале крестьянские мятежи достигли высшей точки тогда, когда крестьянская война в целом по России шла на убыль, и основные силы мятежников были разгромлены.

В короткое время Суворов побывал во многих «непокойных» деревнях Урала. Слава о его воинских победах докатилась и сюда. Повсеместно происходило так. Приезжий генерал, одетый не по-генеральски, а совсем даже просто — в крестьянском армяке поверх походного мундира, в крестьянской валяной шляпе. Спешно собирал деревенскую сходку. Заявлял: «Я Суворов!» И сходка ловила каждое его слово.

Куминово, Пушкарёво, Липовка, Коркино, Галактионовка... Везде он объявлял прощение бунтарям, прекратившим сопротивление. Пускался даже на хитрость. Дескать, сам «государь Петр Фёдорович», которого довелось ему конвоировать «в железах» (Пугачёв именовал себя императором Петром III), просил его склонять мятежников к миру.

Убеждал, что помощи уральским повстанцам все равно ждаты неоткуда. На дороге от Екатеринбургa устроены надежно охраняемые завалы, которые, кстати сказать, не пустили пугачевское войско вглубь Среднего Урала. И чтобы избежать жестокой кары, лучше будет, если ослушники сдадутся ему, Суворову. В свою очередь он готов не применять смертной казни. И постарается облегчить участь земледельцев. Для этого они должны подать челобитные о своих нуждах ему лично. На все это уходило час-полтора. После чего селяне присягали не злоумышлять против матушки-государыни.

Позже в автобиографии 1790 года полководец напишет: «И не стыдно мне сказать, что я на себя принимал иногда злодейское имя. Сам не чинил нигде, ниже чинить повелевал ни малейшей казни, разве гражданскую и то одним безнравственным зачинщикам, но усмирять человеколюбивою ласковостию, обещанием Высочайшего Императорского милосердия».

Суворов просил крестьян держать в секрете его приезд к ним и взаимный уговор. Сам об этом тоже помалкивал. В его официальной автобиографии, деловой переписке нет никаких подробностей о поездке на Урал. Лишь краткие сведения о том, что он в

короткое время прекратил «без кровопролития» волнения в Башкирии и ряде других мест.

Во время поездки Александр Васильевич намеренно избегал встреч с губернскими и уездными властями. Окажись они в курсе дела, — могли бы донести императрице о его «мягкосердечии к злодеям» вопреки монаршей воле. Вот почему информация об этом практически отсутствует в канцелярских бумагах местной администрации.

Тем не менее в архивах неустановленных лиц, в частной переписке нет-нет да и всплывают иногда любопытные свидетельства о гражданской суворовской дипломатии. Так, письмо безымянного автора из окрестности туринаского воеводы И. Суздальцева подтверждает, что «генерал-поручик Суворов вихрем промчался по восставшим деревням Куминово-волости (ныне Свердловская область), после чего там воцарились спокойствие и порядок».

Екатерина догадывалась о нежелании Суворова воевать с крестьянами, хотя и не имела доказательств, чтобы обвинить его в этом. Недовольство императрицы неэффективными действиями генерал-поручика выразилось в том, что из всех генералов — участников подавления пугачевского восстания — Суворов единственный никак не был отмечен.

Отозванный после заключенного мира России с Турцией с театра военных действий для борьбы с Пугачевым, он мог бы молниеносным ударом разом покончить с «крестьянским царем». Но мы видим скорее имитацию активных действий. На словах — «иду за реченным Емелькою». На деле — Суворов прибывает в Царицын спустя две недели после разгрома 15-тысячного войска самозванца отрядом подполковника И.И. Михельсона. И фактически мешает Михельсону преследовать по пятам уцелевшие полторы сотни казаков во главе с Пугачевым, что бежали в степи Заволжья. Забирает у подполковника конницу графа Б.П. Меллина, приданную его отряду. Одной михельсоновской пехоте конечно же не догнать конных пугачёвцев. Не разведав точного маршрута беглецов, Суворов посылает конницу искать злодея в степи. Кавалеристы бесцельно блуждают по безлюдному пространству. В итоге беглецы еще больше отрываются от погони. Узнав, что Пугачев расположился на реке Большой Узень, Александр Васильевич так туда «поспешает», что является к шапочному разбору — самозванец уже схвачен своими сообщниками и содержится в Яицкой крепости под караулом. Конвоируя злодея в Москву, Суворов не доводит его до столицы и передает генерал-аншефу П.И. Панину в Симбирске.

Смысл странных поступков полководца становится понятен, если учесть его нежелание считаться «главным палачом» восставших крестьян. Роль жандарма-администратора тяготила его. 15 июля 1775 года скончался отец военачальника — отставной генерал-аншеф В.И. Суворов. Под этим предлогом сын 18 августа просит всеисильного Г.А. Потемкина уволить его в Москву, что впоследствии и произошло.

Кроме того, Суворову удается с помощью своего

покровителя, фаворита царицы графа Г.А. Потемкина выполнить ряд просьб, высказанных уральскими крестьянами-повстанцами. Были помилованы уральские старообрядцы, примкнувшие к Пугачеву. Суворов уверил государыню, что они были «обмануты самозванцем». По ходатайству Александра Васильевича получили прощение «раскаившиеся бунтари» Туринского уезда. Докладная записка полководца государыне позволила скостить крестьянской бедноте Таборинской, Слободо-Туринской, Гаринской, Тавдинской и Пелымской волостей недоимку в казну. Разоренные поборами и неурожаями, крестьянские хозяйства деревень Чувашово, Бецково, Пихтовка, Ургучин-Юрт и некоторых других получили, благодаря Суворову, денежную помощь. Суммы небольшие, но крайне необходимые.

Авторитет Суворова, как народного заступника, среди уральских крестьян был очень высок. Даже после смерти его в 1800 году они продолжали верить, будто весть о кончине Непобедимого — это ложь. И продолжали писать ему свои «слезницы».

В частности, в начале 1800-х годов по чиновным канцеляриям разных ведомств весьма долго гуляло прошение туринских крестьян за подписью волостного головы Кайгородова, старосты Абросова на имя «милостивца и благодетеля графа Суворова». Писавшие просили «батюшку-графа» похлопотать насчет отмены земских повинностей сверх сметы и против «существующего Указа». Ответа, естественно, не последовало. А писавшему прошение крестьянину соседней с Туринском Куминово-волости Ф. Асанову туринский градоправитель сделал внушение: впредь не писать прошений «лицу, коего нет в живых». Писарь «поведал об этом крестьянам» и разъяснил, что дополнительные поборы действительно незаконны. Крестьяне посчитали, что чиновники нарочно не передали прошение Суворову. А посему решили не подчиняться земской полиции и туринскому земскому исправнику, если те станут принуждать землепашцев к уплате новых сборов. До тех пор, пока не придет ответ от сиятельного графа «батюшки Александра Васильевича».

Посланная по распоряжению тобольского губернатора воинская команда разогнала непокорных крестьян, что прибыли в Туринск и в село Куминово (ныне — Слободо-Туринский район) из ближних и дальних деревень уезда отстаивать свои права. Главные бунтовщики — волостной голова Кайгородов, староста Абросов, около 50 крестьян — были арестованы за «неповиновение земскому начальнику в платеже денег и буйство против земского исправника и окружного стряпчего».

После расправы над крестьянами недоимку ликвидировали в две недели. В счет недоимки пошли проданные с молотка за бесценнок несжатые хлеба с крестьянских полей, имущество, лошади, скот. Жалоба пострадавших «его императорскому величеству в собственных руках» на действия местных властей осталась без внимания.

ЧУЖОЙ СРЕДИ СВОИХ

В самом конце сороковых — начале пятидесятых годов, прижатый болезнью и не имея возможности выполнять какую-либо казенную работу, я занимался домашним самообразованием по самодельной же программе. Труды Ф. Энгельса навели на мысль о диалектическом равновесии. Мысль эта зацепила за живое, будоражила, лишала сна. И попадись мне тогда такой же «тронутый», возможно, оказался бы я в числе физиков. Но... все постепенно уравнилось на лирике, а физика тихонько отошла в сторону.

И лишь поздней осенью 1979 года это самое «равновесие» явилось ко мне само. Передо мною стоял человек среднего роста, коренастый, с роскошной, чуточку закругленной бородой и совершенно черной кожей. Белый воротничок еще более подчеркивал эту негритянскую матовую черноту, хотя черты лица решительно ничего африканского в нем не выдавали.

Это был Борис Иванович Черкун. Он приехал из Магнитогорска, где жил тогда, хлопотать об издании автобиографической книги «Эдельвейсы растут на скалах». Зашел к ответственному секретарю Челябинской областной писательской организации, чтобы попросить содействия. Сказал, что писательская стезя как таковая его не увлекает, что все помыслы тянут его с головой в науку. Да только вот не верят дипломированные мужи, что какой-то недоучка, одиночка, без коллектива, без лаборатории может что-то такое совершить в науке.

Мы разговорились, познакомились. И вскоре из рюкзака, с которым Борис Иванович не расставался ни на минуту, была извлечена рукопись главного его научного труда «Движение как диалектическое равновесие». От первых же строк повеяло знакомыми, родными мыслями... Тут и состоялась настоящая встреча моя с диалектическим равновесием.

Через короткое время мы стали настоящими друзьями. Я узнал, что после заключительной (кажется, шестой) операции в Москве он оказался единственным человеком в мире, начавшим жить без надпочечников, что ранее считалось совершенно невероятным. Негритянская чернота постепенно смягчилась, сошла с лица. Как-то ему удалось приспособиться к нелегкому сосуществованию с первой группой инвалидности, и все наличные силы посвятил он науке. По моей просьбе Виктор Александрович Смеющев, добрый человек и секретарь Магнитогорского горкома партии, не однажды помогал Борису Ивановичу изготовить в местных мастерских нужные приборы и приспособления, необходимые для проведения экспериментов.

Потом нам удалось (опять же с помощью горкома) организовать обсуждение главной работы Бориса Ивановича — публично, в среде ученых магнитогорских институтов. Правда, очень дорого далось это обсуждение Б. И. Черкуну. Даже со стороны горько и больно было смотреть, как полдюжины дипломированных вполне благополучных особей терзали одного — черненького, бездипломного и незащитного. Да это и не было обсуждением, а скорее выглядело надругательством над человеком, добровольно поднявшимся на Голгофу. Его не слушали, его не слышали, не хотели видеть того, что было напечатано в рукописи черным по белому, а несли нечто вырванное из учебников и не имеющее отношения к делу.

Рукопись от этого, конечно, не пострадала, а вот у автора, наверное, на целый год вперед в труху перегорели нервы. Да недолго он и прожил после того. А меня назвал он тогда своим духовным отцом, и я очень горжусь этим званием.

Петр СМЫЧАГИН

Павел КАРАВДИН

ЗАКОН ЧЕРКУНА, ИЛИ КОНЕЦ КОСНОЙ МАТЕРИИ

В январе 1992 года челябинский писатель Петр Смычагин рассказал мне об одном мыслителе, который жил в Магнитогорске и умер в 1985 году. Осталась рукопись «Движение как диалектическое равновесие», в которой Б. И. Черкун показал себя как философ мирового уровня. Он решил задачу, над которой бились многие философы, в том числе Аристотель, Гегель, Маркс. Решали, но не решились, а наш земляк решил.

Я сразу понял значение рукописи, так как был настроен на ту же «волну». В те годы занимался теми же проблемами, что и Черкун. И даже имел несколько публикаций в местных газетах, когда начала ослабевать монополия АН. Из рукописи видно, что Борис Иванович пытался ее опубликовать, но, увы, человек со стороны не имел и пока не имеет никаких шансов на выступление в научных изданиях. Поэтому я попытаюсь вкратце изложить суть открытия Черкуна.

Рукопись начинается с выяснения, что такое движение и инерция. Проблема может показаться надуманной. Но до Коперника (всего-то около 400 лет назад) ее не существовало. Земля не двигалась, и все, что на ней — покоилось тоже. А что не покоилось, то и двигалось. Хотя и в древние времена некоторые философы догадывались об относительности движения. Так Зенон около 2500 лет назад доказывал, что летящая стрела одновременно и движется, и не движется. Ньютон утверждал, что во Вселенной, состоящей из бесконечного пустого пространства и материальных тел, движущихся в этом пространстве, всякое равномерное и прямолинейное движение относительно.

Представьте себе, что Вы находитесь в пространстве Ньютона. В принципе не существует никакого

способа узнать, двигаетесь Вы или покоитесь. Вдруг Вы заметили, что к Вам приближается некий предмет (человек). Этот человек тоже не может определить, кто из вас двоих движется, а кто покоится. И вы движетесь относительно другого, и он движется относительно вас. Но, с другой стороны, вы оба остаетесь неподвижными. Именно поэтому древний мудрец изрек: «Движения нет».

Для обычных людей нет и проблемы инерции. В нашем примере с двумя субъектами каждый из них движется по инерции (или сохраняет свое состояние покоя, что одно и то же). А для покоя не нужно энергии, которая потребна для движения. Но мы не знаем, что такое движение. Не зная движения, не можем понять инерции. Вот что пишет известнейший физик-теоретик Роберт Фейнман: «... Свободное движение не имеет никакой видимой причины. Почему предметы способны вечно лететь

по прямой линии, мы не знаем. Происхождение закона инерции до сих пор остается загадкой». (Характер физических законов. М. 1987. с. 14). Ему вторит наш ученый Н. Гулия. Который в книге «Инерция» (М. 1982) на с.11 пишет, что понятие инерции — непростое. Далее на с.46: ясного ответа на то, что такое инерция, пока нет. Еще ниже (с.48), что теория относительности окончательно запутала этот вопрос.

Надеюсь, теперь понятна важность проблемы, которой занимался Черкун.

О ДВИЖЕНИИ

Черкун пишет, что идея равновесия, уравнивания как основы движения уже давно носится в воздухе. Но понятие равновесия применяется в двух противоположных значениях: как уравнивание со средой, приспособление, адаптация; и равновесие — как покой. Отсюда и все

Борис Иванович Черкун

разнообразии терминологии, «замешанной» на равновесии. Есть даже устойчивое и неустойчивое равновесие.

Из истории науки известно, что фундаментальные законы природы очень просты. Поэтому нужно ожидать, что и сущность движения — проста. И Черкун доказывает, что в любой момент времени тело пребывает в диалектически противоречивом состоянии: оно стремится подчиниться внешнему воздействию и, вместе с тем, сохранить свое состояние (противодействовать внешнему воздействию). Это противоречие является фундаментальным, присущим всякому материальному процессу, объекту.

Выяснив, что причиной всякого движения является противоречие, Черкун определяет, что движение есть стремление материальных тел (процессов) к диалектическому равновесию: к равновесию с внешним воздействием и к равновесию с самим собой. Иными словами, процесс диалектического уравнивания и есть движение. Движение — это стремление материи к равновесию, к абсолютному покою, которого она никогда не достигает. Стремление к покою и есть движение. Итак, в фундаменте основного свойства материи — движения — лежит очень простое свойство — стремление к равновесию.

ОБ ИНЕРЦИИ

Для физиков и философов инерция олицетворяла собой косность материи. Инерция считалась антагонистом по отношению ко всякому движению и изменению. Исходя из таких представлений, философы с неизбежностью приходили к мысли, что миром должно управлять Высшее существо, которое одно только и может побудить его к движению. Ни о каком самодвижении и саморазвитии материи не могло быть и речи.

Однако, стоит только представить инерцию не как пассивность материи, а как свойство тела сохранять свое состояние, и все сразу становится на свои места. Инерция становится формой активности материи, обуславливающей изменение состояния данного же объекта.

В итоге Черкун делает вывод, что пока способность тела сохранять свое состояние и способность противодействовать внешнему воздействию рассматривалась отдельно, каждое из этих свойств выступало как свидетельство пассивности материи. И не только внешне, но и по самой сути своей, ибо каждое из этих свойств в одиночку, само по себе не в состоянии обусловить движение.

Но стоило взглянуть на них с диалектических позиций — и эти две полярные тенденции пред-

стали перед нами как две формы активности материи, которые, будучи полярными, в то же время неотделимы друг от друга, они друг друга дополняют и каждое из них обуславливает активность другого. И далее: материальному телу присущи такие формы активности, которые обеспечивают ему движение и изменение самого себя, т.е. обеспечивают самодвижение материи.

Итак, косной материи больше не существует.

Закон Черкуна можно кратко выразить формулой: в природе всякое действие осуществляется через противодействие. Похоже на третий закон Ньютона: действие равно противодействию. Только похоже. У Черкуна действие и противодействие в общем случае не равны друг другу. Закон Черкуна описывает все возможные случаи взаимодействия в природе. Третий закон Ньютона является только предельным частным случаем закона Черкуна. Другим предельным случаем закона является случай, когда действию нет противодействия. В этом случае движение происходит катастрофически быстро.

Черкун определил, что причиной движения становится противоречие. Но что такое противоречие? Это — разность между действующей и противодействующей силами. Если нет разности, то нет и движения. То, что мы называем движением по инерции, не является движением в философском смысле, так как нет разности, нет противоречия. Природа находится в вечном движении вследствие своей противоречивости, т.е. неоднородности.

Таким образом, наш земляк-магнитогорец Борис Иванович Черкун открыл закон природы, в котором законы Ньютона являются только частными случаями.

Раскрыв причину движения, Черкун объяснил и суть инерции. Инерция — это способность любого материального тела активно противодействовать внешнему воздействию. Закон инерции равносильен принципу причинности. Без причины не бывает никакого движения. С помощью закона Черкуна в принципе можно объяснить любое явление природы. Черкун многое и объясняет, не касаясь только общественных процессов. Нужно понимать, что его работа датирована февралем 1982 года. Он не мог дразнить гусей.

Кстати сказать, из закона Черкуна вытекает определение монополии. Монополией является всякое действие без противодействия. Власть без оппозиции, без противодействия — абсолютная власть. Она всегда приводит к гибели себя и государство. Даже электрический ток, если в цепи исчезает ему противодействие, превращается в ток короткого замыкания, губительный для сети.

Камень Олений

Вечер над протокой

Демидовские столбы